

«Какого цвета, вернее, оттенка вода ранним утром в начале июня, когда робкий туман с её поверхности истаян лучами восходящего солнца, спугнут пением различных птиц, потрескиванием оживленного костерка. Оттенок воды: глубокая лёгкая зеленоватость чуть дышащей под слабыми порывами утреннего ветерка поверхности водного зеркала. Сквозь толщу этой мерной волнуемой массы великолепно видно дно и мелкие косяки нерестающейся плотвы, движущейся в бликах солнечных лучей, отраженных внутренней поверхностью спокойно колышущейся воды...»

*Читайте в первом летнем номере
Нижне-Сергинские зарисовки Радия Тихонова.*

Живем мы в Екатеринбурге, народу тьма, в другом муравейнике муравьев меньше. Про машины, заводы я и говорить не хочу. А всего-то 60 км по прямой среди сохранившихся лесов, где стоят лиственницы в 4 обхвата, течет тихая чистая, задумчивая, красивая речка Адуй, что впадает в реку Реж. Знаменита Адуй своими самоцветами. Здесь деды наши такие камни добывали что нам, нынешним, и не снилось; одна копь Семениха чего стоила.

Страна содрогалась в затянувшемся кризисе перемен. Опустели полки магазинов, была введена карточная система. Все было по карточкам, от сахара до мыла. Простыни тоже продавали по карточкам, и белье уже не сушили во дворе – его унесли бы вместе с веревкой. Жили в тревоге, старались засветло возвращаться домой. На улицах случалась стрельба. Люди отгородились от внешнего мира стальными дверями и решетками. Появились бродяги, бездомные, обитавшие в подвалах, теплотрассах, на чердаках. Питались они из мусорных бачков, не брезговали голубями, собаками и даже кошками. А мы своих привычек не изменили, продолжая в утренней спешке выпускать Молли на несколько минут в наш тихий двор. Она всегда быстро возвращалась – дома ждал завтрак. Но однажды...

Автор этого рассказа Валерий Буланов когда-то был знаком с уральским писателем Борисом Рябининым и, можно сказать, продолжает его традиции в творчестве. В следующем номере журнала читайте его пронзительные заметки о говорящей собаке Молли...

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

У Р А Л Ь С К И Й № 5 (587), 2006
следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

май:

**АРБУЗНАЯ РЕКА
или
ДОБРЫЕ ЛЮДИ
НА СКАЛАХ**

**ЧТО ДЕЛАТЬ,
КТО ВИНОВАТ,
И КТО СКАЗАЛ «МЯУ»**

**НАГРАЖДЕННЫЕ
И ЗАБЫТЫЕ**

ВАС ЖДУТ УНИВЕРСИТЕТЫ

Поздравляем выпускников с успешным окончанием учебы в школах и вузах. Вам открывается весь мир и у Вас есть выбор!!! Пусть стараниям и усердию сопутствует удача. Дорогие АБИТУРИЕНТЫ!

АКОПЯН
Владимир Мамиконович
генеральный директор

Доступное высшее образование в Европе

ВУЗЫ ЧЕХИИ

- **Высшая Школа Предпринимательства г. Острава**
- **Институт Государственной аккредитации и международных отношений г. Прага**
- **Банковский Институт г. Прага**
- **Отельный институт г. Прага**
- **Торговый институт г. Прага**
- **Институт Финансов и Управления г. Прага**

С 26 по 28 июня в Екатеринбурге представители чешских вузов проведут тестирование.

Вы можете стать студентом!!!

8 (343) 233-16-93(94)

8-922-20-94-672

Уральский Финансово-Юридический институт

Лидер в области высшего юридического
и экономического образования

формы обучения:

- дневная • вечерняя • заочная
- ускоренная (после техникума) - 3 года
- второе высшее - 3 года
- довузовская подготовка для уч-ся 10-11 кл.
(с последующим зачислением на 2-й курс)

Ректор, кандидат юридических наук
НАЗАРОВ Владислав Иванович

Президент Попечительского совета
ВИНОГРАДОВА Анжелика Эрнстовна

Лицензия № А-169003 от 24.05.05. Гос аккредитация: серия В №000544 от 24.06.05

Элитная профессура. Государственный диплом. Отсрочка от армии.

Здесь начинается дорога в современный мир...

620151, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 41-а, тел. 371-33-25, 371-21-29, 264-19-73.
620062, ул. Чебышева, 6, тел. 375-72-58. E-mail: UrFJI@ural.ru, <http://home.ural.ru/~UrFji>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лицензия № 0452 от 14.03.03 г.
Гос. аккредитация №0964 от 14.06.03 г.
Представителем МГИУ в Екатеринбурге является
Уральский Дом науки и техники.

Институт Дистанционного образования МГИУ (ИДО МГИУ)
объявляет прием на заочное обучение по специальностям:

- 060500 Бухгалтерский учет, анализ и аудит
- 060800 Экономика и управление на предприятии
- 021100 Юриспруденция
- 521500 Менеджмент
- 521400 Маркетинг

ИДО МГИУ работает по всей территории России через систему Региональных центров и представительств. ИДО МГИУ организует весь процесс обучения студентов, начиная со вступительных испытаний и заканчивая защитой дипломного проекта.

Форма обучения – заочная, с элементами дистанционных технологий.
Полное обеспечение учебной литературой. Обучение *платное*.

ПО ОКОНЧАНИИ ВЫДАЕТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДИПЛОМ

Адрес приемной комиссии: ул. Бардина, 28, оф. 213, 219

т. (343) 240-89-81, 359-59-68.

e-mail: itcudnt@etel.ru

Дорогие выпускники школ и ВУЗов.

Чехия предлагает доступное Европейское образование. Вас ждут университеты Праги и Оставы. Вы получите качественное образование, хорошую практику со 2-го года обучения; своим усердием и старанием Вы откроете себе дорогу в будущее, где вы будете востребованы. Вас ждет достойная работа и блестящая карьера. Выпускники ВУЗов могут продолжить свое образование в магистратурах.

Знание чешского языка открывает возможность учиться бесплатно во всех государственных ВУЗах.

Частные ВУЗы Чехии доступны: обучение от 1000 у.е. до 2500у.е. (в год)
проживание от 60 до 100 у.е. в месяц.
питание до 100 у.е в месяц.

Вы будете находиться под защитой своего Вуза и Государства Чехии.

Иностранные студенты пользуются всеми правами и льготами чешских студентов до 26 лет.

Жизнь в Чехии спокойна и приятна, ее избрало своим временным или постоянным домом значительное количество иностранцев, благодаря чему Прагу 90-х годов сравнивают с Парижем 30-х годов минувшего века. Скопление громадного количества достопримечательностей на столь малой территории Чехии уникально для Европейского государства.

Красотой сегодняшних пейзажей Чехия обязана не только природе, но и вековым стараниям местных жителей, создавших исторические города, тысячи маленьких деревушек и обширные озера. Чешские реки буквально созданы для речных прогулок и водного туризма.

«Мать городов», «Золотая» или «Стобашенная» – лишь некоторые из названий, которыми по праву гордится чешская столица над рекой Влтавой.

Прага – один из красивейших городов мира, исторический центр города в 1993г занесен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Тысячелетняя история христианства в Чехии оставила свои следы и в архитектуре. На территории Чехии сотни паломнических мест, из них лишь посвященных Пресвятой Деве Марии более трехсот. Крепости и замки являются огромной культурной ценностью Чешской Республики. Этот список прекрасного можно продолжить до бесконечности.

ГОСТЕПРИИМНАЯ ЧЕХИЯ ЖДЕТ СВОИХ ДРУЗЕЙ!

VIVA travel touroperator даст Вам самые подробные консультации, касающиеся вашего обучения в Чехии.

Мы оказываем правовую поддержку в организации Вашего выезда за рубеж и совместно с GoSTUDY предлагаем «Программу Высшего образования в Чехии».

Чешское Генеральное консульство г.Екатеринбург доброжелательно относится к нашим совместным действиям с GoSTUDY по продвижению образовательного туризма; и оказывает помощь в оформлении визовых документов соответственно Чешскому законодательству.

С нами удобно!

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, - книгу-раскраску Андрея Патокина.

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин
Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова
Художник — Ирина Овсянникова
Набор — Валентина Кадочникова
Корректор — Татьяна Сергеенко
Интернет-версия — Андрей Ключников
Учредитель — общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»
Издатель — ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет —

Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 5, 2006
 Издается с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

**Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР**

ООО «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логотипы и название журнала.
 Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12
 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.
 Каждая страница рукописи должна быть подписана
 автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе, ука-
 зывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакторскую правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-
 ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.
 Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия
 ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
**По вопросам приобретения журнала
 обращаться по тел. (343) 257-36-62.**

Подписано к печати 04.05.2006 года.
 Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66.
 Печать офсетная. Тираж 4500.
 Отпечатано в типографии
 ООО ПТЦ «ЯСА»

г.Красноуральск, ул. Чкалова, 4

Заказ №

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

май 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

День Победы

Ю. УТКОВ

А. АЛЕКСЕЕВ

И. ГЛАДКОВА

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

И. ПЛОТНИКОВ

Портреты

Е. МИНАКОВА

По белу свету

Г. УФИМЦЕВ

Клуб собирателей

А. МАКУРИН

Свидетельствуют архивы

В. ТРУСОВ

Лысьвенская каска 4

На «Невском пяточке».

Рассказ разведчика за «языками» .. 23

Ордена из кованого сундука 60

Писательницы России..... 5

Между белым и красным.

Символика и награды

Гражданской войны 8

Сирота 26

Урал продолжается на Алтае 53

«Налоговый» рубль

пока не отчеканен 77

Бегство староверов на Алтай..... 80

АЭЛИТА

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН

Приглашение к рисованию..... 3

Современная поэзия

Н. СМИРНОВА

Стихи..... 6

Фантастика

Е. ШВЕММЕР

Как в старые добрые времена..... 13

Т. НИКОЛАЙЦЕВ

Свидетели Апокалипсиса 29

А. ЩУПОВ

Стрелки 62

Школа юного журналиста

А. ШВЕД

Солдатка..... 28

Современная проза

Ю. ГОРБУНОВ

Изыян..... 69

Миниатюры

В. ТРУФАНОВ

И вообще... 84

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Человек в экстремале

Ю. ШИШКИН

«Зоопарк» на прогулке 17

С. ГОЛОВИНА

Скалолазание — больше, чем спорт.. 56

Туристские байки

И. ЧУСОВ

Затор у Лобача 82

Ю. ШИШКИН

Случай на Ревуне 83

Лысьвенская каска

Весеннее солнце высвечивает около пяти тысяч фамилий на больших эмалевых щитах, у подножия которых горит Вечный огонь славы. Почти каждый третий из лысьвенских металлургов не вернулся с полей сражений Великой Отечественной войны. В других городах в честь Победы над фашистской Германией установлены на постаментах танки, пушки или самолеты. В Лысьве, что в Пермской области, рядом с изваянием воина-освободителя у Вечного огня лежит простая солдатская каска.

Как и в далекие годы Великой Отечественной, о начале каждой очередной смены на Лысьвенском металлургическом заводе извещает горожан заводской гудок. Город этот известен не только в России, но и далеко за ее пределами электротехническим оцинкованным прокатом, слитками мартеповской стали, газовыми и электрическими плитами, эмалированной посудой и другой не менее важной для народного хозяйства продукцией. Изменились с тех давних пор цеха завода — реконструированы и построены по новейшим технологиям.

Качнулись в сторону неминуемого сноса еще сохранившиеся, некогда молодцевато выглядевшие, деревянные строения города. А те из каменных, что казались монументальными, вроде бы стали ниже ростом среди выросших в последние годы многоэтажек.

Город осовременился новыми домами, магазинами, банками и гостиницами. Но уже многие десятилетия, не забывая годин войны, стоят здания драматического театра, кинотеатра «Родина» (который уже и не кинотеатр), общеобразовательных школ, Дворца культуры металлургов.

Трудовые подвиги совершались и в цехах завода военных лет. Сутками не покидали их рабочие, осваивая производство артиллерийских снарядов для малокалиберных зенитных и авиационных пушек. В инструментальном цехе в короткие сроки был освоен и отлажен выпуск зажигательных авиабомб и полурубашек для защиты самолетов.

Но особенно трудно далось изготовление стальных шлемов.

— Наш завод и раньше их выпускал, — рассказывает очередной группе посетителей заводского историко-художественного музея В. Лямзин. — Каска образца 1936 года «прошла крещение» в боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, но теперь оказалась несовершенной, имела уязвимые места.

— Очень трудными были поиски формы каски, ведь достойного аналога даже в зарубежной практике не было, — вспоминает бывшая в начале войны молодым конструктором Надежда Чекмарева. — Мы искали и нашли новую форму каски.

— Первые каски изготавливались из стали, выплавляемой в Мотовилихе и прокатанной на бро-

невой лист в Чусовом и в Нытве. Но в 1941 году эти заводы получили другие военные заказы. Ритмичность снабжения металлом нарушилась. Решено было осваивать выплавку стали и ее прокатку в Лысьве, — продолжает рассказ бывший заместитель начальника производственного отдела Жданов. Ему уже далеко за 90, но в памяти Ивана Ивановича сохранились важные вехи из жизни предприятия, которому он после участия в сражениях на Халхин-Голе посвятил более пятидесяти лет.

— Прокатывать первые слитки на своем суту-ночном оказалось невозможным из-за большого веса, — продолжает экскурсию научный сотрудник музея. — Пришлось обращаться к соседям — металлургам Чусовского. Несмотря на огромную занятость, они прокатали всю удачную плавку. Настала пора браться за дело листопрокатчикам. К прокатным станам встали передовые бригады вальцовщиков.

— Нагрели мы сутунку и приступили к прокатке, — делится воспоминаниями Герой Социалистического Труда бывший вальцовщик Д. Обыденков, работавший в те годы в бригаде одного из лучших в стране прокатчиков Д. Беляева. — А дело не шло: лист или крошился, или получался неровным по толщине.

Выход нашел заместитель начальника цеха Александр Кривилев, сутками не отходивший от клетей. Предложил нагревать сутунку до более высокой температуры и прокатывать в быстром темпе, чтобы металл не успел остывать.

А конструкторы завода «бились» над совершенствованием качества броневой стали, над формой каски. По словам работавшего в те годы старшим конструктором технического отдела А. Филина:

— Немецкие и французские каски гроша ломаного не стоили. Шведские были несколько лучше. А итальянские «котелки» по два килограмма весом... Мы должны были создать надежнее и не тяжелее 800 граммов.

Поступающую из прокатного цеха сталь закаляли, потом, для снятия внутреннего напряжения, «отпускали» в хлопковом масле, промывали в каустической соде и обрабатывали в пескоструйном аппарате. После этого брали на пробу отрезок стали и стреляли по нему из винтовки.

— Стрельбой проверялись и прочность бронелиста, и качество касок в целом, — объяснил бывший контролер ОТК К. Беляев. — Углубление от пули не должно было превышать трех миллиметров. Если же под микроскопом обнаруживались пусть даже самые маленькие трещинки, всю партию металла выбраковывали.

— Наши девчата не раз после работы тренировались на стрельбище, — говорит бывший комсорт

Мария Коренева. — Без промаха били. Правда, ростом были малы, поэтому нам поменяли пол в тире, чтобы можно было доставать до затвора винтовки.

Как свидетельствуют очевидцы, сама Мария с 25 метров попадала в двугривенный.

— Трудности усугублялись тем, — вспоминает ветеран трудового фронта А. Аблицев, — что на сборке подтулейной части и покраске касок не было ни одного взрослого. У конвейеров сидели девочки-школьницы. Они смертельно уставали от этой изнурительной работы. Руками этих маленьких тружениц делалась военная продукция. А им бы в куклы играть...

— Зная о том, что именно мои земляки снабжают армию касками, я постоянно следил за тем, как выдерживают они попадание пули и осколков, — поделился воспоминаниями ветеран Великой Отечественной, гвардии старший лейтенант в отставке А. Перевозкин. — Установил: если обычные винтовочные или автоматные пули попадали не под прямым углом, то они обычно рикошетили, не причиняя каске повреждения. Если же было прямое попадание, то в каске выламывался кусок стали на 2–3 сантиметра и боец получал легкое ранение. Удары небольших осколков каску не пробивали, но крупные от снарядов проламывали ее. Однако редко бывало, чтобы боец при этом был смертельно ранен.

Не случайно лысьвенская каска нашла отражение во многих повестях и романах, в стихах и в песнях.

*Ах, каска Лысьвы, по заслугам
На стенд музейный ты легла:
Была в бою ты верным другом,
От пуль солдата берегла, —*

написал азербайджанский поэт Садык Фикерет...

*В часы глухие, полуночные
В цеху ей виделось сильней,
Как каски лысьвенские прочные
От пуль спасают сыновей, —*

и сегодня поют не только ветераны войны и тыла песню Э. Шпигеля на слова В. Попова «О лысьвенской каске»...

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БАШКИРЦЕВА Мария Константиновна (1860 — 1884), авт. дневника.

«Дневник» (на фр. яз.) начала вести с 13 лет и вела до самой смерти (85 тетрадей). Образование получила, занимаясь по собственному плану, всегда чувствуя за спиной прожитые годы и предчувствуя раннюю смерть («Мне 13 лет; если я буду терять время, что же из меня выйдет!»). Знала несколько языков, в т.ч. латынь и др.-греч., играла на рояле, арфе, мандолине, окончила курс в женской художественной мастерской, оставила после себя более трехсот картин, рисунков, скульпт. работ; анонимно переписывалась с Мопассаном. «Дневник» Б. оценивался неоднозначно, но был переведен на все европ. языки. Тогдашние представители «нового искусства» квалифицировали его как один из исходных пунктов декадентства (З.Венгерова, В.Брюсов, В.Хлебников). «Дневником» была увлечена М.И.Цветаева. Она посвятила Б. свою первую книгу «Вечерний альбом» (М., 1910).

Русские писатели (портр); КЛЭ; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6015-6016.

БАШКИРЦЕВА Н.Д., авт. воспоминаний.

Помещица Харьковской губ. «Из украинской старины. Моя родословная». — «Рус. архив», 1900. Т.1. № 3. С.321-354. ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 167.

БАЯН Ольга Александровна (1899 — 1961), дет. писательница.

Род. в Николаеве в семье учителя. После оконч. гимназии училась в Киевском коммерческом ин-те. Писать и печататься начала в 1931 на укр. языке, но затем стала писать на русском. Авт. очерков, рассказов и повестей об известных русских ученых: А.Е.Ферсмани, А.П.Карпинском, Н.Н.Миклухо-Маклае и др.

Дет. писатели; Мацуев.

БЕБУТОВА Ольга Михайловна (Георгиевна) (урожд. Данилова, в первом браке кн. Бебутова; во втором — Соллогуб; сцен. псевд. Гуриелли, Гурская; 1879 — 1952), прозаик.

Актриса суворинского Малого театра. Актерская жизнь Б. описана в ее ром. «Страсть и душа» (София, 1925), где под собств. именами выведены А.С.Суворин, В.П.Буренин и др. Ее сценич. и литер. популярность частично объясняется атмосферой скандала и мистификации, в которой она постоянно пребывала. Будучи замужем за гр. М.А.Соллогубом, издает газ. «Театр и спорт», где печатает произв. кн. Бебутовой и театр. хронику об актрисе Гуриелли. Романы Б. чаще всего печатались в газетах и напоминали скандальную хронику. По сценарию Б., в основу которого она положила свою пьесу «Дочь падшей», в 1915 г. снят фильм. После револ. эмигрировала, печаталась гл. обр. в Риге. Там напеч. ее ром.: «Борьба двух миров: ист. ром. из времен Александра 1» в 2 кн. (1931); «Бриллианты: Ром. из жизни опереточных артистов дорев. Петрограда» кн. 2 (1932); «Золотая пыль: Ром. из жизни 1914-1916 гг» (1930); «Пути к карьере» в 2 кн. (1930) и др. — более 10 книг. В Болгарии вышел ром. «Лазурный берег» (1927). Сotr. в «Иллюстрированном журнале» (Париж, 1924-1939).

Русские писатели; Венгерова. Источ.; Периодика...; Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

(Продолжение на стр. 25)

* * *

Бабушка в доме белила извѣсткой
кистью мочальной, тяжѣлой и хлѣсткой,
синькою проводила филѣнку
и убирала клеенку.
Форточку отворив для просушки,
вешала на окно задергушки,
после всего в узелке косынки
прятала синьку.
Небо, по воле бабушки Луши,
выпило известь и синьку из лужи –
как же давно, как давно это было –
бабушка стены белила...

* * *

Шестьдесят пятый год; в старой ситцевой юбке
ходит, сгорбившись, бабушка в стылом окошке.
Я стою во дворе в серой кроличьей шубке
и ловлю языком невесомые крошки.
На фанерке с горы еду медленно, длинно,
позади оставляя любимые окна,
и ледышки висят на застывших штанинах,
на шарфе полосатом и варежках мокрых.
Мама, ахая, мне помогает раздеться
(вместо вешалки – в стену забитые гвозди).
Я рисую Москву и кремлевские звезды
и не знаю, что будет со мной после детства...

* * *

Тех дворов, что были только нашими
с детских лет,
где богатство мерили стекляшками,
больше нет.
Там ждала звонка велосипедного
я тайком,
мальчика веснушчатого, бледного,
с хохолком.
Торопясь, меня на раму новую
он сажал
и в затылок стриженный взволнованно
мне дышал.
И плыла навстречу за оградями,
у моста,
зацелованная птицами и взглядами
высота.

* * *

Медуницы влажные глаза
на меня глядят из перелеска –
синие – синей, чем бирюза,
чем твоя на кухне занавеска,
чем в ночи Полярная звезда,
чем в Песчаном озере вода,
чем из детства на стене филѣнка,
чем глаза ребенка.

* * *

Ложись к стене,
я лягу с краю,
отсюда полшага до рая,
который теплится во мне,
в котором я всегда играю,
и неизменно тетя Рая
глядит сердито
за то, что я у пчелки-брошки
сломала крылышки и ножки.
Поет Эдита.
Дверь приоткрыта
в этот рай...
Но только, чур, не умирай
и на краю меня держи,
а если хочешь, Расскажи
о том, какие видишь сны
ты у стены.

* * *

На старом гулком чердаке
с хрустящим шлаком под ногами,
с таинственную полутьмой,
прошитой золотым лучом,
где бабы вешали бельѣ,
напоминающее вольных,
неведомых и сильных птиц,
вот-вот готовых улететь,
я в растворѣнное окно
большое небо увидала
и двор, где далеко внизу
ровесники играли в мяч.
На коромысло вѣдра взяв,
несла с колонки тетя Рая
всѣ то же небо, через край
его роняя... Тополя
лиственной светились. На ребятам
растерянно смотрела мама
и ужинать меня звала.
Кричали «рыба!» мужики.
И голос Трошина звучал...
Я стала старше тѣти Раи,
но до сих пор живѣт в ушах
возня чердачных голубей.

* * *

Ветер сорвал с веревки рубаху
белую, тащит по небу волоком,
рубаха, надувшись, становится облаком
и в другие облака врзается с размаху,
завихряется, выше и выше,
машет рукавами, словно прощается
с девочкой, которая сейчас удивляется,
а завтра пор облако стихи напишет.

Птица спросит: «А Надя выйдет?» —
далеко голос птичий слышать, —
беззащитную душу вынет
и заставит запылять
жаром детских воспоминаний,
смыслом сказанных бабушкой слов,
признающей сильнее наказаний
сострадание и любовь
к той, которой в углу перед мамой
долго, слёзы глотая, стоять,
не просящей прощенья, упрямой,
и которой всего лишь — пять...
Я не знаю, какая птица
позвала из глуши лесной, —
чередой дорогие лица
всё плывут и плывут предо мной...

За сарай, за стог у речки,
за Ивана-дурака,
за трубу от банной печи
зацепились облака.
Сбились в стадо по-овечьи,
разом вырвались из пут
и в кадушке у крылечка
вновь, свободные, плывут.
А Иван идет, мечтает,
после бани, налегке,
пальцем облака считает,
держит небо на руке.
Просит помощи прохожих —
умный — даром что дурак,
понимает, что не сможет
ношу унести никак.

Хочешь, возьму приеду к тебе в Волгоград?
И ты мне покажешь Мамаев курган и Волгу,
свой дом и сад, и зреющий виноград,
и мост, на котором станем стоять без толку
и молча смотреть на пароходы, на
мелькающих ласточек над речным откосом,
на то, как зеленая сонная волна
на две разделяется пароходным носом,
и станем слушать эхо длинных гудков
и шепот воды, наводящий на разные мысли.
А вечером ты попросишь моих стихов
про улетевшие в прошлое листья и числа...

Гроза катилась на восток,
за лесом плавилась зарницы,
и голос беспокойной птицы
в ночи от счастья изнемог —

бесслезно плакал соловей
под окнами в кустах сирени
у дома на краю деревни.
И не спалось душе моей.

Холодно голове моей.
Шапки срывает ветер хлесткий
на перекрестке.
Жарко целует лица людей
яростный морозный молох.
И от обычного на отличие —
выдох и снова короткий вдох,
выдох и вдох — по-птичьи...
Холодно голове моей...
На остановке негде укрыться...
Греется возле ног воробей —
неперелётная птица...

Вокзал на привязи держит рельсы.
И все отмененные за день рейсы
висят на стене возле расписанья,
где я, пробежав по ним глазами,
в табло электронном упрямо роюсь;
с какой платформы электропоезд
сейчас отправляется до Тагила,
туда, спеша, направляю шаги. В ла-
дони спит мотылек билета.
А в переходе подземная Лета
куда-то мчит по спине ступеней
с отвагой весенней.
Моя электричка на дальней платформе —
горбун в униформе —
но отправленье минут через двадцать.
Сажусь у окна, сжимаются пальцы,
и лишь душа, обгоняя вагоны,
летит сквозь время и перегоны.

Между белым и красным

(Символика и награды гражданской войны)

Сражающиеся за власть большевики и антибольшевики придавали большое значение государственной и военной символике, как и системе наградений солдат, красноармейцев и командиров, отличившихся в братоубийственной войне.

После Февральской революции Временное правительство внесло в государственную символику существенные изменения. Гербом оставался двуглавый орел, но без корон, скипетра и державы, т.е. без атрибутов царской власти. Советским гербом, утвержденным в 1918 г., стали перекрещенные серп и молот в обрамлении колосьев и освещенные лучами солнца. Внизу был дан текст: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», а по окружности: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика». Но этот вариант герба продолжал изменяться, унифицироваться, пока к лету 1920 г. не утвердился на несколько лет. Восторжествовала точка зрения специалистов: герб — символ, никаких надписей на нем не должно быть. Теперь герб соответствовал геральдическим канонам.

В гербе СССР опять обозначились отступления: за основу был принят не щит, а круг с земным шаром, накрытым серпом и молотом, посередине, на ленте, обвивающей колосья, даны наименования союзных республик; наверху уже неременная пятиконечная звезда.

Звезда стала символом и на государственном флаге. Флаг (как и военный) стал красного цвета с первоначальными буквами наименования республики в левом верхнем углу. Триколор (бело-сине-красные полосы) Временного правительства был отменен. Для торгового флота утвердили (в 1920 г.) тот же флаг, но с буквами посередине. Для военно-морского флота — с якорем и красной звездой.

Гимн «Боже, царя храни» (на музыку А.Ф. Львова и слова В.А. Жуковского) после Февральской революции звучать перестал, но новый, официальный, так и не был утвержден. Широко использовалась французская «Марсельеза» с русским текстом (поэт П.Л. Лавров). В революционных кругах исполнялся «Интернационал». Тот и другой гимны бытовали и после Октябрьского переворота, пока в январе 1918 г. большевики не разогнали Всероссийское Учредительное собрание. «Марсельеза», как «буржуазная», была отброшена, и государственным гимном надолго стал «Интернационал» с русским текстом А.Я. Коца: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!..»

В белом движении российского Востока, до его основательно-го объединения в ноябре 1918 г., наблюдалась разобщенность, большое разнообразие и неустойчивость символов. Единичными, четко обозначенными и утвержденными они стали при адмирале А.В. Колчаке. Колчак, по провозглашению его Верховным правителем России, установил такие символы государственности: герб — двуглавый орел, но без корон, вместо которых на изображениях даны сияющий крест Константина и девиз «Сим победили»; держава и скипетр заменены мечами (страна была в состоянии войны); флаг же остался дооктябрьский и национальный — бело-

Печать Временного правительства

Герб РСФСР

Флаг РСФСР. 1918 г.

Герб Колчака

Крест Ачинского конно-партизанского отряда

Орден „Красное Знамя“ РСФСР.
Учрежден в 1918 г.

Почетное Революционное Красное знамя - коллективная награда от имени ВЦИК.

сине-красный. Гимн — музыка на слова «Коль славен наш Господь в Сионе» (композитор А.С. Бортнянский, поэт М.М. Херасков).

В этой символике была определенная историческая преемственность: и от императорской России, и от Временного правительства.

Современная Россия восстановила эту историческую символику: герб (в первоизданном виде) и флаг, каким он (в неоднозначной роли) существовал столетия. Как власти поступили с Государственным гимном — писать и комментировать трудно. Он остался советский, с коррективами в наборе слов.

Теперь об орденах и других наградах.

Как у большевистского ВЦИКа и Совнаркома, так и у белых правительств, в ходе сражений Гражданской войны возникла проблема с награждением солдат (красноармейцев) и офицеров, генералов (командиров и военачальников). Властью красных вопрос был решен просто: все прежние — «царские», с видоизменениями Временного правительства — награды были отвергнуты. Вначале в виде наград вручались вещи, как правило — часы, все чаще с соответствующей гравировкой, именные.

Соединения, части и подразделения по решению ВЦИК с лета 1918 г. стали награждаться Почетными революционными Красными знаменами ВЦИК, позднее — и РВСР (Революционного Военного Совета Республики). Первоначально единого образца этих наград не было, но обязательно делалась надпись: «От ВЦИК». Эти знамена становились и боевыми знаменами частей. В дальнейшем 18 марта 1920 г. был введен единый образец знамени. Осенью 1918 г., в связи с успешными партизанскими действиями в тылу белых, преодолением полуторатысячного пути и прорывом их фронта «Сводным Уральским отрядом» (Уральской партизанской армией) под командованием В.К. Блюхера, остро возник вопрос об учреждении своего, советского, военного ордена. И 16 сентября таковой — орден Красного Знамени — ВЦИКом был учрежден. Право награждения принадлежало только ВЦИК (с вручением соответствующей грамоты).

Орденом награждались отдельные лица и воинские формирования, а также города. Первым орденом (№ 1) был награжден В.К. Блюхер. В 1920—1923 гг. были учреждены аналогичные ордена и в некоторых советских республиках. (Позднее — 1 августа 1924 г. — ВЦИК СССР установил единый для всей страны орден — Красного Знамени).

В 1919 г. в практику вошло награждение почетным революционным оружием лиц начальствующего состава Красной Армии и флота. Осуществлялось оно ВЦИКом и РВСР. Позднее, 8 апреля 1920 г., эта практика была узаконена декретом ВЦИК. Холодное

Почетное огнестрельное Революционное оружие со знаком ордена «Красное Знамя» РСФСР — награда С.М. Буденного.

Почетное Революционное оружие со знаком ордена «Красное Знамя» РСФСР.

(шашка, кортик) и огнестрельное (пистолет «маузер») оружие изготовлялось с орденским знаком Красного Знамени, с 1924 г. с надписью: «Честному воину РККА от ВЦИК».

Власти белых на Востоке России — правительство Директории, затем — А.В. Колчака, как и правительство А.И. Деникина и других региональных вождей белого движения, также ощутили проблемы в связи с награждениями воинов. Первоначально старыми военными знаками отличия не награждали и новых не вводилось. Отличившихся воинов поощряли производством в следующие чины. Однако с 1919 г. практика награждений все же имела место, но в основном георгиевскими знаками в несколько измененном виде (не орден Святого Георгия, а Георгиевский крест, Георгиевская медаль того или иного класса). С приходом к руководству генерала П.Н. Врангеля награждения стали еще более редкими. На Севере правительство генерала Е.К. Миллера награждало георгиевскими крестами, но нумерация знаков давалась изначально новая, своя. Были введены и новые награды: на Юге — Орден Святителя Николая Чудотворца, знак 1-го Кубанского (Ледового) похода и др. Аналогичная картина наблюдалась на Западе (в войсках генерала Н.Н. Юденича и др.).

В белом движении на Востоке России дело сложилось иначе. Новые наградные знаки не вводились. Исключением стало только учреждение правительством Уральского казачьего войска, армия (Уральская) которого действовала почти все время изолированно, контактируя то с командованием Юга, то Востока, в 1918 г. креста Архангела Михаила. И лишь рассматривался вопрос об учреждении ордена «Освобождение Сибири».

С приходом к власти адмирала А.В. Колчака как Верховного правителя России дело радикально изменилось. Возродилось награждение старыми — «императорскими» — орденами, а в дальнейшем были учреждены и собственные знаки. Началась эта практика с возрождения георгиевских, сугубо военных, наград, в том числе ордена Св. Георгия. Награждения производились в

Солдатский Георгиевский крест «с веточкой» для награждения офицеров. 1917 г.

Звезда ордена «Освобождение Сибири» с саблями. Украшена хризолитами.

Крест «За 2-й поход на Петроград»

«Полный бант» солдатских Георгиевских крестов

Крест (орден) Архангела Михаила

Крест «За степной поход»

соответствии с прежней тактикой, начиная с 4-й степени. Учитывая, что часть генералов и офицеров этим орденом уже была награждена ранее в старой Русской армии, им вручали знаки следующей, более высокой степени. Такой же практики старались придерживаться в награждении солдат и унтер-офицеров георгиевскими

крестами и медалями, также имевшими несколько степеней. Сам адмирал А.В. Колчак в апреле 1919 г. был награжден орденом Св. Георгия 3 ст.

Возродилась практика награждения военных и гражданских лиц другими дореволюционными орденами, исключая орден Св. Станислава, пришедший в Россию в связи с присоединением к ней Польши (большой части ее), так как она после Октябрьского переворота отделилась.

Положительно решился вопрос и о возрождении такой военной награды, как Георгиевское оружие. Воинские соединения и части стали награждать Георгиевскими знаменами, но широкого применения это не получило. В начале весны 1919 г. таким знаменем был награжден 25-й Екатеринбургский полк горных стрелков. Осенью 1919 г. А.В. Колчак, при объезде прифронтовой полосы в Притоболье, за особые отличия и стойкость наградил Георгиевским знаменем Ижевскую дивизию. Правда, награждение получилось без непосредственного вручения такового: оно еще не было изготовлено.

При Колчаке были учреждены и свои правительственные награды. В феврале в Омске был объявлен конкурс на рисунки знаков этих орденов. Речь шла об орденах «Возрождение России» и «Освобождение Сибири». Первый из них имел в основе идею возрождения России из смуты Гражданской войны и предназначался для «награждения лиц за гражданские и военные заслуги». Судя по источникам, изготовить знаки ордена «Возрождение России», а следовательно, и производить награждение этим знаком вряд ли удалось (хотя встречаются сведения о награждении и даже известны изображения знаков).

Сложным и хлопотливым было дело и с разработкой ордена «Освобождение Сибири», который также должен был иметь 4 степени — для награждения и военных и гражданских лиц. Орден 1-й степени должен был носиться на широкой ленте, через левое плечо, состоять из сочетания двух цветов — зеленого и белого. Сам орден помещался на этой ленте с левой стороны груди. «2-я ст. — в петлице с веером из ленты тех же цветов. 3-я ст. — на левой стороне груди на ленте тех же цветов — с бантом. 4-я ст. — также, но из более дешевых материалов» — для награждения солдат.

15 июня 1919 г. Совет министров утвердил статус ордена

«Освобождение Сибири». В документе говорилось: «Орден есть почетная награда, жалуемая гражданам Сибири и прочим гражданам государства Российского, подданным иностранных государств за несомненные заслуги по освобождению Сибири от большевиков на поле брани или на государственной службе. Награждение орденом всех четырех степеней совершается Верховной властью, по представлению подлежащего начальства». 29 апреля на конкурсе победил проект-рисунок в красках художника Ильина. В начале июня проект был утвержден Верховным правителем. Были изготовлены ордена и ленты, намечено их количество для награждения: 1-й ст. — 30, 2-й — 100, 3-й — 300, 4-й — не ограничивалось. Вероятно, начались и единичные награждения.

Как выглядели орденские знаки-кресты? Крест 1-й ст. был изготовлен из золота, на него с лицевой стороны был наложен малахитовый крест, сужающийся к концам. Он, как предусматривалось первоначально, носился на бело-зеленой ленте через правое плечо. К нему полагалась звезда, которая, как и знак, могла выдаваться с мечами (за военные заслуги) и без них (гражданским). Возможно, знаки, особенно низших степеней, изготавливались уже с затруднениями — из-за поражений на фронте. Но еще осенью 1919 г. выделялись средства на изготовление знаков, и ордена были изготовлены, причем правительство успело использовать материалы, а возможно, и опыт уральских мастеров-ювелиров и камнерезов, эвакуировавшихся в Сибирь. В начале 30-х годов ордена фигурировали на одном из стендов Новосибирского музея. В стране найден, по крайней мере, один знак в натуре.

Белыми властями на Востоке, уже после оставления под натиском Красной Армии и партизан Западной и большей части Восточной Сибири, был учрежден еще один орден, о котором сохранились более обстоятельные данные. Речь идет об ордене «За Великий Сибирский поход». Идея его создания зародилась у правительств А.В. Колчака зимой 1919—1920 г., а воплотилась в реальность только в 1920 г., когда остатки Русской армии Колчака («каппелевцы») откатились в Забайкалье, пройдя в суровых зимних условиях труднейший поход-отступление.

Рождение и воплощение идеи в жизнь были довольно простыми. Добровольческая армия А.И. Деникина зимой и холодной весной 1918 г. совершила 80-дневный переход с Дона на Кубань, названный Кубанским, затем — 1-м Кубанским и Ледяным. Приказом Главкома Восточного фронта генерал-майора С.Н. Войцеховского от 11 февраля 1920 г. был учрежден в честь подхода для вручения участникам еще и знак, фактически равнозначный ордену. Описание его таково: «Терновый венок оксидированного серебра, 30 мм в диаметре, пересеченный снизу слева вверх направо серебряным же мечом, рукоятку вниз, 50 мм длиною. Обратная сторона гладкая с набитым порядковым номером награжденного. Для всех чинов, состоявших в строю и принимавших участие в боях с большевиками, — лента, на которой носится знак, Георгиевская, с круглой розеткой национальных цветов (бело-сине-красная). Для нестроевых и гражданских чинов, участия в боях не принимавших, — лента ордена Св. Владимира (красная с двумя черными полосами) и с такую же розеткой национальных цветов».

Официально этот знак белых на Востоке был учрежден в феврале 1920 г. с участием генерала Г.М. Семенова, которому А.В. Колчак при отречении передал власть в Российской восточной окраине. Статус этого знака был орденский. Он с точностью повторял знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода, с той лишь разницей, что меч у сибиряков был не серебряным, а золотым и на нем не было розетки на колодке. Таким был орден «За Великий Сибирский поход». Он имел две степени. 1-я на Георгиевской ленте (без

Военный орден «За Великий Сибирский поход»

Знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода

розетки национальных цветов) — для всех участников сражений и 2-я степень — для совершивших поход, но в боях не принимавших участия (на ленте, как и у Деникина, — ордена Св. Владимира — красный с двумя черными полосами по краям, и тоже без розетки).

Как и у белых в других регионах, на Востоке учреждались знаки в некоторых войсковых соединениях, отрядах. Существовал, например, крест Ачинского конно-партизанского отряда, знак Особого маньчжурского отряда. В 1920 г. Г.М. Семенов учредил для того же Маньчжурского отряда знак — крест «За храбрость».

Так в ходе Гражданской войны обстояло дело с государственной символикой и наградами у большевиков и у белых.

31 марта — 2 апреля 2006 г. в Екатеринбурге проходил очередной ежегодный смотр творческих клубов и объединений молодежи «Кубок звёзд», выросший в самостоятельное событие из рамок фестиваля ролевой культуры «Веркон». Одним из основных направлений смотра был литературный конкурс малых форм — фантастических рассказов. Предлагаю вниманию читателей «Уральского следопыта» рассказ, занявший в этом конкурсе первое место.

Сергей Казанцев,
член жюри литературного конкурса «Кубок звёзд–2006»,
член редсовета журнала «Уральский следопыт»

Екатерина ШВЕММЕР

Как в старые добрые времена...

Серое, унылое небо редко плевалось колючими каплями, так и не решаясь на приличный дождь. Под небом громоздились холмы, зеленые под светом солнца, но уныло серые теперь, а меж холмов петляла раскисшая дорога, обычно ведущая от замка, через перевал к другому замку, а оттуда к другому замку, а оттуда...

Задумавшись, серый в гречку пожилой конь споткнулся и разбудил задремавшего в седле Рыцаря. Рыцарь встрепенулся, лязгнув латами, и огляделся по сторонам. Пожалуй, пора было сворачивать к горам, хорошо, что конь споткнулся, так бы и проехал мимо, петляя бы потом до вечера. Рыцарь повернул коня с дороги на целину, туда, где за холмами начинались Драконьи Скалы. Конь явно недоумевал, отчего вдруг хозяину пришло в голову сворачивать хоть и с противно чавкающей, но все же дороги в холмы с обманчивым ковриком из травы. Он-то знал, что там повсюду болото и идти придется по брюхо в гадкой холодной воде. С пивками. Конь боялся пивок. И холодной воды он тоже боялся — он был стар. Рыцарь дал шенкеля замешкавшемуся коню, и тот все же послушно потрусил вперед. Хорошо бы успеть до заката, думал Рыцарь, очень уж скользко на мху в темноте.

Дракон дремал, положив голову на огромный камень, как на подушку. На правом боку спать было непривычно и неудобно (как только люди это делают?!), но так почти не болел левый бок, в котором вчера что-то неприлично хрустнуло (при этом пещера наполнилась драконьим рыком, и опять упали два сталактита — сколько можно говорить этим кобольдам, чтобы чинили как следует!). Дракон видел во сне море. Вообще-то, на самом деле он никогда моря не видел — всю свою жизнь Дракон прожил в этих горах,

но кобольды говорили про какую-то генетическую память. Дракон спал, но прекрасно слышал во сне все, что происходило в пещере и вокруг нее, поэтому он ясно различил стук копыт по камням и шорох осыпающегося гравия. Глаз открывать не стал — вдруг уйдут? Но никто и не думал уходить, конь остановился перед входом в пещеру, спешился всадник в тяжелом доспехе. Дракон нехотя приоткрыл один глаз и предупреждающе заворчал.

— Эй, — позвали по ту сторону входа, — это я...

Дракон открыл оба глаза, отодвинул лапой камень, служивший подушкой, и сел.

— Можно, я войду? — спросили от входа. Дракон узнал голос.

— Давно тебя не было, Рыцарь. Входи, я велю кобольдам чаю сделать, ты же будешь чай?

Рыцарь накинул повод коня на глыбу у входа и вошел в пещеру. В пещере царил полумрак, но золотистая чешуя Дракона подсвечивала все вокруг теплым желтым светом.

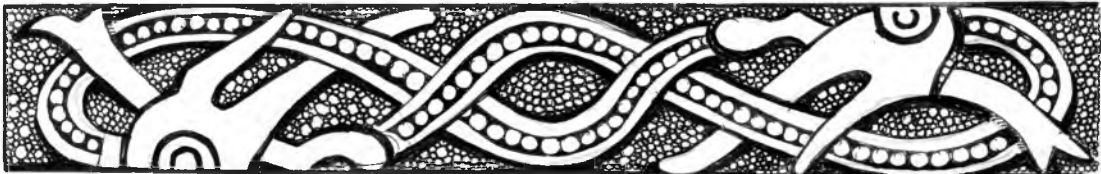
— Да, пожалуй. Погода совсем испортилась. Уютно у тебя все-таки, — сказал Рыцарь.

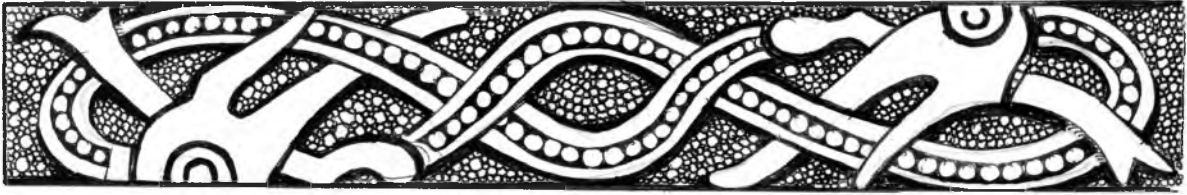
Дракон чуть улыбнулся, отчего стали видны желтоватые клыки.

— Подхалим... Кобольды вот совсем от рук отбились, с тех пор как миссис Шпат сказала, что ей тут сыро, и переехала в Холм к дочерям. Хорошо, что ты заехал, я уж истосковался по нашим беседам, — признался Дракон. Вообще-то, он был сентиментален, как большинство из его племени. Конечно, 5 лет не срок для Дракона...

— Дел было очень много. Ну, сам понимаешь, полкоролевства — большое хозяйство...

— Кобольды, — проворчал Дракон, нервно дернув

хвостом, и в ту же секунду перед Рыцарем материализовались дубовый стол и кресло с высокой резной спинкой. Чуть позже на столе появились большая чашка ароматного чая и тарелочка с печеньем.

— Спасибо. — Рыцарь неуклюже устроился в своем доспехе на кресле, снял латную рукавицу, с связом положив ее на стол, и взял чашку. Чай был ароматным, терпким и очень вкусным — Рыцарю нигде больше не приходилось пить такой чай.

— О коне твоём позаботятся, — сказал Дракон. — Вот паршивцы! — Он раздраженно рыкнул в пространство: — Где моя чашка?!

Рыцарь прихлебывал чай с сахарным печеньем и никак не мог решить, как же начать разговор о том, зачем он сюда приехал. До чего же все-таки неудобно...

— Доспех бы, что ли, снял, — сочувственно предложил Дракон. — Поди, все кости болят? Все равно никуда уж сегодня не поедешь.

Рыцарь решительно поставил чашку на стол.

— Тут видишь, такое дело...

— Знаю, что дело, — перебил его Дракон, — стал бы ты ко мне переться в такую даль, да при этой погоде, да за просто так.

Рыцарю стало стыдно: Дракон говорил правду. Последние три раза он приходил сюда только по делу. А ведь когда-то, в юности, они провели вместе целую жизнь...

— Да ладно, — продолжил Дракон, — я же понимаю, Принцесса, полкоролевства, да и не мальчик ты уже. Это мне что сделается, — при этих словах Дракон неудачно качнул головой — в шее что-то хрустнуло и отозвалось в злосчастном боку — и понял, что как раз сделается. — Да ты не стесняйся, столько лет дружим все-таки.

— Дружим... — грустно повторил Рыцарь и снова взялся за чашку. Дракон, сощурившись, пригляделся к старому приятелю. Что-то было не так. И дело было не в том, что некогда черные кудри давно уже стали серыми и редкими, а двигался Рыцарь гораздо медленнее, чем раньше. Дело было не в том, что они не виделись пять лет. Что-то было не так, и Дракон это чувствовал. Только вот спрашивать не хотел. Как большинство его соплеменников, он был еще и деликатен.

Некоторое время они молча пили чай, пока Дракон не нашел повод нарушить молчание.

— Как Принцесса?

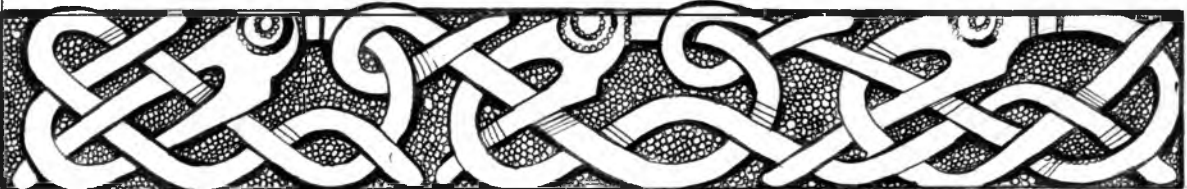
Рыцарь опять отставил чашку.

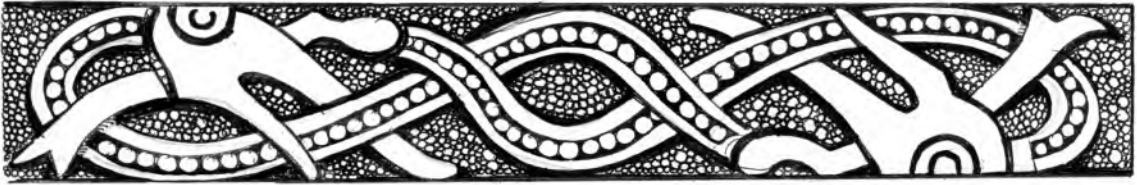
— Принцесса... собственно, я об этом и хотел поговорить.

— Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил Дракон.

— Да нет. Ну, то есть не совсем.

— А-а-а... Женщины... — Дракон понимающе закивал. — Ну, и сколько тебе нужно в этот раз? Мое сокровище изрядно подсократилось, сам понимаешь, когда ты ввязался в эту дурацкую войну десять

лет назад... Но если что, я могу занять у кузена. Правда, нужно время, живет он не близко, но...

— Нет, — перебил Рыцарь, — дело не в деньгах.

— Она тебя бросила?! — Дракон удивленно щелкнул кончиком хвоста. В дальнем углу залы упал и разбился очередной сталактит. Рыцарь помрачнел еще больше.

— Что ты. Мы любим друг друга, как и тогда.

— Что же тогда стряслось? — недоуменно спросил Дракон.

— Молодость.

— Что?

— Молодость. Понимаешь, сорок лет прошло, она считает, что уже не так хороша, как раньше. Я лично так не считаю, да и внуки со мной согласны. Но она... Она хочет снова стать такой, как прежде.

— А я чем могу помочь? Золота могу дать сколько надо, а вот молодость — увы... Мог бы, давно бы себя подлатал, — сказал Дракон, вспомнив опять про бок.

— Говорят, есть одно средство, — продолжил Рыцарь, — и Колдунью подходящую Принцесса нашла. Но ей нужны драконьи зубы.

— Только и всего? — рассмеялся Дракон. — И ты стеснялся спросить! Да хоть два. Вчера как раз опять два выпали... Я приказал кобольдам их не выбрасывать на всякий случай.

Рыцарь, слушая драконий смех, стал еще мрачнее, если это было возможно.

— Ей нужны зубы УБИТОГО дракона.

Смех резко оборвался.

— К-к-к-к-ак? — растеряно переспросил Дракон.

— Зубы убитого дракона, — голосом, полным отчаяния, повторил Рыцарь, — не выпавшие, не выдранные у живого — зубы УБИТОГО дракона, будь они прокляты!

Дракон лег, уронил голову на лапы и прикрыл глаза. Повисла тяжелая длинная пауза. Рыцарь думал, что вот сейчас еще можно повернуться и уйти или сказать, что пошутил, и ничего не будет, но он поклялся Принцессе, что поможет вернуть ей молодость. Поклялся еще до того, как узнал, что от него потребуется. Проклятая Колдунья!

— И ты пришел ко мне... — начал было Дракон, но вдруг замолчал и снова прикрыл глаза.

— Понимаешь, у меня не было другого выбора. — Рыцарь встал из-за стола и стал нервно расхаживать перед Драконом. Почему-то так было легче говорить. — Колдунья все подстроила так, что... Я не могу, не хочу причинять тебе зло, мы же с моего детства знаем друг друга, но я просто должен был собрать армию, иначе мне не простят. Я же... Я же слово дал! Если бы поблизости был другой дракон, я, конечно же... Но

ты — последний в округе, на поиски другого ушли бы годы, а Принцесса не может ждать, Колдунья сказала Принцессе, что та скоро умрет, и Принцесса ей верит... И я пообещал. Я поклялся. Я понятия не имел, что от меня попросят. А они... Ты мне веришь? — взмолился Рыцарь. Дракон молчал. — Ты мне веришь?

Наконец коричневатые веки Дракона дрогнули, он открыл глаза.

— Нет, я знал, что когда-нибудь ты влипнешь по-настоящему, — сказал Дракон и снова замолчал с видом, будто погружен в свои мысли. Рыцарь сокрушенно вздохнул.

— Я не хотел. Я правда не хотел. Я даже не подозревал о том, что Колдунье понадобятся твои зубы...

— А она молодая и красивая? — спросил вдруг Дракон.

— Кто? — не понял Рыцарь.

— Колдунья.

Рыцарь раздраженно передернул плечами. Ему было неприятно вспоминать о последнем разговоре с Колдуньей.

— Старая карга, замшелая, как болотный пень, и такая же привлекательная.

Рыцарю показалось, что Дракон хихикнул.

— Ладно. Что ты там говорил про армию? Только давай по порядку, у нас ведь есть время?

Рыцарь подумал, что времени-то как раз нет, но изо всех сил постарался успокоиться и говорить размеренно, как на королевском совете.

— Неделю назад Принцесса попросила меня пообещать, что я помогу Колдунье, о чем бы она меня ни попросила, потому что это вернет Принцессе молодость. Я сказал, что сделаю, как велит Колдунья. А Колдунья сказала, что я должен собрать войско и отправиться с ним в Драконьи Скалы, где живет старый дракон, то есть ты, и принести зубы убитого дракона, то есть твои зубы, для снадобья, возвращающего молодость. Я сказал, что не обязательно идти в Драконьи Скалы, ведь ты жил тут всегда и никому не сделал плохого, и все тебя знают, и можно поискать какого-нибудь другого дракона, желателно зловредного. Тогда Колдунья сказала, что время не ждет и Принцесса умрет раньше, чем можно будет найти другого дракона. И Принцесса испугалась, она верит Колдунье. И я собрал войско. Хорошее войско — я не мог собрать плохого, ведь меня просила Принцесса, а я люблю ее. Но я твой друг, мы знакомы всю мою жизнь, ты столько раз помогал мне, и тебя я тоже люблю... И потом, Колдунья не сказала, что именно я должен добыть твои зубы. Поэтому я приехал сюда раньше, чем придет войско. Войско подтянется утром.

Дракон глубоко вздохнул, и от этого из его ноздрей вырвалась маленькая струйка дыма.

— Наверное, я должен на тебя рассердиться, — сказал Дракон. — Но, представляешь, почему-то не могу.

Рыцарь не представлял. Он представлял, что Дракон будет взбешен, он был готов к тому, чтобы погибнуть от руки, то есть лапы старого друга, а еще вернее — от его зубов. Он был готов к тому, что Дракон назовет его подлым предателем, он готов был к проклятьям, проще говоря, он был готов придти с повинной и тут же поплатиться за расточительность в обещаниях, но вот к этому он готов не был.

— Я прощаю тебя, Рыцарь, — сказал старый Дракон. — Ты неосторожен в своих обещаниях, впрочем, ты никогда не был осторожен. Но ты пообещал ради любви. И я верю, что ты и вправду в мыслях не имел сделать мне дурное. Поэтому я прощаю тебя. Можешь идти к своему войску. Только не попадайся мне утром, я стал плохо видеть, а мне не хотелось бы повредить тебя в сутолоке.

И Рыцарь с горечью подумал, что не достоин дружбы Дракона. Дракон всегда был сильнее, мудрее, благороднее его. Без Дракона не видать бы

Рыцарю ни полкоролевства, ни славы, ни Принцессы. И сейчас Дракон опять оказался куда лучше Рыцаря и лучше того, что Рыцарь о нем думал. Рыцарю никогда в жизни еще не было так стыдно. Он стоял перед Драконом, опустив голову, и не знал, что сказать. Зато он теперь точно знал, что непременно должен быть достойным их дружбы, и что это единственная возможность, и что другой не будет. Войско подойдет утром.

— Выпьешь еще чаю, перед тем как пойдешь? — как ни в чем не бывало спросил Дракон, сбив Рыцаря с мысли.

— Что?

— Чаю, говорю, будешь? Холодно, а тебе еще до войска обратно добираться, — сказал Дракон. Сказал без иронии, без укора, как будто ничего не произошло. И тогда Рыцарь решился, и стало ему вдруг очень легко.

— Чаю буду, и побольше, — сказал Рыцарь, улыбаясь. — Хороший у тебя чай. Только я никуда не поеду. Я с тобой останусь. Пусть приходит мое войско — трянем стариной, накидаем им пачек, а? А Колдунью я потом выгоню, я не обещал, что буду терпеть ее вечно. А Принцессе все объясню, она умница, она поймет — я ей все про тебя расскажу... — Рыцарь говорил, сам не зная, кого хочет ободрить, себя или Дракона, и сам почти верил в то, что все так и будет. Они будут драться вместе и, конечно же, победят.

Дракон внимательно смотрел на Рыцаря, прищурив янтарные глаза, и вдруг рассмеялся.

Посыпались сталактиты, но Дракон не обратил на них внимания.

— Вечно с тобой попадаешь в истории, — сказал Дракон. — Эй, там, и где наш чай?! И кремовый торт несите — а то нам утром драться. Будешь кремовый торт?

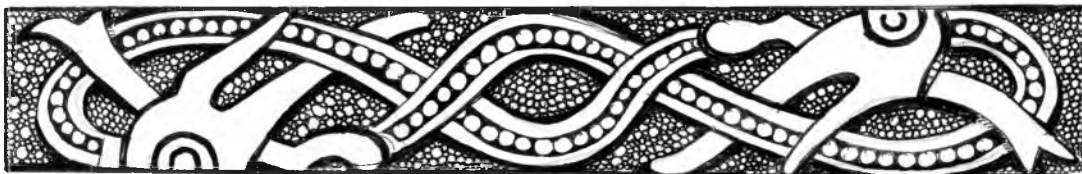
Рыцарь кивнул, устраиваясь в кресле. Кобольды заставили стол всевозможными кушаньями, налили самого лучшего чаю — все-таки они по-своему любил хозяина.

Дракон пил чай и мурлыкал в усы. До утра еще было время.

— Вот одного не пойму, — спросил Дракон, когда стало светать и они вышли из пещеры и направились к каменной площадке в долине, в которой уже показалась темная полоска подходящего войска, — зачем тебе оставаться со мной? Это ведь вовсе не обязательно. Я же не в обиде.

Рыцарь поправил перевязь с остро наточенным кобольдами мечом, провел ладонью по золотистой драконьей чешуе.

— Знаешь, наверное, мне тоже нужно было лекарство от старости...

Юрий ШИШКИН,
фото автора

«ЗООПАРК» НА ПРОГУЛКЕ,

РЕЧНОЙ ВЕТЕР

(Продолжение. Начало в № 4, 2006)

Часть 2

Когда в десятый раз проходишь один и тот же порог на реке, пусть даже порог серьезный и опасный, чувство страха исчезает и сплав становится игрой. К началу Мажойских ралли¹ вся наша компания достигла того высшего просветления, когда вещи раскрывают свою тайную сущность и вдруг становится ясно, что ралли это не гонка на выживание, как представлялось ранее, а детская игра в войнушку, придуманная отцами-командирами для поднятия боевого духа в войсках.

Командиры живут в базовом лагере и держат совет в большом полевом шатре, своей яркой раскраской похожем на цирк шапито. Вечерами они собираются над засекреченными картами генштаба и, долго водя по ним пальцами, выдумывают для нас боевые задачи. Иногда нам показывают кино на военно-патриотические темы. Но нам больше нравятся комедии с собственным участием. А наутро весь личный состав выстраивают на плацу перед флагом и объявляют «зарницу» открытой. Тут начинаются манёвры, схемы которых развешаны на фанерных планшетах здесь же.

¹ Мажойские Ралли — соревнования, ежегодно проводящиеся среди туристов на порогах реки Чуи в первых числах мая.

Маневр первый — квалификация.

Квалификация — это значит, все бойцы в полной экипировке со своими лодочками должны собраться в местечке под кодовым названием «Мальш»². Для чего необходимо преодолеть полосу препятствий (в полной амуниции, с лодками на плечах, горбах или в руках) и собраться на маленьком пятачке береговой полосы, где рябит в глазах от пёстрого снаряжения. После чего командование даёт старт. Задача проста: стартовать, прыгнуть, перевернуться, поставить и финишировать.

Погода сегодня нам благоприятствует, квалификация быстро окончена, а делать решительно нечего. Приятно первыми жаркими весенними днями, после купания, расположиться на берегу реки с бутылочкой пива и расслабиться, зная, что в любой момент ты можешь взять лодку и пойти кататься. Однако отдыхают не все. Удел героев — вечная борьба! И вот уже Антонио, Вася и Катя вновь забрасываются наверх, на ГЭС. Через пару часов они, пройдя первую часть, окажутся в очередной раз перед «Президиумом». Здесь Катя прячет свою лодку и возвращается в лагерь пешком. А наши «крутые перцы» пролетают все пороги, потратив не более трёх часов! Без обносов, разведок и прочей

ерунды, двумя каяками! Казалось, культ Мажоя развенчан, но не тут-то было...

Маневр второй — длинная гонка.

Командиры держат совет в своем штабе. Наутро войска меняют дислокацию. Боевая задача усложняется. Марш-бросок. Переворачиваться не надо. Кто быстрее всех, тот и герой! По данным разведки, участок реки от таблички «Старт» до таблички «Финиш» насчитывает беспредельное количество порогов, в том числе водопадные сливы, зловещие прижимы и прочие опасности. Эскадра справляется с поставленной задачей без потерь. Вечером на стенде у штаба появляются сводные таблицы с результатами: зелёные побеждают, красные отстают, синие проигрывают...

Я встретил участников этой «затупы» на финише. Ни у кого не возникло желания тащить отсюда лодки пешком до нижней поляны. И мы все поплыли дальше, а было нас без малого восемь лодок. Вот перед нами вход в «Президиум». Скалы напирают, будто хотят запугать маленьких людишек.

Вася вот уже битый час «динамит» наш выход: он выпросил у кого-то видекамеру в боксе и

² Последний серьёзный порог Мажойского каскада.

пытается нацепить её себе на башку при помощи нехитрых приспособлений типа скотча и саморезов. Наконец ему это удается. Под тяжестью аппарата его каска съезжает на лоб. Стараясь держать нас в фокусе, он постоянно задирает голову вверх, отчего выглядит чересчур надменно, и это вдвойне забавно.

Перед «Президиумом» остановились на небольшой полке левого берега. Здесь, уже практически в пороге, потерпели крушение наши друзья-катамаранеры из Перми. Зачаливаясь к берегу, они распорили об острые каменные обломки обшивку своего катера: после землетрясения 2003 года участки берега на многих порогах усеяны осколками скал. Выйти из каньона в этом месте уже невозможно, и друзья решили продвигаться дальше с максимальной осторожностью.

На тесной каменной полочке было так мало места, что всем нам не было возможности выйти на берег. Мы пытались заглянуть вперёд, сидя в лодках и вытягивая страусиные шеи, куда наши друзья держали носы лодок. Один за другим каяки выходили из «суводи» и, увлекаемые быстрым потоком, пропадали за гранью первого слива. Из «суводи», в которой мы находились, нужно было сделать траверс под противоположный берег и войти в щель под скалой, откуда струя выносит тебя в каком-нибудь метре от зловещего «кармана», в узкий проход между ним и обломком скалы, упавшим сверху. Первым выходит Антонио, за ним Вася. Он слегка мешкает при выходе из суводи, и его длинную лодку прижимает бортом к камню, на входе в щель. Несколько секунд он балансирует на грани, но все же скатывается в нужном направлении и скрывается в щели. Сэм проходит ровно, Андрияк не успевает на тра-

версе и прыгает через «котёл». Опасная игра! Немного левее, и он попал бы в «сифоны» под скальные обломки. Ошибись он при прыжке — прямая дорога в «карман» под скалой!

Мне уже не видно, что происходит дальше с Андрюксой, да и некогда рассматривать, я отправляюсь следом. Траверс выполняю с запасом, четко захожу в щель и оказываюсь в зоне «тени» от скалы (это место не просматривалось с берега). Немного не по себе, но передо мной несколько метров ровного быстрого течения, справа всё тот же карман под скалой (да и куда бы ему деться?). Слишком сильно забираю от него влево, лодку мгновенно разворачивает на отбойнике от камня и начинает подсасывать обратно в котёл. Довольно сложно удержаться на ровном киле в этом турбулентном хаосе, но мне всё-таки удаётся медленно, задним ходом, выбраться из опасного места.

Перед стартом я многократно прокручивал в голове последовательность прохождения «Президиума», и мне нетрудно найти нужные ориентиры, быстро сориентироваться в пороге. Всё

это происходит за считанные секунды и выглядит примерно так. Выход на струю, впереди появляется намеченный заранее камень, разгонка, целью чуть правее камня, подрезаю слив по диагонали, прыгаю в край, и вот я уже в «суводи» за камнем, под правым берегом. Далее следующая ступень. Траверс на середину потока, разворот, разгонка. Впереди появляется следующий ориентир — высокий «петух» из водяных брызг, отражающихся от камня. Он виден издали, а вблизи похож на взрыв. Снова целью в

правый край. Где-то здесь должно торчать бревно. Ага, вот оно. Оставляю его справа и выхожу на финишную прямую. Мимо проносятся камни «Стола Президиума», брызги заливают лицо, картина теряется на мгновение, но в следующий миг вода стекает с лица, и я вижу друзей, стоящих в нижней «суводи» на страховке. Они улыбаются, и я понимаю: порог пройден!

Двумя минутами позже из скального коридора реки появляются, одна за другой, пять разноцветных лодочек. Здесь перед порогом «Разминка», где завтра назначен старт заключительного этапа соревнований, нас поджидают ещё трое каякеров. Все вместе мы отправляемся дальше. Наши друзья впервые на Мажое, и, честно говоря, я немного завидую им; у них впереди ещё столько интересного. Наша пёстрая команда продолжает сплав. У новичков впечатлений хоть отбавляй. Забавно наблюдать за ними и вспоминать себя, когда оказался здесь в первый раз. Кто-то ехал ровно, кто-то «жабил». Андрюкса, как всегда, крутил родео в котлах. Мне навтыкало в «Русских горках»: не думал, что «Blunt»³ так легко переворачивается через корму! В «Недотроге» Андрюкса залип в родео-кармане и вновь занялся своим излюбленным занятием. Вовремя нагнавший нас катамаран насильно вытаскил его оттуда, и мы продолжили сплав. Порсеву сорвало юбку в «Малыше» и тоже подмочило репутацию. Так он и плавал по-собачьи, с камерой на голове! «Двойка» перевернулась в последней бочке последнего порога со странным названием «Зайсан». На этом проделки бурной воды закончились.

Вот наконец мы выходим из ущелья на нижнюю Чибитскую поляну. В «кролятнике» сегодня полным-полно палаток и туристического народа. Все смотрят, как мы вылазим из лодок и поднимаемся на берег. Нас здесь считают либо космонавтами, либо сумасшедшими. А может и теми и другими. Но дело не в этом, а в том, что сегодня день знаменательный, и чудесная погода подтверждает это. Ведь сегодня день рождения Антонио! Мы спешим в стольный град Акташ, дабы затариться снедью. Вино и пирожное, это то, по чему мы успели изрядно соскучиться! Праздничный фуршет, небольшой салют, устроенный специально обученными пиро-

техниками из газовых баллонов. Короче, день был насыщен впечатлениями.

Маневр третий – короткая гонка.

Наиболее сложная задача в условиях, максимально приближенных к боевым. Весь боеготовый флот покажет сегодня уровень своего мастерства. Расставлена страховка и наблюдение, налажена связь, участники на старте ждут условного сигнала. Напряжение нарастает. Сейчас решится, кто же всё-таки самый крутой. Финалисты примерно определены по результатам двух предыдущих дней соревнований, но в мероприятиях такого рода интрига всегда присутствует, ибо вероятность неожиданного поворота событий велика.

Погода сегодня за нас. В прошлом году на старте едва не пошёл снег, и воды было значительно больше. А нынче прямо рай какой-то, жарница и вода просто «игрушечная». На старте участники отдыхают в тени, никому не охота париться в неопрене⁴, и снаряжение разбросано по поляне. За пятнадцать минут до старта я ухожу в каньон, моя задача – фотосъёмка. Раньше я ни за что не решился бы в «одну каску» проехать по нижней

³ Модель лодки.

⁴ Материал, из которого изготавливают гидрокостюмы.

части, но теперь другое дело. Теперь мне знаком здесь каждый камень. Кажется, я мог бы проехать даже с закрытыми глазами. За порогом «Приманка» русло реки круто поворачивает направо. Здесь перед «Русскими горками» я оставляю лодку и отправляюсь по берегу вниз искать подходящие места для съёмки. Весь левый берег уже занят операторами, судьями и зрителями. Народу тьма. Все в ожидании представления. Солнце почти в зените. Его лучи, отражаясь от поверхности воды, слепят глаза, делая воду ослепительно белой. Белая пена в солнечных лучах, рёв потока, мокрые скалы с одной стороны и берег, усеянный зрителями, с другой. Объективы камер нацелены в порог, по рации передают: старт дан! Где же первый участник? На мгновение в пене мелькает что-то синее. Кажется, это каяк. Да, это именно лодка. Теперь уже ясно видно — это затонувший каяк, на боку заметны характерные шашечки фирмы «Prijon». Начало положено! Что же будет дальше? Это лодка Николая Ермакова из Горно-Алтайска, прошлогоднего фаворита. Что же произошло? Вскоре из-за поворота по берегу приходит и сам Николай.

— Что случилось?

— В «Приманке» прижало к камню и продавило фартук, — Колян сильно взволнован и говорит сбивчиво. — Я хотел напрямик проехать, так быстрее, но меня к камню боком прижало и весло заклинило!

Я всё время оглядываюсь на реку: не покажется ли следующий участник. И вот вижу взмахи весла в белой пене. Навожу объектив фотокамеры, успеваю сделать пару снимков, и вдруг, прямо у меня на глазах, лодка погружается всё глубже. И вот из потока торчит уже только голова в знакомой белой каске. Это Порсев, и он тоже затонул. В погоне за скоростью некоторые райдеры пересели на длинные старые лодки и вот результат! В конце порога Вася буквально выплывает из лодки, которая уже полностью скрылась под водой, и вплавь спешит к берегу. Следующим появляется Антонио. Чёткими, уверенными гребками он гонит свою старенькую «Puganha» над волнами, едва задевая их гребни. На это приятно смотреть, это явная победа, уверенное лидерство! Сэм проходит без осложнений. Его «Robson Charger» давит бочки, как танк окопы. Он проваливается, всплывает, медленно разворачивается, но продолжает путь к финишу. Андрюкса заливает в котле и долго «варится» в нём в разных позах. Наконец его переворачивает и выплевывает в прижим под скалы. Он долго не может встать, но борется и выходит из опасной ситуации, продолжая путь. Впереди ещё несколько мощных порогов. Один из них — «Недотрога». Здесь тоже не все проходят гладко. Зрители, затив дыхание, провожают героев взглядами и вновь обращают

свои взоры наверх. Я же, насмотревшись ужасов, упаковываю фото в лодку и отправляюсь догонять участников гонки.

Мажойские ралли закончены, и наша команда переезжает на Чуйские. Сэм и Андрюкса уехали в далекий город на Неве собирать в подвале большие надувные пупындры. Антонио, Вася и я были «проданы в рабство» командам-участникам соревнований и разбили свои шатры в разных лагерях. Поначалу после Мажоя здесь казалось весело — много музыки, вина, друзей и женщин. Но уже на следующий день пребывания в этом «зоопарке» я почувствовал, что не хватает самого главного — адреналина. И заменить этот наркотик ничем не возможно. Мы уже не были той командой, которая славно чудила по вечерам, после приключений, и встречались лишь на старте очередного этапа, да изредка пересекались, спеша каждый по своим делишкам, перекидываясь на ходу парой фраз. Однако, однажды зародившись в человеке, страсть к приключениям не может угаснуть. Мы расстались лишь для того, чтобы вновь встретиться и вместе отправиться на встречу с неизвестными реками.

Анатолий АЛЕКСЕЕВ

На «Невском пятачке»

Рассказ разведчика за «языками»

Уфимец Мелетий Александрович Вяткин вернулся с фронта неожиданно для всех, уже в конце августа 1942 года. До этого около месяца пробыл в госпитале. И всего менее года на фронте. Война, можно сказать, только разгоралась, а он уже закончил ее. Да еще с орденом Красной Звезды. Случай редкий. Мелетий Александрович, 36-летний, рослого телосложения крепыш, сам не ожидал, не чаял, что окажется почти первым из вернувшихся фронтовиков живым и почти здоровым — только левая рука не действовала, была на привязи, перекинутой узкой тесемкой за шею. И это из такого пекла — плацдарма под Ленинградом, знаменитого «Невского пятачка»!

— А орден-то за что? — почти вслух недоумевали иные.

Об этом Мелетий Александрович и поведал однажды.

Военную службу он начал в общевойсковой разведке Волховского фронта.

С первых дней войны — и сразу же в разведке. А куда же молодому, сильному, ловкому, да еще охотнику — если не в разведку? Там такие только и выдерживают. Начал в составе группы. Сделал всего два захода к противнику за «языком», затем уже сам возглавил группу разведчиков.

Побывав на первых заданиях, сделал для себя выводы. Ну, скажем, о составе разведгруппы: чем она многочисленней, тем сложнее. На «языках» самый оптимальный состав — три-четыре разведчика. Один — захватывает, второй — рядом, помогает, третий или вдвоем — на прикрытии. Что-то вроде такой вот схемы.

Мелетию Вяткину, смекалистому и от природы башковитому человеку, с самого начала сопутствовала удача разведчика — охотника за «языками». Не было еще выхода к противнику, чтобы он вернулся пустым, без «языка» или ценной развединформации.

События перед последней разведкой разворачивались стремительно, как в кино. Накануне Вяткин со своей малочисленной группой — в три человека — доставали «языка» и впервые — с большой потерей. «Языка» добыли, но прикрытия погибло: одного не стало на месте, во вражеской траншее. А второй — остался прикрывать отход Вяткина к своим. Но не вернулся. Потом его нашли совсем недалеко от своей позиции, около саперного лаза проволочного заграждения. Больно было сознавать такую потерю. И тут же надо было выйти на новое задание за «языком». Сделать это срочно, до утра.

Группу составили еще трое: один — рослый, крепкого телосложения грузин — из Кахетии — Ванно Чинчиннадзе (в обиходе — «Вано»). Второй — такой же крепкий, среднего роста земляк Вяткина Зия Вахитов («Вахит») из деревни Пугачево (ее сейчас нет). Уходя на это свое последнее задание к уже настороженному противнику (седьмой «язык» за месяц с небольшим пребывания на проклятом «пятачке»), он не думал, что вернется живым. Ведь у всякой удачи бывает предел. Рассказывали, что до Вяткина был здесь легендарный «заговоренный» разведчик — тоже уралец, которого Мелетий не застал. Тому присвоили героя посмертно. Он с этого же «пятачка» уходил на охоту за «языками» 21 раз. И всегда — удачно. Он творил в разведке чудеса. К примеру, однажды прибыл к своим верхом на «языке» (при стычке с противником ему повредило ногу).

— Безвыходное положение — оправдывался он, — не идти же к врагу просить транспорт. Пришлось добираться подручными средствами. Еле уговорил гада, не хотел. Но ничего, Ганс попался понятливый, даром что офицер. Бузить не стал.

Но вот в последний раз ему не повезло...

Мне как-то на нефтяном Севере пришлось встретиться и долго беседовать с бывшим разведчиком, охотником за «языками», в то время министром нефтегазовой промышленности Героем Советского Союза Кортунным. Он написал интересную книгу: «Охотники за «языками», где приводит потрясающие случаи из жизни этих особенных людей. Инструкция для действий в смертельно опасных экстремальных случаях, да и только. Вот бы, подумал, подобную «инструкцию» тогда — нашим разведчикам.

На этот раз у Мелетия вышло так, что противник волей-неволей помог его группе, прямо сказать, не немецкими действиями. Он пришел к ним сам. Противник (о том поведал сам «язык» — офицер, кавалер Железного креста) рассуждал примерно так: «Коли они, (то ест наши) только что произвели удачную вылазку, значит, расслабились и сами не ждут «гостей».

Думая так, они выслали почти вслед за нашей разведкой — свою, тоже за «языком». В итоге группа Вяткина столкнулась нос к носу с группой разведки противника — чуть ли не прямо перед нашими позициями. (Мелетий даже подумал, что это была специальная засада.)

Завязалась короткая отчаянная схватка ближнего боя, быстро перешедшая в рукопашную. Мелетий, поразив кого-то из противников (быть

может — не одного), схватился со здоровым, таким же, как он сам, физически сильным противником. Они кубарем покатались в бомбовую воронку. В этот момент Мелетий сумел вытащить из голенища сапога им самим откованный в МТСовской кузнице из рессорной полосы охотничий нож...Пригодился-таки.

Это решило исход борьбы. Но за несколько мгновений перед тем, как отвалить от себя тело, он услышал наверху шум осыпавшейся земли и односложную чужую речь. Офицер звал по имени, как понял Мелетий, своего солдата, с которым Мелетий лежал почти что в обнимку, да еще снизу. Не услышав отклика, тот скатился к ним вплотную и, угадав в лежащем сверху своего, положил на землю автомат, стал переворачивать его, освобождая Вяткина от тяжелого груза. Мелетий к этому приготовился и неожиданным стремительным приемом перевернул того на спину и одновременно придавил к земле.

При этом прозвучал сухой пистолетный выстрел. Оказалось, разведчик противника успел, выхватив из-за ремня свой пистолет, в упор выстрелить в Мелетия («Когда он успел?», — подумал Мелетий). Как потом выяснилось, пуля угодила Мелетию рикошетом от бляшки солдатского ремня со звездой в кисть левой руки. Он почувствовал это позже. Тогда — только удар в руку. Мелетий резким махом ноги выбил «вальтер» из руки офицера и еще одним ударом по голове — лишил его сознания. И тут сверху прыгнул к ним в воронку

второй разведчик группы Вяткина — Ваню с двумя автоматами: своим и трофейным.

— Что с Вахитом? — спросил Вяткин.

— Отводит огонь, — сказал Ваню, выворачивая и скручивая руки «языку».

«Языка» скрутили. Заткнули рот, как положено, кляпом. Выволокли из воронки наверх.

После встречного боя разведчиков с обеих сторон шла горячая перестрелка. Вовсю светили ракеты противника.

Совсем недалеко, удаляясь в сторону противника, похоже, вел огонь из своего ППШ Зия Вахитов. «Молодец, Вахит», — сказал про себя Мелетий.

Разведчики отползли от воронки на пластуне. Прислушались. Ближнего боя, кроме Вахитовских очередей, теперь не было слышно. Энергично, в промежутках между ракетами, поползли к своим, таща за собой «языка». Тот вел себя спокойно. Понял, что так будет лучше.

На последнем дыхании они свалились с «языком» в свою траншею. Вскоре появился запыхавшийся, целый и невредимый и весь сияющий Зия.

— Что ты, Зия, там у противника искал? — спросил Вяткин с подначкой. — Ты явно удалялся в его сторону.

— Я дал им затравку, что мы, мол, находимся в их зоне, отводил их подальше от вас. Да, еще обошел их с теневой стороны. Они же на фоне рассвета и их же ракет были как на экране немого кино.

В этом был весь Вахитов — отчаянно дерзкий, бесстрашный, прирожденный разведчик.

Иллюстрация Вячеслава Микрюкова

«Язык» оказался хорошо информированным, очень полезным. Вел себя вполне прилично, правда, с достоинством — не трясся.

На разборе итогов вся группа была представлена к большим боевым наградам. Но выше скостили их степени. С высоты всегда видней.

* * *

Раненых Мелетия Вяткина и Ванно Чинчиннадзе переправили с «Невского пятачка» на землю. А там — за Ладогу. Награду свою — орден Красной Звезды — Мелетий получил уже в медсанбате. «По правде говоря, не ожидал».

Получили награды — медали «За отвагу» — Чинчиннадзе с Вахитовым, каждый — по второй. Об этом писала фронтовая газета. Статья называлась: «Беспримерный подвиг разведчиков». Потом об этом рассказал сам Зия Вахитов, земляк Вяткина, прибывший в тот же медсанбат по ранению.

По прибытии домой Мелетий Александрович стал работать в одной из ближайших МТС заведующим мастерскими, затем — главным инженером. Потом, когда начались всякого рода перестройки (ох уж эти перестройки!) в сельском хозяйстве, стал инспектором по гостехнадзору. Но дела в стране шли, кажется, к полному развалу того, что когда-то дышало некоей жизнью. У Мелетия Александровича от фронтовой профессии разведчика осталась на всю жизнь привычка не суетиться. В трудных ситуациях себе или кому-либо он говорил:

— Ну, чего растерялся? Давай обмозгуем, разберемся. Тут ничего страшного. Это тебе не за «языком» ходить.

И находилось верное решение, дело ладилось.

* * *

Ванно Чинчиннадзе и Зия Вахитов после госпиталя оба вернулись на фронт. И, так угодно было судьбе, оба оказались снова почти там же, откуда прибыли. К несчастью, оба оказались во 2-й Ударной армии у печально знаменитого полководца Андрея Власова. Как известно, вся эта армия бесславно погибла, не причинив врагу ощутимого урона. У великих отцов наших не нашлось ни способа, ни ума помочь им, выручить из губительного положения — все легли в мясорубке под названием «Мясной бор».

Как предполагает Вяткин: «Оба они были, беспрерывно (его выражение), в разведке. Не могли они сгинуть бесславно. Верю, что приняли свой последний бой с подобающим им достоинством. Иначе и быть не могло».

На всю жизнь осталась в нем зарубка сердечная — память о своих незабвенных фронтовых друзьях-товарищах, людях особой закалки, верности друг другу, разведчиках за «языками».

По праздникам, когда случается, он поминует их стоя.

БЕГИЧЕВА Мария Васильевна (урожд. Вердеревская, по первому мужу Шиловская; 1830 — 1879), переводчица, драматург, авт. романсов.

Певица-любительница, композитор. Дочь «соляного» магната В.Е.Вердеревского. В первом браке жена миллионера Шиловского. (См. П. Морозов. Соляное дело. \\ Голос. минувшего. 1915. № 11). Во втором — жена драматурга, управляющего театрами В.П.Бегичева; мать музыканта и поэта К.С.Шиловского. Пер. с франц. ком. «Бурное утро». (М., 1884) — Ш-ский, М.В. Авт. романсов, которые Амфитеатров назвал «дамским рукодельем».

Масанов; Амфитеатров.

БЕГИЧЕВА Надежда Владимировна.

(См. Голубева Н.В.)

БЕДАРЕВА Александра, поэтесса.

«Стихотворения». Киев. 1846. Посв. гр. Екатерине Осиповне Меллиной, с эпитафией. кн. З.А.Волконской рец.: «Отч. зап.». 1846. Т. 58. Отд. 6.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ..

БЕДРЯГА Мария Евграфовна

(См. Извекова, М.Е.)

БЕЕР Юлия Мануиловна, драматург.

Венгеров. Источ.

БЕЖАНИЦКАЯ К., авт. воспоминаний.

Вольнослушательница медицинского факультета Юрьевского университета, впоследствии врач. «На медицинском факультете Тартусского университета в начале XX века: (Воспоминания)». — Tartu ulikooli ajaloo kuisimusi, 1977, № 6, lk 98-111.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3, № 6244.

БЕЗДОЛЬНАЯ Елизавета, переводчица.

Пер. с франц. ром. Эрнесто Фуинэ «Стрега» 4 ч. (СПб., 1-834). в т. 1. дано письмо переводчицы к издателю, трактующее о женском вопросе и о женщинах-писательницах.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БЕЗЗАБОТНАЯ Анастасия З., авт. воспоминаний.

Вместе с Анной З. и Н.А.Беззаботной оставила воспоминания о сказительнице И.А.Федосовой (см) \\ Воспоминания об И.А.Федосовой, записанные в 1948 г. Петрозаводск, 1955.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2958.

БЕЗЗУБОВА Фекла Игнатьевна (1880 — 1966), народная сказительница.

В Саранске в разные годы вышли ее сборники: «Народные сказы» (1939), «Большой праздник» (1940), «Песни и сказы» (1955), «Песни нового времени» (1980). О ней: Фетисов М.И. Мордовские народные сказительницы [Е.П.Кривошеева и Ф.И.Беззубова]. Саранск, 1953.

РНБ; Личные архивные фонды. Т. 3.

БЕЗНИНА Анна Александровна (урожд. княжна Трубесская; — 1805), автор лит.-критич. статей.

Печаталась в «Журнале для милых». Литературно-критич. выступления Б. ограничиваются нескольк. статьями полемич. характера. М.Н.Макаров посвятил Б. стих. «Мечты сердца. Дом моей милой» и рассказал о ней в своих воспоминаниях. Так как существование рода Трубесских (Тюрбесских) и действ. стат. сов. Безнина документально не подтверждаются, не исключено, что фигура Б. является лит. мистификацией издателей первого русского журнала для женщин. О ней: Макаров М.Н. Мат-лы для истории рус. женщин-авторов. — «Дам. журн.». 1830. № 51-52. С. 113-114.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

(Продолжение на стр. 61)

Елена МИНАКОВА,
фото Сергея КИСЕЛЕВА

Сирота

Портреты

«Ветеранка» Паршукова Таисия Максимовна живет в Усалке, не зная о том, что на белом свете происходит. По большому счету, нет света белого для Таисии Максимовны, а есть только старая колхозная изба, которая пережила колхоз «Свободный труд» и неприметно стоит в кривом деревенском переулке Октябрьский. Дважды в неделю старушка натягивает теплые сапоги и галоши, набрасывает на плечи тугий лук-коромысло, и отправляется в путешествие по грязюке — по хлеб в магазин да по воду до ближайшего колодца. А вода на дне колодца, видимо, живая, потому что не только немощная старуха, но и другие жители платят за нее по десять рублей ежемесячно местному предпринимателю. Не бог весть, какие деньжищи, но тот, кто по слухам, «набрал все, что осталось от колхоза» и ищет применение силе, скоро заставит людей платить так же и за воздух, потому что свободный труд в деревне закончился. Дом с огородчиком да безрадостный вид из окна на водокачку... В одной точке земли со-

единились понятия о той родине, которая не может быть ни малой, ни большой для сердца.

Сердце возраста не знает... Неведомо Таисии Максимовне и то, что для многих жителей деревни она — «ветеранка» — ветеран жизни. Восемьдесят один год ей, но своих «годов» она, похоже, стесняется и дни рождения не празднует. «Неохота жить, — признается, — старой-то старухой. По воду сходить не можно, осенью и весной грязь по колесо». Жить прошлым — тоже тяжкое испытание.

Люди в Усалке привязаны к своей истории, можно сказать, что кровно. На протяжении почти трех столетий здесь жили и живут крестьяне Паршуковы, Распоповы, Плехановы, Дружинины и Ермолаевы, а всех больше — по фамилии Паршуковы. Казалось бы, древо фамильное должно питать и вершину. Но Таисия Максимовна чувствует свое одиночество даже среди однофамильцев. Говорит бесцветно: «Хуже всех живу: детей одна растила — трех парней, а все одна».

РЕКА ВРЕМЕНИ

Чтобы облегчить жизнь старухе, сельсовет когда-то выделил ей дом — в середине деревни, на асфальте. Но «ветеранка» от этого подарка решительно отказалась. Рассудила: лучше останусь в колхозной избе, за которую никто «зас не плотит». Парни смотрят с портретов, которые висят криво на гвоздях поверх ковра с олешками. Нет сынов, а все же они где-то рядышком...

Первенец Коля служил на флоте. А когда пришел, то сел на трактор и стал землепашцем, потому что все в Усалке испокон веков почитали только землю и трактор. Колю убили, когда он возвращался домой с работы. «Сколько-то зас ему?» — подсчитывает старуха в уме непрожитые годы сына... Вася, средний сын, сел на пожарную машину. Но тоже скончался на работе. Скоропостижно. И третий сын — Миша — «другой уже год лежит». Захворал да умер, и осиротела мать.

Изредка, по субботам, Надька, единственная внучка, навещается из города. Приедет, побудет, поможет по хозяйству, и скорей домой — к своим детям. Правнуки — горожане — не чувствуют уклада старинной деревни. Не люб им дом. Утром приезжают, а вечером уже просятся обратно.

Мало-мало, а все же хватает колхозной пенсии на «рады». Может позволить себе старуха набрать в местном магазинчике и сладкого, и окорочков, выброшенных на прилавок... «При колхозе худо было, а зас луч-че... — улыбается она своим беззубым ртом. — Те, кто много заробил, много и получает».

При колхозном строе платили Таисии Максимовне 60-70 рублей в месяц. А чаще она — даром «робила». Сперва сено возила и лес на клуб, который колхозники возводили на фундаменте разрушенной часовни. Пашню пахала, боронила, шпалы на железную дорогу таскала, дояркой работала на ферме. «А во время войны шешнадцать мне было, — неожиданно уводит память ее вдаль, — да куды-то на завод военный нас отправили».

В пору Великой Отечественной войны ездила Таисия Максимовна «на конях» в Тюмень — за бензином. Давно это было — в прошлом

веке... Ну а больше старуха в большом городе не была ни разу.

Чисто и по-весеннему прохладно в избе, где стоят три заправленные кровати. К вечеру хозяйка раскочегаривает печку: трещат дрова, и душа, измученная, согревается. Хорошо Таисии Максимовне — подумала о завтрашнем дне. Пригласила людей, работающих по найму. Те «сухое дерево испилили, в дровяник склали». стинно русской душе хочется не только тепла, но и света. Хочется помыть, побелить избу, а ноги-то уже не работают! «Вишь, — вздыхает хозяйка, — ничё у меня не прибрано и не вымыто». Бывает, встанет она на стул, да упадет тут же... И некому посочувствовать...

В тихой обители и обитатели негромкие. Старая швейная машинка, прикрытая рогожкой... Столик, на который хозяйка «поклала» в два слоя официальные тюменские газеты. И для чего их наносила почтальонша неграмотной старухе, которой от такого добра даже неловко? Оправдывается она взволнованно, — «Липовый лист ели, лапти носили и робыли до ночи без выходных, так что ни единого класса я не закончила».

И все ж-таки умеет она за себя расписываться. Иной раз не постесняется — попросит кого-нибудь поставить на казенной бумаге закорючку. Делов-то, написать фамилию, которую носит полдеревни!

А на столе у Таисии Максимовны стоят боженки, и батюшка Иисус Христос в центре композиции. «Верю я... — как будто в укор кому-то, произносит старушка (в душе-то она — ребенок), — ага, всю жизнь верю...»

Вспоминает, как строила колхозный клуб на месте «церквы». Там, где когда-то молились, сейчас собираются люди на общие собрания. Бывает на этих сходах и Таисия Максимовна, слушает — «А чё говорят, — вздыхает, — позабываю».

Не училась, нигде не была, ничего хорошего не видела. Похоронила отца, мать, братьев, сыновей, мужа. А все же кровно сроднилась со своей деревушкой Таисия Максимовна! И для нее этот уголок земли самый лучший.

Как-то раз лежала она ночью с закрытыми глазами и увидела: пришли в избу парни и пали на койки. «Вроде как я во сне, — рассказывает старуха, — а все вижу. Ну-ка, думаю, огонь- то включу. Включила — и нет никого. Вот такое дело».

Возвращалась я из этой глухомани и думала об одной русской поговорке: пока жива — наша, а умерла — Богова! Пока живем, мы в ответе за каждого человека. А на том свете за всеми при-смотрят боженки.

Анастасия ШВЕД, 16 лет,
иллюстрация Вячеслава МИКРЮКОВА

СОЛДАТКА

В дыму войны в их душах обожженных
Тоскливый вой сирены не затих,
Их никогда не величали женами,
И вдовами не называли их...
Ю.Друнина.

Баба Фрося (так ее называли на селе многие) умерла в 1995 году.

Умерла тихо, так же тихо, как жила. Улыбчивая, доброжелательная, она никогда никого не обидела. Честно отработав в огородной бригаде до пенсии, не жаловалась на судьбу, не говорила никому о своих проблемах. Единственное, что ее отличало от многих сварливых в этом возрасте женщин — она просто обожала детей! Всегда в кармане старого фартука она носила что-нибудь сладкое, чтобы угостить «постреленышей», так она называла маминых школьных друзей. Кто-то считал ее сумасшедшей, потому что иногда, даже общаясь с кем-нибудь, она вдруг уходила в себя, словно что-то вспоминала. Кто-то считал ее бирючкой: как-то странно одиноко она жила — замуж не вышла, детей не родила.

Жизнь шла своим чередом. Каждый, живущий в селе, думал о своих проблемах, и лишь 9 мая вспоминали о том, что баба Фрося жива. Она по-особенному преображалась в этот день: наряжалась в красивое платье и шла на кладбище, чтобы положить тюльпаны на могилы ветеранов. На собрании ей вручали подарок за тяжелый труд в тылу в военные годы.

Однажды в праздничный майский день, когда все люди праздновали 30-летие Победы в Великой Отечественной войне, моя мама спросила бабушку: «Отчего тетя Фрося такая странная?»

— Что ты?! Она одна такая, наверное, на свете. Солдатка она... — тихо сказала бабушка.

— Как это? — не унималась мама.

— Она до сих пор ждет своего любимого с войны.

— Как это?! 30 лет прошло!

— Представь себе: замуж не вышла и не предала память. Хотя осталась невестою в 41-м году и по сей день ждет своего единственного.

— Так где же он?

— Пропал без вести ее Павел.

Эта история долго не давала мне покоя, а недавно я прочла у Юлии Друниной:

*Невестами с любимыми расстались,
Чтобы одним весь век провековать...*

«Это же о ней, о бабе Фросе», — подумала я, пытаюсь представить ее образ. Представляла, какой она была молодой и красивой, как ждала она своего Павла, как ждала День Победы, как она завидовала подружкам, выходящим замуж за любимых, как плакала в подушку по ночам, как...

И как ни странно, думала о тех, кому суждено жить в XXI веке. Смогли бы мы — дети нового времени — так любить и ждать?! Думаю, нет. Сейчас даже дружат по кругу: сегодня с одним, завтра с другим. Все должно быть очень весело, просто. На мой взгляд, военное поколение — это удивительные люди. Они и войну-то выиграли из-за этой внутренней силы, из-за силы духа, верности, преданности.

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

ЗИЛ, про который говорил парень в камуфляже, замер у самого здания, заехав передними колесами на газон. Дверца кабины была распахнута, на горячем дермати́не сиденья нелепо пестрело брошенное полосатое полотенце. До машины было метров двадцать. И метров пятнадцать до распластанного на газоне существа. Лыков почувствовал, как зарождается внутри него странная сосущая немота, как съезживаются внутренности и как поднимается под самое сердце волна тоскливого холода. Больше всего ЭТО напоминало насекомое. Бугристое тело, законанное, как в латы, в угловатую костистую броню, скользкое твердое брюшко, склеенное из округлых долек, свернулось полукольцом. Короткая, толстая, как проволока, щетина блестела сизым металлом. Обрубок кольчатой шеи венчала маленькая голова — свернутый на сторону клыкастый череп. Страшные, похожие на старые изогнутые гвозди, клыки заходили друг за друга — внахлест. Свисала с них, растекаясь по иссверленному пулями бетону, клейкая паутиная слизь. Сухими картофельными плетями отслоились от туловища изломанные суставами ноги

Потом был рывок за плечи, Санитар и парень в камуфляже, комкая одежду, оттащили Лыкова от окна. Он поспешно вырвался, после увиденного ему показалось, что его хватают цепкие когтистые паучьи лапки. Он попытался отпихнуть Санитара, ладони встретили шурушащую кожу халата, а под ней — твердость бетонного надолба. Санитар поймал его руки — сдвинул локти тисочными зажимами пальцев. Очень сильно, намеренно причиняя боль. Захрустели суставы. Кирпичное рябое лицо с кирпичным же подбородком придвинулось вплотную, едва не задевая поросшими щетинистым мхом скулами. Затем его потрянули, как выбиваемую пыльную тряпку. Звонко чакнули зубы.

— Всё! — сказал Лыков. — Всё. Отпусти...

Тиски разжались. Он сделал шаг от окна. В коленях застоялась тряпичная слабость. Лыков добрел до стены, оперся о нее, потом прижался лбом. Острые пузырьки штукатурки продавили кожу. Внутри, мелко подрагивая, росло что-то темное и холодное, вспучиваясь и подступая к горлу. Потом его вывернуло горькой слюной. Желудок был пуст.

За спиной хмыкнули. Лыков отплеывался. Большинство людей смотрели в сторону. Взгляды выцарапывали стены. Вопрос ушел в пустоту, только кашлянуло глухое эхо. Санитар стоял, повернувшись боком. Парень в камуфляже переместился в сторону от окна, узкое хищное лицо его пересекала наискось ядовитая усмешка — наверное, это он хмыкал. Смотрели прямо

только люди у стены, но они были не в счет — ледяные бесцветные глаза пугали пустотой. Плечи, притиснутые одно к другому, склеились от тесноты комками вязкого теста. Беззвучно раскрывались немые рыбы рты. Тишина спрессованных неслышных стонов обволакивала их, как морозный пар дыхания, только хлопотали отдельные простуженные всхлипы. Иногда эти стоны и всхлипы склеивались в слова, не различимые ухом, но воспринимаемые напрямую — мягким веществом позвоночника. Господи, помилуй...

— Идем, — сказал Санитар, и рука его, похожая на растопыренного краба, снова легла на плечо. — Идем, ну...

Песок уплывал сквозь пальцы. Не песок даже — летучая, тонкая, перетертая веками пыль. Можно торопливо черпать ладонями, но ее тотчас сносило ветром. В позвоночник снизу и на всю длину был воткнут проржавленный гвоздь — все болело и ничего не гнулось. Ветер накатывался из-за плеча, завывал, пыль не задерживалась в ладонях. Это наваждение стояло перед глазами. Ветер, песок, пустые ладони. Сизифов труд. Все бесполезно, сказал Лыков. Бесполезно, зачем его мучить? Человек лежал, как труп — вытянувшись. Крупные градины пота трепетали над верхней губой. Он уже не кричал, не выл, словно разорвав в клочья голосовые связки. Слабый шелестящий поток дыхания сочился из глотки. Розовая тонкая пена, не переставая, вытекала из раны в основании шеи.

Профессор что-то делал в брюшной полости. Лыков не видел что и не понимал, что там может видеть Профессор, операционного поля как такового не было, сплошное месиво, с выпирающими острыми углами костей. Буднично, куском гофрированного шланга, торчала выпавшая кишечная петля. Они работали больше часа, ворошили полость, извлекая оттуда, один за другим, лоскуты одежды. Они все находились и находились, один лоскут Лыков выудил даже из остатков уретры. Слово попало мясорубку. Саранча. Будем называть ее так, хотя она — совсем не похожа. Не просто увеличенное насекомое — что-то другое. Как она это сделала? Такие повреждения и чудом не тронутый позвоночный столб, паралича нет, чувствительность не нарушена, он все чувствует, каждое прикосновение. А область таза, суставы бедра, толстый кишечник — все в кашу. Должно быть, опрокинула его на спину и, навалившись, начала вгрызаться в пах, выше, выше, а он, должно быть, брыкался, сучил ногами, пока слушались, пока не обвисли, отломленные в суставах.

Какая боль, Господи. За что такое... Огрызок прямой кишки изжеван вдоль, пузырящиеся каловые массы зеленели повсюду. Кошмар хирурга. Пузырь также

(Продолжение. Начало в № 4, 2006)

располосован, и зашивать нечего, моча сочится прямо внутрь полости, жжение, наверное, жуткое. Господи, как он кричал. Санитар привязал ему руки, растянув крестом. Слышен был стекольный хруст, когда выломались оба локтевых сустава. Они кололи ему новокаин, вводили инфильтрационно — промокая раны смоченным новокаином тампонами, но он, казалось, не действовал. Рененый не терял сознания ни на мгновение, это было непостижимо, даже когда Санитар, обернув чем-то увесистую деревяшку, ударил его по голове. Ударил очень сильно и несколько раз. От крика закладывало уши. С ума можно было сойти. Лыкову казалось, что он, наверное, уже сошел. По крайней мере, чувства были, как обмороженные. Профессор механически ковырялся во внутренностях, раздвигая их пинцетом. У него было сонное, очень усталое лицо. Все было бесполезно. Зачем мучить, спросил Лыков. Новокаин не действовал, совершенно точно. Лыков ввел себе немного подкожно, ткнул в середину вспучившегося волдыря иглой. Как в поролон. Выдавилась прозрачная, с кровавой паутиной, капля. Кожа послушно одеревенела. Это несомненно был новокаин. Надписи на ампулах соответствовали. С тем же шприцем в руках он нашел девочку с необширной раной, рваная борозда на плече.

— Чем она тебя?

— Лапой схватила, — ответила она. — Прыгнула, схватила, а потом начали стрелять, она меня бросила.

Ей было лет четырнадцать. Нескладная, как цапля. Сидела, спрятав лицо в колени. Рана была страшная на вид, но неглубокая — вскользь. Лыков обколол ее

циркулярно, десятью кубиками, гораздо больше, чем требовалось. Она терпела, изредка дергая голым плечом. Комкала кофточку у груди, прикрываясь. Волосы нависали сосульками, лицо терялось за ними. Лыков ждал, пока подействует блокада. Нужно было убедиться. Пальцем он тронул рану у края. Она поджалась и заскулила, судорожно двигая губами.

— Больно? — спросил он.

Она часто закивала. Он надавил еще в нескольких местах. Новокаин не действовал.

— Бесполезно. — сказал Лыков.

Профессор поднял голову. С пальцев у него капало. Отстранился, зачем-то начал вытирать ладони.

— Не теряет сознания... — он избегал строить вопросительные фразы.

Профессор шевельнул рыбьим ртом.

— Я ушил кишечник. — сказал он. — Нужно еще раз промыть полость. Хотя бы просто водой. Это уменьшит раздражение. И вот здесь. — он показал длинным красивым ногтем. — ввести катетер. Из чего-нибудь... не знаю. Соломинки для коктейлей. Отвести мочу наружу.

Лыков нагнулся над лежащим, оттянул жесткое птичье веко. Глаза слепо тарасились. Он отдернул руки — словно током ударило. Из надорванной криком гортани прерывистыми неритмичными толчками шел воздух.

Его толкнули в бок. Просунулась рука с ведром и перевешенной через край тряпкой. От ведра обильно валил пар.

— Вы с ума сошли, — сказал он, отталкивая ведро. — Это же кипяток.

— Тут везде только горячая вода в трубах. — сказал Санитар.

— Нельзя. Отставьте ее, пусть остынет.

— Она неделю будет остывать.

— Почему? — спросил Лыков.

— А ты не понял, козел? — Санитар с грохотом поставил ведро на пол. Веером плеснули горячие брызги.

Лыков отвернулся.

Разбитые губы до сих пор саднили. Он потрогал их языком. Опухли, как вареники. Санитар ушел. Не кулаки, настоящие копыта. Сволочь. Профессор, обжигаясь, звякал в ведре — мыл инструменты. Кипяток был единственной доступной дезинфекцией. Были, правда, таблетки гидроперита, но Лыков, уловив момент, когда рядом не было Санитара, засунул их в какую-то щель. Чего доброго, заставит употребить их в дело. Промывать полость гидроперитом. Бр-рр-р... Несчастный... Лыков посмотрел в полотняно-белое лицо.

Санитар притащил его с нижних этажей. Так он сказал. Что там, на нижних этажах? Откуда там люди? Лестничный пролет, единственный путь вниз, был засыпан строительным хламом, засыпан, видимо, нарочно. Узкий, как барсучья нора, лаз постоянно сторожил один из автоматчиков. Санитар в эту дыру не пролез бы. Никто бы не пролез.

Но раненые появлялись.

Лыков все равно не знал, чем им помочь. Большинство было уже наполовину съеденными. Повреждения, не совместимые с жизнью. Все до одного оставались в сознании. Шок почему-то не развивался. Кровь вытекала

литрами, но обескровленные тела продолжали жить. То одного, то другого начинало колотить в агонии. Лыков метался от одного к другому с бесполезным шприцем, потом перестал. Раненые все равно не реагировали на обезболивающее. Возможно, требовалось что-нибудь более сильное. Лыков в это не верил. Слишком много «почему» накопилось.

Первым это сказал человек с откушенным подбородком. Его не принесли, как остальных. Он приполз сам, откуда-то с верхних этажей. Было полной неожиданностью — сверху, по обрушенным лестничным пролетам, запрыгали вдруг обломки, едкая цементная пыль потекла сверху, расходясь пухлым облаком. Вокруг всполошились, кто-то выстрелил, пуля, разбрызгав бетонное крошево, ударила в перекрытия, но тут с обломанного карниза свесилась рука и замерла, как сухая ветка. Через звездчатую трещину в потолке часто-часто капала кровь. Он лежал не двигаясь, никак не реагируя на крики снизу. Снять его смогли, только выстроив пирамиду из трех человек. Санитар, вскарабкавшись по плечам, поймал твердую раскоряченную кисть и потянул за собой. Тело свалилось, как куль, его еле успели подхватить. Уронили, когда перевернули лицом кверху. Саранча, должно быть, схватила его прямо за лицо, лохмотья кожи прилипали к рукам, прорванная кожа щек топорщилась, выставив напоказ чистые белые зубы. Кусками бороды, как паклей, был набит непомерно увеличившийся рот. Лыков стоял над ним, не представляя с чего начинать. Как гвозди, торчали отовсюду сломанные челюстные кости.

Он вдруг поднял руку, вцепился в отворот халата и со страшной силой потянул вниз, к себе, к булькающему провалу на месте рта.

— Шс-лу-шшш-ай...

Лыков обмер. Показалось, его сейчас вытошнит, прямо на лицо.

Я ее ударил, сказал человек. Она вцепилась... Аж потемнело... я ее ударил. Правый кулак его был разможен, багровели сбитые козонки. В морду ей, в морду. Бил, пока не отпустила. Упал вниз, на камни... пополз. Слушай меня, слушай...

Вытекшие глазницы были забиты мусором. Налипла кирпичная крошка, он не давал подступиться с тампоном, тянул к себе, слушай меня, слушай... Растянули антенну от шпиля, до парапета, батарея была говно, но приемник работал, я тебе клянусь... Работал. Дырявые щеки со скворчанием выпускали воздух. Я сам его собрал, я в этом понимаю, я из чего хочешь могу собрать... Лыков отворачивался, костяные иглы едва не касались лица, брызгала кровь. Мы и не думали, что кто-то ответит. Эфира просто не было. Слушай меня, слушай. Мы все слушали, там, наверху, ветер, горизонт, антенна хорошая, сорок метров, медная спираль. Свинцовое одеяло. Пустота. Ни фона, ни статики, ничего. Должно быть. Ведь солнце есть — оно... ионизирует. Город, город кругом, крыши, крыши. Мост, как подкова. Столько железа, должно же фонить. Закон физики. Слушай... Закон... Я верю, я материалист. Не может быть Земля. Не может быть другая планета, я бы отличил. Я сорок лет слушаю космос... Слушай меня.

Он умер через два часа. Трупы складывали в самой дальней комнате, без окон. Они лежали штабелями, три

тела вдоль, четыре поперек, мягкие, как пластилин. Их было очень много. Последний, четвертый штабель доходил до груди. Они кричали, взваливая тело. Профессор не смог вспомнить, сколько они здесь лежат, спросить у кого-то еще Лыков не решился. Запаха разложения, по крайней мере, не ощущалось. Трупных пятен он, чиркая спичкой, тоже не разглядел. Тонкая, мучнистая пыль из-под штабеля высеивалась на пол. Тряпка, которую макнули в кипяток, до сих пор оставалась горячей. Солнце висело в третьей четверти неба, маленькое, далекое и тусклое.

Апокалипсис, подумал Лыков. Конец света. Но почему? Поверилось сразу. Не приходило даже мысли подыскать другое объяснение. Хотя оно, несомненно, нашлось бы.

Во-первых — как он здесь оказался?.. Это был не его город. Странные, волнистые крыши, грибными шляпами накрывающие типовые многоэтажные свечки. Несуразности размеров затрудняли восприятие. Нелепые многометровые карнизы, пучки рыжей, как ржавчина, травы, растущей прямо сквозь кирпич.

И было ощущение невидимого, но пристального, всепроникающего взгляда. Так, что стягивало кожу на затылке. Все вокруг затравленно крутили головами. Словно массовый психоз. Сводящее с ума ощущение. Камни, падите на меня и сокройте...

Около часа назад налетел град, короткий, как молния, и убийственный. Не разверзались хляби, но что-то неувлимо сместилось в небе, преломив взгляд, половинка расколотого солнца светила теперь откуда-то сбоку, а прямо через небо протекли быстро испаряющиеся струи. Автоматчик, тот, с насмешливым лицом, вдруг позеленел и, прикрыв затылок оружием, ринулся прочь от окна, вломившись в плотную молящуюся толпу. Словно шrapнелью сыпнуло по стенам, вспучилась пробитая штуртурка. Одна из градин врезалась в подоконник, тот брызнул в стороны горячей востряющейся щепой. Жалобно хрупнув, переломились створки. Кто-то застыл напротив проема, то ли растерявшись, то ли нарочно, воздевая костлявые руки. Градина ударила его в шею, пробив, как наполненный бурдюк, он вяло повалился, расплескивая сквозь дыру густое и горячее.

Лыков застыл столбом. К счастью, он был далеко от окна, сюда долетало только рикошетом, большие, с наперсток, градины катились, звеня, как монеты на подносе. Пронзительно воняло какой-то химией. Он пятился, загородившись патронным ящиком, бинты из него вываливались на пол. Секло в оба окна, нещадно, как пулеметный обстрел, порхали обрывки занавесок. Толпа у стены сбилась в сплошной завывающий ком, обреченно барахтались придавленные. Алыми кляксами брызгало на стены.

Лыков увидел Круглоголового. Он медленно, застыв на полушаге, опускался на корточки. Сначала показалось — на колени, но в последний момент он выставил ладони, оперся ими об пол и так и остался сидеть. Глаза его были зажмурены накрепко, сдавленные морщины уходили чуть ли не внутрь черепа. Сразу две градины ударили чуть ли не в него, брызнув кафелем, еще одна, чиркнув по отвороту рубища, с треском впиалась в косяк.

Потом все кончилось.

Круглоголовый так же медленно, неторопливо, с каким-то даже сожалением, распрямился. Посмотрел на небо, где подсыхали инверсионные следы, затем зацепился взглядом за Лыкова. Тот обнаружил, что все еще прикрывает ащиком причинное место. Стыдливо, как тазиком в бане. Смутился и принялся подбирать разбросанные бинты. Повсюду шипел, испаряясь, мутный пузырящийся лед. Клокотали лужицы на выщербленном полу. Кто-то доковылял до Лыкова и обвис на нем, завывая. Расщепленная кость торчала, протыкая рукав. Ничего серьезного, сказал Лыков. Зажмите здесь. Пойдем. Мужчина был грузен, как медведь, ноги его подламывались. Он хватался, пачкая кровью. Лыков, затвердев под здоровым плечом, потащил его к раненым. Мужчина с ужасом уставился на потеющие кровью матрасы и уперся, ни в какую. Кто-то упавшим деревом валялся на полу, сквозь аккуратное отверстие в середине лба сочился белесый химический пар.

— Садитесь где-нибудь, — сказал Лыков. — Садитесь. Ложиться нельзя. Руку держите повыше.

— Куда ты... куда. — голос его тоже был медвежий, рыкающий. — Ох...

Он плюхнулся на свой неохватный зад, прямо там, где стоял. Странно, подумал Лыков, на вид такой здоровый.

— Нужен жгут, — громко сказал он. — Я сейчас принесу. Сожмите и не отпускайте.

Ремя на мужчине не было. Объемный живот облегал затасканные треники, с пузырями на коленях и следами засохшей краски. Свежий еще запах солидола процеживался сквозь кровяной дурман. Его, наверное, выдернуло прямо из гаража.

Лыков прошелся среди раненых, высматривая, не умер ли кто-нибудь со жгутом на конечности. Мужчина сидел, раскачиваясь — убаюкивал боль. Джинсовая рубашка, в которую были упакованы его мощные телеса, с трудом поддавалась лезвию. Притупленный скальпель скрежетал, выпуская лохмотья. Столько им уже разрезано... одежды, внутренностей, сухожилий. Все одним ножом. Уже притерпелся, перестал рефлексировать. Словно тушу свежуешь. Господи, как быстро. Всего один день... и совсем другой человек. А еще удивлялся, глядя на профессора, подумал Лыков. Сколько он здесь, вряд ли больше трех дней, раз еще держится на ногах. Видно же, что не спал. Но... три дня... Господи. Почти вечность. Непрекращающийся кровавый кошмар.

Саранча... Он видел ее только мертвую, там, на площади перед домом. Перепугался до обморока. А их здесь, наверное, миллионы. Библейские полчища... Одна из них запрыгнула в окно, прежде чем ее убили. Пять автоматов — в упор. Снесла кирпичную перегородку и издохла. Ее похоронили под грудой обломков, шептались, что некоторые, взглянув, умирали на месте. Паралич дыхания или сердечный приступ. Неудивительно, это же исчадие. Лицо почти человеческое. Что будет, если они пойдут на приступ, две или три одновременно. Шансов ведь вообще никаких. Вообще. Господи. Все бесполезно. Меня она, наверное, и укусить не успеет, я умру от испуга. Возле кучи, в которой ее закопали, и проходить было страшно...

Он докромсал, наконец, рукав, распустил обе половинки. Перелом был безнадежный. На плече у него во всю ширину синела накладка. Как у матерого рецидивиста, беспорядочная мешанина куполов и крестов. Аккуратные вытянутые луковки. Стилизованный облачный пар. Спаси и сохрани.

— За что... — произнес мужчина. — Ох... Да за что... Да я же... всю жизнь верил...

— А меня за что? — спросил Лыков, утягивая руку пониже куполов.

Он посмотрел, соображая, потом сказал уверенно.

— Тебя-то... Тебя, видать, есть за что... Свечку-то хоть раз ставил? У-у, сволота...

Круглоголовый захохотал — через всю комнату.

— Все из-за тебя. Г-гад! — уже в спину Лыкову сказал мужчина. — Развелось вас, безбожников, за семьдесят лет. Давить бы вас. Ох... Гнида ты...

Круглоголовый уже сворачивал за угол. В руках у него болтался какой-то мешок, серый, как рогожа. Кроличьими ушами свешивались лямки. Лыков ускорил шаги. Горячее ведро в руках мешало, задевая за ноги. Он тащил его для отвода глаз. Конспирация. Санитара не было видно поблизости. Круглоголовый скользнул в проем и растворился.

— Эй! — крикнул Лыков. — Эй, подожди...

Поозирившись, он оставил брякнувшее ведро и,

торопясь, выскочил в пустой коридор. Здесь было темно, пахло мокрым бетоном и горелой изоляцией. Пустые патроны свисали с потолка, как сосульки. Хрустело стекло под подошвами. Со стороны лестничных маршей тянуло сквозняком, стелясь клубами, текла вездесущая пыль. Круглоголового нигде не было. Лыков всматривался в темные повороты. Показалось, впереди шевельнулся ускользящий силуэт. Лыков шел следом, двигаясь почти на ощупь. Наваленный хлам сплошь устилал пол. Лыков избил щиколотки, протискиваясь. Стены были шершавыми, лишь изредка руки нащупывали уцелевшие кафельные заплатки. Может, через этот коридор таскают раненых? Значит, впереди мог быть выход вниз. Лыков не представлял, зачем ему выход. Зачем он вообще сюда полез? Время от времени он останавливался, прислушиваясь, но эхо от его шагов бежало на многие метры впереди. Коридор был слишком длинным, он никуда не вел, просто тянулся — отсюда и до Австралии. Сверху, под невидимым потолком, листопадно шелестело, он вдруг с размаху вляпался лицом в пыльные тенета и, взвизгнув от омерзения, принялся выдираться из них. Паутина была огромной, ощущались даже отдельные нити. Она скрипела, натягиваясь, а потом рвалась с отчетливым хлопком. Часто-часто, как горох в кружке, прыгало сердце.

— Ну... — сказали откуда-то из-за спины. Лыков замер, прислушиваясь. Этот шорох под потолком мешал отчаянно. Немного приблизившись, голос повторил: — Чего?..

Где-то совсем рядом сипела перегретая вода в трубах. Струился знакомый отопительный жар, обволакивая кожу. Он вслушивался, боясь пошевелиться.

— Да выпутывайся скорее, горе... — это был голос Круглоголового. — Нельзя в паутине долго...

Лыков поволокся назад, елозя о стену. Клейкие нити отрывались чуть ли не с кожей. Пальцы уже зудели, как от стекловаты.

— Чего ты ходишь за мной, как за вожатым?

Круглоголовый, должно быть, тоже отошел назад, голос его звучал шагах в трех-четыре. Лыков пристально всматривался. Коридор был темен, как угольный мешок. Нелепая мысль пришла вдруг в голову — Круглоголовый оставил здесь свой голос, поставил, как часового, сторожить тылы, а сам ушел вперед, скорченный, немой и страшный.

— Ну, говори, говори, — подбодрил голос. — Таращится, как филин.

Лыков хлопотнул горлом.

— Чего? — переспросил голос.

— Я спросить хотел, — сказал Лыков.

— Спросить?

— Ну... да. Обо всем этом.

— Почему меня?

— Не знаю. — Лыков, не переставая, чесался. Лицо жгло огнем. — У кого же еще?..

— Ну...

— Ты что, видишь меня? — он пощупал пустоту перед собой.

— Конечно, — сказал голос. — Ты ж протопал мимо, как слон.

— Но как?... Каким образом?..

— А Гнев?... — Голос понизился до трагического шепота. — Не боишься спрашивать?

— Не знаю. — признался Лыков.

— Бу-у-у... — крик, словно осязаемое существо, ринулся на него из темноты. Прямо в лицо. Лыков в испуге шархнул и, с костяным хрустом, вломился затылком в стену. Цветная вспышка польхнула перед глазами, на короткий миг высветив вдруг весь коридор, выключатели на стенах, мосластые переплетения труб, Круглоголового с растопыренной пятерней. Все — в мельчайших деталях. Всего мгновение это длилось, потом оплавленный волдырь расплылся посреди негатива, слепящий белый свет хлынул через него и выжег глаза. Заходясь от боли, Лыков потек вниз, раздирая затылок о кирпич. Боль пузырилась внутри. Лыков свалился мешком, острые углы пола, вывернули позвоночник. Несколько мгновений он корчился на полу, обессиленный. Потом он смог, опираясь о стену, подняться на ноги. Колени тряслись — не держали. Голова гудела, как котел. На затылке наливался пульсирующий желвак с яйцо величины.

— Вот так, — сказал из темноты невидимый голос Круглоголового. — Все через боль... Все через боль, дружок.

... Он вел Лыкова назад сквозь темноту. Смятое пятно света маячило впереди, настолько далеко, что Лыков никак не мог поверить в длину коридора. Стены все не кончались. Круглоголовый не позволил к себе прикоснуться — бесшумно скользил чуть впереди, время от времени подавая голос, а Лыков карабкался следом, увязая ногами. Лицо там, где прикасалась паутина, ошутимо припухло, он с трудом подавлял желание почесаться, пальцы зудели тоже, и на них вполне могла оставаться какая-нибудь липкая гадость. Чудовищные тенета — как сети. И, вероятно, чем дальше, тем гуще. Кто же их плетет? Лыков представил сучащие волосатые ноги и содрогнулся. Пауков он никогда не любил. Хитрые таинственные твари, безмолвные и ждущие. Откуда они тут? Лыков силился вспомнить, упоминались ли в Откровении пауки...

— Они везде... — сказал вдруг Круглоголовый.

— Везде?

— Абсолютно. Куда ни придешь, они или есть, или были. Чаще есть. Проникают и выют.

— Такие большие, — сказал Лыков. — Огромные просто. Они опасны?

— Нет, — ответил Круглоголовый. — Если не уснешь в паутине. Они тупы и пугливы. Прячутся по темным углам. Вообще паутина не для того, чтобы ловить, а для того, чтобы не пускать. Насекомых ведь здесь не бывает.

— Здесь... — заторопился Лыков. — Ты говоришь, здесь. Подожди, слушай... это ведь не Земля, так... — Круглоголовый промолчал. — Я имею в виду — не наш мир... Тут все какое-то... не такое... Слушай, не могу отделаться от ощущения, что сплю. Как-то все... Приблизительно, что ли. Словно набросок. Дома эти странные... Что это за место?

— Может, еще в города поиграем? — насмешливо спросил Круглоголовый.

Они внезапно вышли на свет. Лыков зажмурился. После темноты коридора слабенький пыльный свет резал глаза. Они остановились возле дверного проема, за которым по-прежнему текло разворошенное — бу-бу-бу, частые всхлипы и бормотание. Лыков повернулся и заглянул в черный провал коридора. Шелестели

сквозняки — пыль утягивалась в коридор, как в дымоход. Он представил себе многие километры темного пространства, закупоренные паутиновыми пластинами, вглубь, вдаль, в боль и темноту. Зачем вообще туда ходил Круглоголовый? Спрятать что-нибудь? Или наоборот, взять? Лыков посмотрел на рогожный мешок, стянутый грандиозным узлом. Ни черта он мне не скажет, с тоской подумал он. Ни черта. Зачем я только пошел за ним. Кошмар какой-то — никто ничего не понимает, но все мечутся, как угорелые. Словно весь смысл именно в действии, а вовсе не в результате. А если подумать — пустая суета. Судороги. Медикаментов нет, а которые есть — не действуют. Трупы не разлагаются, так что сепсиса, видимо, можно не опасаться. Зачем я нужен, они все равно умирают и будут умирать, им даже лучше, если никто не подходит. Это все, что мы можем, тарашиться из щели, в которую забились. Автоматчики у окна — глупость. Им овладело вдруг безраздельное отчаяние. Нет надежды. Ему очень не хотелось возвращаться в комнаты, где этот непереносимый взгляд с неба. Раскальвалась голова, мешал налипший мусор. Перемазался весь. Он стянул халат, вытряс его, как половик, и, путаясь в рукавах, принялся напяливать.

Круглоголовый терпеливо ждал, пока он закончит. Потом, глядя в сторону, сказал:

— Возвращайся. И не ходи больше за мной.

— А что в мешке? — спросил Лыков и прикусил язык.

Круглоголовый затвердел взглядом и, протянув руку, ворохнул полую халата.

— Наизнанку надел. Быть тебе битым.

Он отшагнул в чернильную тьму и уже оттуда, обратившись снова в безликий Голос, произнес:

— Терпение...

— Терпение, — говорил Профессор. — Терпение, так сказать, и труд... все перетрут. Все оказалось просто на самом деле. Немного времени подумать и немного терпения. Эй... эй, вы слушаете?

Лыков встрепенулся, выходя из ступора. Они стояли ад распростертым телом — каким уже по счету? Профессор показывал куда-то внутрь развороченной полости, отрагиваясь тонкой никелированной лопаточкой. По округом торчали острые ребра. Раненый был надежно ривязан и, видимо уже готовился к агонии. Мелкие азряды судорог наводили рябь на лицо — толстые деки трепетали.

— Что нам от него нужно? — устало спросил Лыков.

— Как же... — Профессор поджал губы, отчего лицо делалось обиженно-изумленным. — Я ведь только го...

— Я вас не слушал. — сказал Лыков.

Он снова принялся объяснять, тыкая никелем, как казкой, что-то совершенно постороннее и потому не оспринимаемое начисто. Что-то о септической изоляции полости. Обернуть полиэтиленом, подшить здесь и здесь. Лыков в оупении накрыл уши ладонями:

— Стойте. Хватит.

Профессор замолчал.

— Вы видели хоть у кого-то признаки сепсиса? — сдерживаясь, спросил Лыков.

Его поташнивало. Очень хотелось пить. Не остывающая вода имела выраженный привкус желчи. Он не сумел проглотить ни капли, дремучий панический инстинкт наглухо блокировал гортань.

— Нет... но...

— Этот человек умирает. Уберите инструмент из раны... Пожалуйста.

Профессор виновато отстранился. Он, видимо, и сам все понимал. Любой имеющий медицинское образование понял бы. Слишком уж все откровенно. Сухая трава щетинилась сквозь камень. Горькая пыль укутывала все. Птиц не было в небе. Мертвый мир и стерильный воздух, искривленный искусственный горизонт.

Трупы, минуя стадию разложения, рассыпались серым прахом.

— Что же мне делать? — спросил Профессор. Было видно, что он очень подавлен. Он так хорошо все придумал. — Послушайте... Пожалейте меня — я старый человек. Я не могу так — взять и отринуть... Вы молодой — вам проще. А я — не могу. Нас так учили, всю жизнь, нужно работать, пытаться сделать лучше... Даже если больно и грязно. Сделать лучше, понимаете...

Пустые ладони черпали воздух. Он выглядел совершенно убитым. Словно опору выбили из-под ног. Так, медленно и беспомощно, сползает улитка со скользкого, заиленного течением камня.

— Если все бесполезно, зачем здесь инструменты?... Зачем я в халате, скажите... ЗАЧЕМ Я ЗДЕСЬ? Чего от нас хотят? Я не могу так больше...

Он вдруг мелко затряс головой, словно собираясь разрыдаться. Лыков отвернулся, чтобы не смотреть. Зря я так с ним, — жестко подумал он. Профессор, видимо, был уже на пределе. Три дня. Он сморщился от ощущения шершавой сухости во рту. Неизвестно еще, какой я буду через три дня. Кошмарно долгий срок. Жалость, должно быть, выкипит, как забытый на плите чайник. Буду копать в кишках, как в моторе. Надо сказать бы что-нибудь... ободряющее. Профессор шумно плескался

в ведре. От горячего пара потемнели белые докторские манжеты. Руки у него были красные, обваренные.

Почему-то нигде не было видно Санитара.

Лыков смотрел на Профессора, на то, как он, поджимаясь от боли, дезинфицирует ладони, окуная их в кипяток, и ощутил вдруг странный укол внутри. Перевел взгляд на собственные руки, припухшие от недавних паутинных прикосновений, на цементную грязь под ногтями. Он ведь не полоскал их в ведре — горячо, больно. Больно! Все через боль, сказал Круглоголовый. Умиравший толстяк чуть заметно корчился. Спелые щеки его сморщились и полиловели, уже проступала от глаз, расплываясь на пол-лица, особая мятая чернота. Звонко чакали друг о друга сухие квадратные зубы. Вероятно, ему предстояло умереть в ближайшие минуты — студнем сотрясаясь запрокинутой подбородок. Затылок съехал с матраса и елозил по кафельному полу. Лыков осторожно, как хрупкую вазу, придерживал его за виски. На секунду прошло мимоходом, едва коснувшись мохнатым крылом, странное чувство всеобщего и полного понимания, такое огромное, что Лыков даже задохнулся, и тотчас схлынуло, оставив неровное трепетание в основании шеи. Толстяк распахнул вдруг тяжелые веки, распахнул, как оконные ставни, во всю ширину — и растресканные страданием зрачки вдруг остановились на Лыкове, распался надвое обессиленный рот и зашептал...

— Что?... — Лыков пригнулся, безнадежно вслушиваясь. — Что?... Что?...

Мягкие губы выплеснули шелестящее ЧТО-ТО, едва не в самое ухо. Что-то невероятно важное. Ответ на все и сразу. Лыков не разобрал. У окна громко топотали каблук, кто-то торопясь пробежал через комнату. Уронили нелепую деревянную конструкцию, со штaketным грохотом. Потоки клубящейся пыли ударили наотмашь, внезапно сделалось шумно и тесно, все разом загомонили, комната сделалась вдруг похожей на квадрат штормящего моря, ограниченный четырьмя стенами, словно тяжеленные валы, вспучивались и опадали людские головы, плечи, руки, беспорядочные всплески и взмахи, поднятая пыль висела, как туман. Лыков, отчаиваясь, прокричал в него — тише, люди, прошу вас..., а когда снова согнулся, приблизившись к самому лицу — что?... говори... что?... — остановившиеся губы были уже как наросты коры, твердые и мертвые. Толстяк лежал, окаменев на полувыдохе, жесткие веки топорщились, как крылышки насекомого. Потухшие глаза пучились сквозь них — гнойными пузырями. Лыков чувствовал, как поднимается изнутри, обволакивая внутренности, вязкая дурнота. Эта последняя смерть чрезвычайно сильно на него подействовала. Слово он прикоснулся к чему-то запретному. Не прикоснулся даже, случайно, ненароком задел. Он попытался закрыть эти страшные выпученные мертвые глаза, смыкая щепотью веки, но они не поддавались, словно пересушенный целлулоид, и Лыков шарахнулся прочь.

Вокруг уже не просто суетились — клокотала паника. Гомон стоял страшный. У дальнего окна возились, смыкая напружиненные спины, подхватывая с пола что-то тяжелое и громоздкое, потом, выдохнув разом, приподняли, начали ставить вертикально, подклинивая плечами, огромная тяжеленная решетка из разнока-

либерных брусев, скрипя проволочными скрутками в улах, поднималась, перекрывая оконный проем. Моментально стало как в темнице — перечерченное перекошенными квадратами небо. Крепостные ворота, лучники на стенах. Средневековые. Решетку, шаркнув деревом, припечатали к стене и теперь лихорадочно подклинивали, вбивая в пол измочаленные торцами укосины. Грохотали о дерево половинками кирпичей. И сквозь этот дробный грохот, сквозь выкрики и всхлипы, сквозь потуги и кашель, как-то незаметно, но миг от мига все набирая силу, просачивался далекий, нарастающий скрежет. Приблизившись он рассыпался вдруг на миллиарды отдельных одинаковых звуков, похожих на те, что издает острое лопаты, натываясь на сокрытый черноземом булыжник, нечто среднее между звяканьем и скрипом, Лыков как во сне двинулся ко второму окну, подле которого, он отметил это только сейчас, валялся пригтовленный заранее дощатый щит, сколоченный из нескольких слоев корявых расщепленных досок. Он обошел этот щит, совершив прямоугольный зигзаг, и, вжимаясь в стену так, что заныла обдираемая кожа, осторожно выглянул...

За окном была та же площадь, правда, как показалось, несколько уменьшенная в размере, те же шестиугольные бетонные плиты, с оранжевыми травяными метелками в стыках, столкнувшиеся лбами игрушечные автомобильчики, пустые ободренные фронтоны зданий, на той стороне площади слепо таращились темные провалы, сплошная их череда, смыкаясь жуткими крышами, уходила наискось, теряясь в поземке, стягивалась в серое бетонное ущелье и оттуда, из смазанной тени, выпирала, вспениваясь сизым металлом, неисчислимая, неуправляемая, непредставимая орда.

Они шли плотным сомкнутым строем, притиснувшись друг к другу боками, непонятно было, как вообще возможно двигаться в такой тесноте. Ни единого просвета, спины... спины... спины... и поршневое мельканье изломанных суставов поверх спин. Слово еж с пульсирующими колючками. Опущенные, спрятанные внутрь строя головы, напряженные до треска загривки. Страшное неуправляемое копошение. Движение их рождало ветер, клубилась выбитая из бетона пыль, скрывая передовые ряды, расходилась плотной широкой волной. Слово охваченный ужасом, взметывался вверх разнобразный мусор.

Странным образом Лыков успел воспринять все это за одно мгновение.

Полчище саранчи выплеснулось на площадь, моментально заполнив ее собой, и огромное пространство внизу превратилось вдруг в русло стремительной металлической реки, кольчужная чешуя тел ободрала бетонные берега, здание неустойчиво покачнулось, треск потревоженного камня наполнил стены и хлынул из содрогнувшихся кирпичный швов. Часто и тяжело сыпалось с потолка, штукатурка слетала целыми пластами, обнажились гладкие сухожилия арматуры. Жалобно тренькнула бесполезная колючая проволока, захрустели выламываемые опоры. Легковушки исчезли, цветными заплатками закружились уносимые течением крыши. Здание тряслось, как в лихорадке. Что-то где-то суматошно искрило и брызгало. Ходуном ходила решетка,

запрокидывая лицо вверх, плакал человек в засаленной мазутной робе, обхватив рассыпающуюся крестовину. Расползались избитые подпорки. С глубоким, трагично-возвышенным стоном разорвалось жестяное нутро внизу за окном, взрывом вспучились разноцветные газетные хлопья и посыпались, листопадно кружа.

Их было — не миллиарды даже... Бездна. В природе не существовало столь огромных чисел. Они пронеслись мимо — тягучий общий поток, спаянный из отдельных стремительных силуэтов. Мимо... мимо. Скрежетали когти, вспарывающие бетон. Мельтешащие коленные суставы обглаживали углы. Витали над всем изодранные в клочья газеты — им некуда было приземлиться.

Невозможно было не смотреть.

Даже когда подняли деревянный щит, перекрыв окно, и подперли здоровенной хвостатой трубой, Лыков продолжал тарашиться. Вялая структура дерева почти не мешала. Сквозь нее, как сквозь тонкую ткань на просвет, было видно все: бесчисленные стремительные спины, пыль, грохот. Лязгало железо — военные у окон, торопясь, дергали затворы своих игрушечных автоматов. Потом все покрыл Шепот. Люди у стены зашевелились, синхронно двигая ртами. Они тоже слились воедино — бесформенное многоглазое и многоротое существо.

Неожиданно из общей кучи-малы выдался один, высокий, черный, неприятно-костистый. Тесная черная одежда, рубашка и брюки, распираемая изнутри острыми суставами. Плечи, таз, колени. Пупырчатые локти. Он выступил на свободный участок пола, распростер руки ладонями вверх, потом, пачкая брюки, стукнулся коленями об пол. Неожиданно и очень громко запел. Голос моментально взвился под потолок и потек поверху, нависая. Все затравленно зашевелились — разом. Запрокинув костистую шею, он двигал остреньким, как птичий клюв, кадыком. Зазвенела гортанная латынь, ладони

порхали в такт. Незнакомые звучные фразы гвоздями всаживались в мозг. Общий смысл был понятен — верю суду справедливому, отдаю себя в руки, всех отдаю в руки... Кто-то шагнул навстречу и, не тратя времени на замах, коротко ткнул кулаком в лицо, звук был как от удара в картонную коробку, пение оборвалось, словно провода перерезали.

Но что-то уже изменилось. Лязгающий поток прежнему летел мимо, но из тесного его нутра выскользнула быстрая металлическая тень, незаметная, словно водопадная искра, отлетевшая от основного потока чуть дальше остальных. Долю мгновения она находилась в падении, потом, обретя цель... и плоть... и вес... приземлилась на крышу одной из легковушек. Фейерверком плеснули ветровые стекла. Крыша кривовато просела. Коротко ударили когти, взвизгнуло распоротое железо. Саранча неторопливо распрямила шишковатый хребет. Лыков видел ее необычайно ясно. Она застыла, как на постаменте, страшный нечеловеческий памятник идеальному хищнику. Ходила из стороны в сторону маленькая злобная голова. Словно выцеливая. Одного клыка не доставало — топорщились карандашные обломки. Бугристые губные наросты ритмично двигались, словно что-то пережевывая. Лицо было почти человеческое... ничего человеческого в нем не было... Господи... господа. — говорил кто-то. Заметила, заметила. Господи... ШЕПОТ оглушал. Саранча остановила голову, вперившись в окно, потом выпустила вдруг клейкие слюнные нити. Сейчас прыгнет, — выдохнул автоматчик. Держите. Упирайтесь, упирайтесь... Мать-перемать... Саранча сжалась, словно пружина, костистые пластины на спине наехали одна на другую, нацелившись на зарешеченный проем, она закричала... Прямо в лицо. Лыкова словно отбросило от окна. Держите... — голосил автоматчик. Какое там... Прочь. Сердца не было — матерчатый треск внутри.

Лыков споткнулся о чье-то тело, вздыбилась стена, он ударился наотмашь, разбив лицо о кафель. Саранча прыгнула — словно пушечное ядро ударило о деревянный щит. Третий этаж. Конец трубы дернулся, на полметра провалившись в кирпичное крошево. Щит угрожающе накренился. Захлебываясь, ударил автомат. Звонко сыпануло гильзами. Еще одна быстрая тень метнулась — и упала не долетев, шаркнув когтями по наружному жестяному подоконнику. Снова ударило в щит, так что он подпрыгнул и надломился. Трещина чиркнула снизу вверх, обнажив свежие желтые пласти и гвоздевые крепи. Уцепившаяся саранча, почуяв слабину, давила на разлом — тот выгибался, хрустя щепастым нутром. Когти молотили, выцарапывая дерево, озвякивая на попадающихся гвоздях. Горохом сыпанула очередь — брызнули горячие щепки. Тень за щитом шарахнулась прочь и, тотчас, словно срикошетив обо что-то, ринулась во второе окно, прямо сквозь деревянную решетку. Казалось, ничто ее не удержит. Решетка рассыпалась спичечным веером, отлетела, подламываясь и сминаясь, как деревянная паутина, и, громыхнув сочленениями рухнула на пол, придавив кого-то.

Саранча замерла, мгновенно окостенев на подоконнике. Один из автоматчиков мучительно-медленно разворачивался к ней, выламывая поясницу, выволакивал из-за спины дергающийся, стреляющий автомат. Палец

заклинило на крючке, очередь хлестала веером, в рикшетном визге кто-то упал, всплеснув руками. Было ясно, что он не успеет.. Саранча выстрелила лапой, ухватив за плечо, автоматчик заверещал. Сразу хлынула кровь, широко, обильно, обдав пол и стены. Не отпуская его, Саранча ртутью протекла в комнату. Она двигалась слишком быстро, автоматные пули крошили пол, запаздывая. Она приземлилась как раз напротив людей у стены, те окаменели, распахнув провалы шепчущих ртов. Лыков, отбрасывая из-под себя мусор, полз прочь, хотя и так был далеко, отгороженный грядками распластанных тел, но ничего не мог с собой поделаться, полз, извиваясь червем, ни чести, ни трусости сейчас не существовало, одни панические инстинкты, заползти в щель и умереть. Саранча прыгнула, и, уже в полете, одна из очередей ее достала, брызнул панцирь, но она не обратила внимания, словно отряхнулась хитиновыми обломками. Люди шевелили ртами, в последний раз выдавливая «Господи...».

Саранча врезалась в толпу, разметав их, как кегли. Во все стороны, словно пух с одуванчиков, полетели ошметки. Все утонуло — в крови и крике. Щелкающая пасть металась от одного корчащегося тела к другому, мощные боковые жвалы смыкались со скоростью автоматного затвора. Лыков не мог понять, как автоматная стрельба проникает сквозь этот истощный визг. Очередь били наотмашь, уже не разбирая кого и как. Сварочным огнем сверкали рикшеты. Парень в камуфляже, пятась, выломил свальцованный проволокой магазин, лихо, по ковбойски, крутанул его в пальцах, с лязгом воткнул на место и опять ударил. Кто-то в милицмейском мундире, грузно топая в пыли, пробежал через комнату, стреляя на ходу. Затормозил, едва не налетев на оскаленный череп, полоснул длинной очередью прямо под ноги, в упор, полетели осколки панциря и яркая зеленая сукровица. Саранча, масляно зашипев, извернулась клубком, взметнулись, поднимая пыль, хлещущие плети, одна из них, намеренно или случайно, щелкнула милиционера поперек туловища, срубив как полено. Но к ней уже бежали с двух сторон, рассыпая дымящие латунные ворохи. Звездчатые дыры застрекотали по панцирю, роняя тягучую зелень, она еще сучила ногами, сопротивляясь, но все, видимо, было кончено. Парень в камуфляже, прицелившись с двух шагов, выстрелил ей в голову, прямо в часток кол зубов. Окна. Окна. Пузырем всплыл слабеющий окрик. Они метнулись к окнам, дребезжа затворами. Переломленный щит стоял раскачиваясь — на честном слове, второе окно зияло насквозь, торчали жестяные заусеницы с той стороны. Уходят.. уходят. Лыков силился подняться, стравивая с себя штукатурные пласты. Ноги не держали. Уходят.. Ох.

Автоматчик, пожилой усатый, в сбитом на сторону берете, вдруг подломился в коленях, словно враз обессилев. Нащупал стену лопатками и потек по ней визг. Оружие его сигаретно дымилось. Всего одна..

Обвел вокруг совершенно белыми глазами. Кровавые лужи на полу уже почернели, оседала горькая коричневая пыль. Да что же... — причитающе сказал военный. Ухватил вдруг себя за погон и оторвал — с треском и нитками. Звонко запрыгали звездочки. Скособочился, да так и окаменел, комкая погон в кулаке. Пыльные усы топорщились.

Парень в камуфляже отомкнул магазин и угрюмо посмотрел внутрь. Лыков шел к стене на ватных ногах. Внутри было пусто — выжали и бросили. Раскатисто звенело в ушах. Откуда-то проявился Санитар. Только что его не было, и вот, маячит его широченная, затянутая в белое спина. Перед глазами плыло, халат Санитара трепетал язычком белого пламени, Лыков шел на него, как на отблески маяка, ничего не видя вокруг. Ноги скользили. При чем здесь Санитар? Зачем он ему? Он споткнулся и прилип ладонями. Как в глину. Это был предел. Все. Жаркие объятия безумия. Так нельзя. Должен быть какой-то лимит восприятия. Потерять бы сознание. Мозг никак не отключался. Три года назад он, впервые увидев вскрытую полость трупа, неожиданно для себя сразу окунулся в черное. Очнулся на кушетке в подсобке анатомички, от нашатырной рези в глазах. Всегда считал себя чрезмерно впечатлительным. Он с трудом поднимался. Желудок был где-то у горла. Противно щипало в носу, перед глазами сплошное марево, расплывчатые силуэты. Трус, сказал он себе, трус, позорище. Хотелось провалиться сквозь землю. Слово голый на митинге. Трус, тряпка, мышь потная. Он задыхался. Слизняк. Но почему, откуда... Никогда не боялся быть битым, даже глаза не закрывал, когда бьют.. откуда это — темный ужас, пузырящийся в груди. Бежать.. мокрая вата в коленях, скользкие постыдные судороги.

Он доковылял до первого раненого и обрушился подле. Лыков сунулся к ране, но его вдруг привычно

схватили за халат, стиснув в узле одежды, и потащили прочь... прочь... он заорал, вырываясь, и Санитар перехватил его за загривок, сдавив до позвоночного хруста.

— Гаденыш. — сказал он и, протаскив еще несколько шагов, бросил Лыкова, как мягкое полотенце, вперед, к разломленному хитиновому панцирю. — Прицепился к этой дуре. Ничего, не сдохнет. Ему помощи, понял, ему...

— Ему? — с ужасом сказал Лыков.

Милиционер, тот самый, застреливший Саранчу, сотрясался, лежа на животе. Шлепали раскинутые руки. Сквозь расплосованные форменные брюки просвечивали ягодицы. Крюком изогнутый коготь торчал, вонзившись как раз между ними. А выше поясицы была каша — выпирал изломанный хребет и, вздыбясь, как крылья ангела, висели вывернутые лопатки.

— Ему?.. Ему?.. — повторял Лыков.

У него вдруг кончились слова. Это же было очевидно — человек разрезанный вдоль. Пристрелите его, кто-нибудь. Санитар ткнул под ребра уютном ботинка. — Шевелись, давай, ну... — и Лыков, почти теряя сознание, прикоснулся к когтю. Он был шершавый на ощупь, состоящий сплошь из пилообразных зубьев, сидел в ране, как клин, намертво. Лыков осторожно потянул. Распластаный милиционер — неподвижная осевшая туша, живыми были только руки и голова на лоснящейся шее — вдруг заскреб ладонями, как полураздавленный краб, и произнес совершенно без интонации: «Мама... мамочка...». Голос был совершенно безжизненный. Патефон со стертой иглой. Он, видимо, сделал попытку вздрогнуть, сократились рассеченные мышечные пучки, заклокотала кровь в разрезах. Лыков отстранялся, загораживаясь ладонями. Санитар хлопнул его по затылку — как сковородкой, в глазах потемнело.

— Вот гаденыш, а... Он тебя защищал, а ты...

Он снова поднял толстую, как полено, руку, но кто-то сказал вдруг:

— Ладно... оставь...

Добавил еще что-то, негромко и выразительно. Санитар отпустил одежду и потянулся к нему, возмущенно напружиниваясь. Лыков пополз прочь. Находиться рядом с Саранчой, даже мертвой, было превыше сил.

— Это основа. — шумно выдыхая говорил Санитар. — Всех касается. Сначала помогают тем, кто дело делал. Кто себя не жалел. Не валяясь, как говно, под ногами. Потом, если успеем, остальным... бесполезным.

— А ты сам... где был?

Санитар сбился на мгновение, потом принялся энергично отвечать, Лыков не услышал, что именно, потому что, обхватив ладонями мокреющее от слез лицо, рыдал взахлеб, как ребенок.

Черная, непроглядно чернильная ночь клубилась за истерзанным окном. Вязкая темнота комками налипала на кирпич. Скрипели невидимые наждачные сквозняки, полируя растресканный камень. Внизу, за окном, шелестела тревожимая ветром бумага, сухие газетные листья как призраки бродили по мертвой площади. Непостижимо проступало сквозь слепую чернь полуночное солнце — размытая бурая клякса с твердыми наростами по краям, висело, занимая собой половину неба. Гипсовые разводы в нем нависали, как свод.

Тяжелые вздохи будоражили тьму, волнами накатываясь издалека. Страшно было думать о тех, кто их исторгает.

Призрачно, как фосфор, светилась горячая вода в ведре. Тонкий зеленоватый пар, возносясь, колыхался, как газовое пламя. Качалась лампа, сгущая тени вокруг, желтушное больное электричество, берущееся ниоткуда, слоилось, вытекая из мутной потресканной колбы. Срываясь временами в тихую истерику, Лыков прошелся вдоль провода, выживая его из известковой чешуи, перекрученная медная пара пробежала по потолку и стене,

совершая дикие нелогичные зигзаги, и, в конце концов, оборвалась голым растопыренным двухвостием.

Лампа горела — отрицая электродинамику. «Ток движется от плюса к минусу. — От чего, отрок? — С Божьей помощью, отче!»

Лимит восприятия все-таки срабатывал — голова напрочь отказывалась соображать. Лыков был вымотан до предела — пальцы не ощущали прикосновений. Скальпель вываливался. Приходилось прилагать огромные усилия, словно стискивая его двумя кусками дерева, и все равно — он тыкался наугад, совсем не туда, куда нужно. Больше вреда было от него сейчас, чем пользы. Ему казалось, стоит остановиться и он уснет. Как мертвый.

От долгого пребывания на полу ничком он только отлежал ухо. Оно онемело, впитав холод цементного пола. Секунды текли, как вечность, не склеиваясь в единое целое. Стоило лечь — время останавливалось. Сон не приходил, и он перестал пытаться. Ночь текла над миром — тягучая и вялая, и все никак не могла истечь. Часы на руке шли исправно, стрелки их, неприятно подтренькивая, пробегали оборот за оборотом. Лыков не смог вспомнить, когда заводил их, ребристое колесико не подавалось, словно пружина окаменела, навек оставившись во взведенном состоянии. Эти мелкие детали сводили с ума. Словно текст без знаков препинания. Можешь так прочитать, а можешь так...

... А можешь и не читать вовсе... Все равно не разберешься. Полная бессмыслица. Механизм с проксальзывающими шестернями. Недавно с потолка, без всяких видимых причин, отвалился здоровенный пласт штукатурки, и, накренившись, недоуменно завис под потолком, словно позабыв, что теперь необходимо падать. Лыков смотрел на него, думая что вот-вот проснется, но конечно же, не проснулся, а тот, словно опомнившись, скользнул вниз и грянул об пол, разлетевшись на множество твердых, как уголь, кусочков.

Круглоголовый сказал: напрасно ждать от мира полного соответствия. Напрасно пытаться понять что-то, сделанное не тобой. Так никогда не бывает. Лыков его не понял. Круглоголовый перешагнул через него, лежащего, и ушел. Серый мешок, скрывая нечто тяжелое в рогожном нутре, свешивался через плечо. Лыков чувствовал апатию ко всему на свете. Просто лежал — ворохом пустой одежды. Отмякато сдавленное картонное ухо. Теплая еще гильза подкатилась под щеку, он щелчком отшвырнул ее в темноту.

Клубилось в небе, меняя очертания, страшное несветящееся солнце.

Профессор сказал: я уже перестал запоминать лица. Они приходят и уходят, приходят и уходят... без конца. Я сначала пытался всех запомнить, потом перестал, с какого-то по счету... Мне чудилось, что я в центре листопада — стою, один, в темноте, дождь, куда идти не знаю, а вокруг меня — падают и летят... Мягкие одинаковые лица. Падают, кружатся и улетают. Три дня... Уже четыре... Будет четыре, когда кончится ночь. Вы не представляете, что это значит — четыре дня. Словно амеба под микроскопом. Когда-то давно... о, давно... мне снилось, что я — амеба. Что у меня такое вот жидкое, студенистое, старческое тело. Слабое. Очень отвратительное тело. Я вздрагивал от омерзения, прикасаясь к себе случайно. А сверху смо-

трели на меня любопытные ребячьи глаза. Любопытные такие детские глазенки. Школьники, мальчики-девочки, восторженно-конопатые лица... Смеясь. Толкались у микроскопа. И смотрели — во все глаза — на мое отвратительно старое тело. Амеба. Показывали пальчиками. А ты — словно голый. Словно увеличенный в тысячу раз, словно все в тебе выделено и усилено — если страшно, то прямо в груди заходится, если стыдно, хоть провались, если захотел чего-то — аж поджилки трясет. А оттуда смотрят — и ты весь, как на ладони. Противно, словно мясная пленка в бульоне. И начинаешь чувствовать себя таким комком липкой жирноватой грязи. Очень неприятно. Потом проходит, конечно.

Но... три дня. Четыре... Вы не представляете, как это долго. Когда она напала в первый раз... то есть не в первый, конечно... просто запрыгнула в окно и начала всех жрать... у нее гузка подергивалась от нетерпения. Куца гузка — как у ошипанной курицы. Откуда-то я знал, что меня она не тронет. Совершенно точно знал. Поэтому просто стоял и смотрел — как она жрет... И эта проклятая гузка — трепетала... Я думал, это никогда не кончится. Стоял, как приклеенный. В центре листопада — они падали... падали... падали... Одинаковые лица. Невыносимо... Хорошо, когда находишь дело себе. Очень помогает, будто опору нащупал, скользко... зыбко, но — стоишь. Перестаешь тонуть. Облегчение огромное. А вы говорите — бесполезно... Говорите — зачем... Эх. Они умирают, конечно, всегда умирают. Но ведь легче так, легче... когда занят делом... Даже дышишь свободнее...

...Санитар сказал: где этот, второй? Ну, который — Паша. Фельдшер. — напряженно всмотрелся сквозь темноту и отвернулся, не узнав. — Ну, сволочь... ну — найду...

...Парень в камуфляже сказал вполголоса: слышь, офицер. Полтора рожка, три обоймы к тэтэшке — и все. Пусто. Если еще попрут — не устоять. Хуже, чем в Чиграме... Ты как знаешь, а я считаю — отходить надо. Как только рассветет, а... А что... им я присягу не давал.

...Раненый сказал: я прощаю вас, я всех вас прощаю... Бедные злые люди... Вы не можете понять сами, насколько вы жестоки и несправедливы... Насколько глупы и невежественны... Глаза ваши пусты, мысли ваши черны, руки ваши тяжелы и дрожащи... Хребет ваш помнит гордыню, рты помнят Богохульство... Сердца помнят Грех Первородный... О, эти вместилища согрешившей когда-то крови, о эти ступки трепещущего мрака... Никогда вам не отмыть ладоней, никогда не очистить греховную грязь от ногтей ваших... Никто из вас не уцелеет... Ибо суров и непреклонен Сидящий на Престоле, Смотрящий Сверху... Не вас Он судит, но матерей ваших и отцов ваших... и осудив, не их карает, а сынов их и дочерей их, как они карали Святого Сына Его. Но я вас прощаю... — его голос был чистым, тихим и печальным, с едва заметными страдальческими переливами, сидя на обтянутом полосатыми брюками заду, он размеренно покачивался из стороны в сторону, словно младенца, баюкая руку со скрюченной простреленной ладонью. — Прощаю вас... потому... Не за свои нечестивые деяния примете вы кару... Не за ваши скудные прегрешения злобные твари растащат по углам ваши хрупкие кости... Но искупите вы больший грех, чем тот, что может вообразить ваша сонная потерянная душа... Искупите грех, замысленный

против Святого Его, против Святого Сына, Святого старшего Брата... Как и Он сам принял на себя грехи отцов ваших и искупил... скорбью и страданием... и простил вас всех... Я прощаю вас, бедные злые люди...

... Кто-то, незнакомый, вытарашенно-бледный, выступил из неосвещенного угла и, ошалело озираясь, сказал: А-а... м-м-м... что происходит? Где я? А!... кто вы... Что происходит? Что... — заметался по комнате, наступая на раненых, истощая мекая и вздергивая ноги. — Что такое?... А... Чрезвычайная ситуация?... Где мы... Кто здесь? А... кто... — растопыренные ладони порхали, ощупывая тьму. — Кто здесь? Не смотрите на меня... Что происходит? Кто?... НЕ СМОТРИТЕ НА МЕНЯ...

...Неприятный, словно твякающий голос, из противоположного угла сказал: ему хорошо говорить — подумаешь, живот да ноги... А здесь... Эх... Что за невезуха...

... И еще кто-то, почти неразличимый в темноте, сказал: Каждый человек, а это утверждение справедливо, наверное, для каждого, считает, что именно он понимает Божий промысел так, как надо. Это основано на глубинном убеждении человека в собственной избранности, в собственном превосходстве над другими. Так и в жизни — куда ни копни, каждый считает, что именно он живет правильно, а остальные заблуждаются. С чем это связано — хотелось бы проштудировать психологические тексты по этому поводу, какие непреодолимые инстинкты заставляют избирать философию, адаптированную собственной натуре? Человек, убежденный в своей исключительной правоте, не обращает внимания на множественные логические противоречия избранной теории. Из чего же вытекает подобная фанатичная убежденность?

Чего же хочет Бог? Бог заставляет страдать. Слишком ли важно, для чего? Слишком ли важно, что Им движет. Слишком ли важно, какие цели преследует? Можно догадаться с определенной долей вероятности, что происходит некий отбор и все происходящее — не более чем жестокий, но необходимый для чего-то экзамен. Бог заставляет страдать — и наблюдает за тем, что ты делаешь. Можно предположить, что это суд, в котором каждому воздадут не по прошлым делам его, а по тому, как ведешь себя в присутствии судей. По логике отсюда вытекает — неважно, кем ты был, важно кто ты теперь. Все равны. Прошлые заслуги аннулированы, как, впрочем, и прошлые грехи. Модель искупления сжата по времени и тем самым упрощена — действительно, отсутствует извечный конфликт между благополучием и моралью. В земной нашей жизни на одной чаше весов лежала мораль, на другой долгие, долгие годы благополучия. В стремлении устроить свой быт, придать себе значимость в глазах окружающих и в собственных глазах, мы все привыкли закрывать эти самые глаза на определенные моральные принципы, делать себе уступки, мелкие и незначительные, которые, однако, соединяясь в долгую цепочку, тянутся за нами через всю жизнь. Теперь же понятие быт, понятие благосостояние — насильственно удалены. Полистай социологический «Вестник» и посмотри мою статью об идеальных моделях и неидеальных средах... Осталась только мораль — делай то, что угодно Богу и будешь оправдан. Это так просто, ибо впереди

видна ясная четкая и приближенная цель — быть яростным моралистом гораздо легче под пристальным оком, нежели наедине с собой. Это снимает все побочные отвлекающие факторы, это устраняет оправдательные соблазны. Так как экспериментальная среда теперь близка к идеальной, реакции на внешний раздражитель так же становятся более выраженными, утрачиваются некоторые нюансы и тонкие моменты. Но сложность вот в чем: чего хочет Бог? По каким критериям Он оценивает твои действия. Видимо, это опять к разговору об идеальных средах, оценок только две — добро ты творишь или зло... Тот вечно недостижимый черно-белый мир... Но что есть добро и что есть зло. Это даже не вечная дилемма, типа — добро для одного есть зло для другого. Что есть добро и зло для одного человека? Где проходит эта граница? Например, граница между христианским долгом спасения умирающего и состраданием к нему за его мучения. Как определить, помогаешь ли ты близкому, цепляясь за слабую призрачную надежду или продлеваешь его страдания. Причиняешь умирающему боль, потому что не можешь иначе, или исполняешь свой долг, оставаясь глух к его мукам. Другими словами, делаешь что-то для него или делаешь что-то для себя. Творя добро, не творишь ли зло? Помогая ли Богу или мешаешь Ему?

Придя сюда, каждый принес с собой багаж своего характера, привычек, взглядов на жизнь. Каждый действует, согласовываясь со своим темпераментом. Это тоже понятно. Кто сказал, что страшный суд — дело отдаленного будущего, до которого не доживут множество поколений, и, что еще более важно, множество уже не дожили. Моя гипотеза в том, что на Страшный Суд человек вызывается внезапно, неподготовленным и не предупрежденным. Он просто появляется в мире, отличным от привычного, в котором Апокалипсис уже идет, более или менее давно, с большей или меньшей цикличностью. Появляется в нем совершенно один, без друзей и близких, перед которыми привычно носить излюбленную маску. Для людей, в окружении которых он появился, он всегда человек новый, и отношение к нему — на первых порах — отрицательно-нейтральное, как ко всякому новому человеку в коллективе. Все это вкупе с эффектом неожиданности и непониманием происходящего приводит к тому, что человек вынужден проявить все свои скрывающиеся стороны и оставаться самим собой на протяжении...

...Санитар, хватая за одежду, сказал: Я объясню. — Поднял на ноги и спокойно, без затей, ударил его кулаком в лицо. Лыков видел, что его собираются ударить, но будничность движения вызвала в нем странный столбнячный спазм — он успел только судорожно сжать плечи — широкий и твердый, как лошадиное копыто, кулак выбил из него всякую способность действовать. Голова, роняя кровь из разбитых губ, дернулась назад и потянула за собой все туловище — он кулем повалился назад, ободрав щеку и ногти об изглоданный кирпичный угол. Санитар возвышался над ним, поглядывая со сдержанным брезгливым интересом, как смотрят на вредное, но диковинное насекомое, перед тем, как раздавить. Он был гораздо сильнее, да и вряд ли позволил бы подняться, сам не веря в успех. Лыков попробовал

лягнуть его не вставая, но Санитар был готов и к этому — наступил на щиколотку и с силой надавил всем весом. Боль была страшная. Показалось, кости хрустнут и переломятся. Но не хрустнули. Санитар переместил ботинок выше — на икроножную мышцу, повернул ногу так, чтобы упереться краем подошвы, и снова надавил. Потом, нагнувшись, поймал за кадык, припечатал ладонью, и чуть ли не полностью обхватив шею, потянул наверх. Лыков перестал дышать. Его поставили вертикально, впрессовав лопатками в стену, и Санитар свободной рукой ударил его сначала под ребра, а затем в низ живота, в переполненный мочевой пузырь. Лыков с ужасом обнаружил, что по левой ноге течет.

— Повторить? — участливо спросил Санитар.

Лыков замотал головой, но Санитар все равно ударил. На этот раз — костяшкой большого пальца в солнечное сплетение. Лыкова сложило пополам, боль из живота поползла к глазам, он упал лицом на каменное плечо Санитара и зарыдал, неожиданно для самого себя, обильно и стыдно, как раскаявшаяся проститутка. Слезы были — как рвота, сплошным неудержимым потоком.

— Вот-вот, — ласково сказал Санитар. — Так-то лучше. — Той же самой рукой ободряюще похлопал по затылку. — Ты что же думаешь, Паша. Думаешь, я — такое чудовище, да. Думаешь, мне нравится всех вас тут прессовать. Эх... дурак ты, Паша. Дурак. А ты знаешь, что здесь было, пока я не появился? Знаешь? А? Молитвенный дом здесь был, вот что. Они — вот они... — он показал пальцем на людей у стены, а потом, стиснув затылок, вывернул ему голову, нацелив вдоль этого пальца. — ... Сидели тут в кружок и твердили, как заведенные — Господи, избави. Господи, избави. А их рвали на части. И каждый просил за себя — Господи, избави. А рядом дохли, как скоты. Тонули в собственной крови. В этом, что ли, милосердие? Когда каждый за себя? Ты раньше-то в Бога верил? А, Паша? Нет? Я — тоже не верил. А здесь я знаешь что подумал? Знаешь, что понял? Бог — он ведь не наказывает. Он научить хочет. Чтобы не каждый за себя. Он вас, как скотов давит, чтобы вы поняли — не каждый за себя, Паша. Я тут все организовал. Я людей у окон поставил. Мы медицинскую помощь оказываем. Я сам их руками таскаю. Я же не для себя. Мне-то какой в этом прок? Я все для них. Бог ведь этого хочет. Чтобы — милосердие. Чтобы все вместе, сообща. Царство Божие. Только так его можно построить — все вместе и друг для друга, а не каждый за себя. Ты понял, Паша. У нас так — или ты с нами, бок о бок, как говорится. Или с ними. С ними, Паша. Стоять и причитать. И ждать, пока сожрут. Ладно-ладно, вижу. Ты хорошо меня понял. Иди, Паша, иди.

... Круглоголовый сказал вполголоса: ну надо же... Тупое чучело пытается философствовать... Удивительно неуклюжая гипотеза...

... Парень в камуфляже сказал, громко: Эй!... Вижу сигнал в здании напротив...

Под утро из посветлевшего неба наволокло туману, и он, слоясь, словно сигаретный дым, укутывал площадь. Бетон парапета подмок и лоснился — мокрым тюленьим боком. Ржавел оголенный металл в трещинах, и ржавели жестяные листья растений, растущих сквозь камень. Сырость напитывала одежду. Пузатые капли наливались, дрожа, на обратной стороне подоконника. Непрестанные

метущие сквозняки туману не мешали — изворачиваясь вялыми клубами, он нависал над миром, и догоревший за ночь остов грузовика тихо и безнадежно тлел в нем. Шестиугольные плиты, мостившие площадь, тонули, как в молоке.

Должно быть, рядом был водоем. Может быть, даже река. Лыков зажмурился, представил: тесное бетонное русло, ломкие трещины берегов и саму реку, тягучую, как лимфа, бессмысленное и вечное движение горячей водяной глади, исходящей в пространство лоскутами белого тумана.

Стикс. Воды мертвой реки.

Течет из мира в мир — непонятно зачем.

Вонь, наверное, стоит ужасающая — запах проколото-того желчного пузыря. По крайней мере, вода, шелестящая в трубах, пахнет именно так.

Туман, однако, запаха не имел.

Лыков подцепил пальцем влажную бахромку на подоконнике и осторожно понюхал. Обыкновенная вода. Даже пить можно. Слизнул несколько крупных капель, они сразу же растворились на языке. Лыков прислушался к ощущениям. Слово природный дистиллятор — вода испаряется, потом конденсируется. Елки-палки, а ведь жить можно. Он зашарил по карманам, потом, ничего в них не обнаружив, оторвал полосу от полы халата. Сложил салфеточкой и прошелся по росистым сломам и трещинам, сдаивая драгоценную влагу. Свернул отяжелевшую тряпицу в жгут и выжал в чей-то высохший

запрокинутый рот. Потом — в другой. По глотку, по глотку, ребята...

Раненые глотали жадно, выкатывали непонимающие бельма... Откуда?... Один шевельнул сухими корягами рук — не отдам... Мое... Лыков с усилием вырвался... Крестьящаяся старуха сомкнула судорожно коросточки губ — не приняла, капелька скатилась, оставляя блестящий след по щеке.

Лыков вернулся к окну, но подоконник был уже вылизан — насухо. Он с сожалением потрогал холодный пористый камень.

— Ну, что за люди... — сказал приземистый мужчина в синем. — Не люди — просто звери какие-то... Ничего ведь другим, а... Все для себя.

Рукавом промокнул мясистые губы.

Лыков наткнулся вдруг взглядом на Круглоголового. Тот смотрел, не отрываясь, стискивая свои морщинистые веки. Взгляд был тягуче-задумчивый, словно Круглоголовый никак не мог на что-то решиться. Очень неприятно было под его взглядом. Лыков повернулся спиной, привычно и бесполезно засуетился около инструментов, что-то там перекладывая, плывущее от бессонницы зрение уже не различало деталей, и спиной же почувствовал, что Круглоголовый подошел близко-близко и, наклонившись к самому уху, сказал вполголоса:

— Не ходи...

Лыков подавил желание обернуться. Вместо этого ворохнул звякнувшее хирургическое железо, изображая занятость, и так же тихо переспросил:

— Куда?

— Не ходи... — повторил Круглоголовый. — Не ходи с ними...

Сказал и тотчас отошел. Весь этот обмен репликами не занял и секунды. Лыков опустошенно смотрел вниз — на размазанные никельные блики. Вытряхнул из зажима закровенелую марлю. Надо же... не ходи. Дельфийский оракул снизошел до прямого совета. Он почувствовал мгновенное раздражение. Не ходи... Как будто от его желания что-то зависит. Как будто он волен сам принимать решения. Он посмотрел в сторону окна, где пребывал Санитар и военные, они что-то горячо обсуждали, кругом смыкая головы — совещались. Санитар недобро посматривал вверх голов.

Ночью от окна его просто погнало — он попытался было сунуться под каким-то предлогом. Парень в камуфляже говорил, указывая в светлеющую темноту автоматным стволом. Санитар слушал, недобро прищуриваясь. Было видно, что это новое известие застало его врасплох. Он не был готов. И теперь — лихорадочно — обдумывал и взвешивал. Терял отворот халата. Усатый военный тоже слушал, дергая плечами. Ему было страшно. Покинуть укрытие — да вы шо... с ума сошли... Мы ж як на ладони будем... Он растопырил пятерню и показал, як мы будем — голое пустое пространство и огневого прикрытия почти никакого, два автомата — це ж разве прикрытия... Бачили ж, яки прытки... А тут сидеть — кого дожидаться? Патронов нету ни хрена. Не то что заградительный огонь — вообще ведь стрелять нечем. Да был бы пулемет комплектный — я бы и сам никуда не ушел. Хорошая берлога, не спорю, только защищать чем? Ты, кстати, хорошо внизу смотрел? Может, завалылась цинка-другая,

а?... — Да нету. — сказал Санитар, искривляя рот. — Все выгребли начисто, одни пустые. Винтовочная рассыпуха набросана, и все... — И проемы нечем закрыть, — добавил парень в камуфляже. — Решетке — капец, щит тоже на соплях, пни — развалится. Не, пацаны, тут вообще нечего ловить. — Ты хоть точно его видел, — спросил Санитар. — Да в натуре... — обиделся парень. — Сигнальный фонарь, с рефлектором. Две серии подряд, прямо в нашу сторону. Я что — слепой? Грамотный сигнал, точно говорю, там военные есть. А может, и офицеры... — Санитар недовольно поморщился. — Услышали нашу стрельбу, дождались ночи и отсигналили. Все грамотно... — Сильно закашлялся, заперхал кто-то из раненых. Они, словно опомнившись, понизили голос до горячего шепота и продолжили неразборчиво препираться. Лыков с трудом разбирая слова — через два на третье. Речь шла о том, как и когда уходить. Утром, через туман. Так лучше всего. Метров восемьсот, очень далеко... Снова шепот. Парень в камуфляже сказал вдруг довольно отчетливо: Да на херу я их видел. Да я что... приписанный?... — Санитар объяснял, жестикулируя перед носом. Он послушал, согласился — отмахнувшись кивком, и тут же спросил: — А бараны?... Да я что... нанятый?...

Утро еще не совсем наступило, но туман уже светился, отрываясь от земли. У бетона площадки настоялась полоса чистого воздуха, узкая, доходящая примерно до колен, а выше и до самого неба — разлитое разбавленное молоко. Было ясно, что туман не продержится долго, поднимется, колыхаясь, и канет в небо. Солнце уже закипало, где-то в глубине тумана, призрачно багровея, наворачивало творожистые хлопья по краям. Туман был обречен.

Поэтому Санитар вдруг решил.

— Выходим!

Все вокруг зашевелились, задвигались разом. Кряхтя, начали отряхиваться. Никто не спросил, куда и зачем. Парень в камуфляже, сразу ставший похожим на конвоира, поднимал Людей-у-стены. Их оставалось немного — человек пятнадцать, но они по-прежнему сбивались гуртом. Возносились костлявые руки, белели открытые лбы. Плечи тесно соприкасались — прилипая. Давай, давай, торопись. Поднимайся. Они нерешительно топтались, сгрудясь. Действительно, как стадо. Погружали ноги в осевшую пыль, по щиколотку. Лыков заметил вдруг, что многие стоят босиком. Коричневые пятки тонули в пухлой пыли. Пошли, пошли. Двигаемся. Они потянулись к выходу, вразнобой поднимая ноги — словно ползла, увязая, мохнатая гусеница. Парень в камуфляже поправлял стволом особенно отрешенных.

Раненые смотрели из угла, напряженно блестя зрачками.

— Браточки... — сказал усатый военный, стягивая берет с багровой лысины. — Браточки. Дождитесь. С подмогой вернемся. Только дождитесь, а...

Всплеснул рукой и заторопился, придерживая автомат.

Круглоголовый посторонился, освобождая дорогу. Уселся на корточки чуть поодаль, выставив заплатанные колени.

— А ты что... — спросил у него Санитар. — С нами... или как?..

— Нет.

Он даже не повернул головы, отвечая.

Санитар с сомнением посмотрел ему в затылок, потом на рукоятки пистолетов, торчащие из подмышек. Коротко облизнул губы.

— Не хочешь?... Или как?... Знаешь что-нибудь...

— Нет.

Санитар помялся еще секунду, потом, дернув плечи, отошел.

— Ну и хрен с тобой. Как знаешь.

Людской поток с натугой выдавливался в коридор. Лыков обернулся в дверях. Выходить наружу, в туман, было страшно. Остаться — тоскливо. Пустая комната, голые окна. Распластанные тела, запах крови, разносимый ветром. Запечатанный паутиною темный коридор. Они правы, должно быть — здесь оставаться попросту глупо. Третий этаж для Саранчи — не высота. Такие огромные окна — во всю стену. Не окна, просто ворота какие-то. Заходи и ешь. Круглоголовый сидел, замерев, как статуя. Древнее изваяние с иссеченным шрамами затылком. Один человек. Но это же вздор. Не ходи... Лыков вспомнил вдруг руки Круглоголового, вывихнутые напряжением в сантиметре от пистолетов. Внутри у него похолодело. А Саранча ведь была — рядом. Расстояние одного прыжка. Меньше мгновения — повернуться и щелкнуть челюстями. Он не будет стрелять, понял Лыков. И никуда не уйдет. Будет сидеть и ждать, пока сожрут. Не хочу... Санитар, хрюстя ключом, отпирал двери, какие-то громадные технические ворота из толстого пупырчатого железа. Отшвырнул глухо звякнувший замок. Потянул тяжелую визжащую створку. В комнату сразу дохнуло ветром и пустым пространством, потек клубящийся, ватной плотности туман. В комнате сделалось очень пусто. Открылись рифленые ступени пандуса, наклонно уходящие в белизну. Лыков постоянно оглядывался. Круглоголовый так и сидел — без движения, наклонив голову и уперевшись локтями. Сквозняки бродили через комнату, обтекая его со всех сторон. Серое рубище и серая кожа почти тонули в них. Треснувшая гипсовая глыба — тщи, рассыплется угловатыми кусками и пылью.

Голые пятки звучно шлепали по железу — где-то уже далеко внизу. Лыков не заметил, как очутился на площади. Туман налипал на ресницы, руки исчезали в нем, оглоданные по локоть. Он поделал маховые движения, ощупывая мутную пустоту впереди. Последние осторожные фигуры отшагнули и растаяли в тумане. Словно промелованная тряпка, размазав, смахнула их со школьной доски. Лыков заторопился следом. Хмурая серая громада здания, неторопливо отступая, погружалась в туман. Темнел мокнувший, проржавевший до оранжевой шелухи, пандус.

Он все-таки замешкался, оглядываясь на окна. Цепочка людей окончательно утянулась в туман. Они не могли отойти больше, чем на десяток шагов, но ощущение было — один в пустыне. Колыхалась влажная мгла, поглотившая мир. Звуки глохли и искажались. Тугое шлепанье шагов было еле различимо — сразу со всех сторон. Лыков опустился на четвереньки и, приблизив лицо к исчирикканному когтями бетону, заглянул в нижний горизонт, свободный от тумана. Там, удаляясь, мелькали чьи-то рубчатые подошвы. Лыков застыл в положении низкого старта, запоминая направление, и тут бетонные

плиты площади едва заметно содрогнулись... самую малость, он ни за что не заметил бы этого содроганья через обувь, но оно застало именно в тот момент, когда он стоял согнувшись и опираясь на ладони, тонкая нежная паутинка каменной дрожи пробежала, потревожив, он, холодея нутром, застыл, вслушиваясь, но она больше не повторялась. Отчаянно хотелось вернуться, но с каждой секундой промедления люди уходили все дальше, если они изменят вдруг направление, он рискует просто заблудиться в тумане. Хотя блудить особенно было негде. Лыков помнил очертания площади, вытянутый овал, наглухо огороженный домами, фасады смыкались, по крайней мере так виделось издалека. Он шел, наступая на исцарапанные шестиугольники. Трава, упорно лезущая в стыки, была проволоочной жесткости, не приминаясь, всаживалась в подошвы. Лыков старательно через нее перешагивал. Она росла — чем дальше, тем гуще. Плотные гривы окаймляли плиты, приподнимая их по краям. Гладкая площадь закончилась, начиналась окаменевшая морская рябь, покатые волны, наползающие друг на друга бетонными краями. Туфли то скользили, то застревали на траве. Намертво. Шуршали, сминаясь, жестяные дырчатые листья. Откуда столько травы, Лыков не понимал. Из окна комнаты ее не было заметно. Площадь, как площадь. Ровная, как стол. Насколько все иначе в тумане... Или она выросла за ночь. Трава, растущая ночью, питаемая туманом.

Что-то темное и большое надвинулось призрачно — сердце словно споткнулось — но оказалось пустым автомобильным корпусом. Промятая крыша пучилась внутрь — бугристым беременным брюхом. Голые барабаны колес срастались с площадью, пучками рыжей травы щетинились вспоротые сиденья. Лыков осторожно обошел машину со стороны капота. До самой дальней легковушки — он точно помнил — было метров пятьдесят. Сколько он уже прошел? Казалось, не один километр. Туфли зияли прорванными носами, гудели исколотые ноги. Как там остальные — с голыми-то ногами. Наверное — в кровь. Сколько всего идти через площадь, они говорили — метров восемьсот... Это максимум. Но он уже прошел больше. Откуда эта машина, она должна была оставаться в стороне. Пятьдесят метров — это примерно семьдесят шагов... или восемьдесят, если шаги осторожные.

Было ясно, что он заблудился. Глупо, как школьник в темной прихожей. Ходит кругами. Он снова припал к бетону и посмотрел понизу, но ничего не увидел — топорщились вздыбленные плиты, и громоздились травяные курганы. Они не дойдут, подумал он, выпрямляясь. Никто не дойдет. Что-то было не так. Площадь изменилась за ночь. Вообще эта вылазка была идиотизмом. Неизвестно куда, неизвестно зачем, в тумане, на ощупь. Не ходи, говорил Круглоголовый. Он пошел назад, потом побежал. Плиты качались под ним, подпертые травяными пружинами. Он смутно и мимоходом вспомнил что-то о короткой левой ноге, что-то путанное, из детства: когда нет ориентиров, идущий человек отклоняется по дуге влево и постепенно описывает круг... Он стал нарочно забираться вправо и вскоре совсем запутался — все время попадались, преграждая путь, автомобильные корпуса — все одинаковые, но в разных положениях. Их было

очень много. Площадь была заполнена ими — так, что не протолкнуться. Кладбище погибших автомобилей. Некоторые стояли грядой, dominoшно наползая друг на друга, через них требовалось перелазить, обдирая колени. Горным хрусталем повсюду проступали рассыпанные стекла. Лыков беспомощно остановился.

Площадь под ногами снова дрогнула, уже гораздо ощутимее. Звякая, расползлись наваленные курганчиками осколки. Затухающая дрожь шершаво облизнула пятки. Туман вдруг, плотно завихрясь, потек мимо. Лыкова против воли развернуло — словно щепку в водовороте. Тотчас исчезли все возможные направления. Заскребла жестяная трава. Лыков побежал, озираясь. Остовы машин темными пятнами проступали справа и слева. Еще раз дернулась площадь, словно шагнул кто-то, немислимо тяжелый. Плиты глухо соприкоснулись краями. Ветер усилился, задувая откуда-то сбоку, пугающими вспышками шныряли обрывки бумаги. Удар... Лыков вскрикнул от боли в отшибленных подошвах. Площадь ходила ходуном, плиты, скрежеща арматурой, качались, как болотные кочки. Он с трудом попадал в них ногами. Что-то тягучее и жаркое, как огненный нарыв, набухло во чреве тумана и лопнуло, разбросав шипящие жирные брызги. Туман прогнулся волной влажного жара и, извернувшись плевком на сковородке, вспенился и поредел. Мгновенно ожгло горло. Он бежал, не чувствуя ног. Клочковатая дымка сипела, испаряясь. Кто-то вылетел навстречу, сломя голову, Лыков не успел уклониться, они столкнулись грудью, Лыков шарахнулся было прочь, но человек повис, по-бульдожьки вцепившись в одежду. Затрещал халат и рубашка под халатом, веером сыпанули пуговицы. Новый удар, сотрясший площадь, опрокинул их обоих. Лыков больно стукнулся локтями и с размаху въехал распластанной пятерней в траву. Руку крапивно полоснуло, тоненько брызнула кровь. Он, надрываясь, поднялся. Вцепившийся человек тянул вниз, как чугунное ядро. Весил он, наверное, тонну. Якорно искривленные пальцы протыкали отвороты насквозь. Лыков с трудом выпростался из халата, он смятой тряпкой полетел вниз — человек моментально отпустил его и снова полез цепляться.

— Беда... — кричал он. — Беда.

Тянул умоляющие руки. Лыков отстранялся.

— Беда! Три всадника въезжают на площадь. Земля пылает под копытами их. Один всадник худ... и конь под ним бел...

Лыков метнулся прочь, не слушая. Он был сыт по горло такими цитатами. Они кричат не о том, что видели, а лишь о том, что всплывало ненароком в памяти. Он и сам бы так мог. Человек какое-то время бежал следом, вопя и задыхаясь, потом отстал.

Издаലെка долетели смятые крики, многоголосый, как на демонстрации, рев... р-р-ра... р-р-ра... Лыков летел, сгягая через бетонные курганы. Трава хлестко секла по штанинам. Он несколько раз падал, прокатываясь кубарем. И упав в очередной раз, отшиб колено... какое-то время валялся ничком, оглушенный и ослепленный болью.

Должно быть, это его спасло.

Что-то огромное, темнеющее, смутное, пронеслось над ним распластанной тенью. Сквозь поредевший туман было отчетливо видно растянутую цепочку людей, замерших,

опустивших руки, несколько метущихся фигур, обоих военных, размашисто бегущих прочь, они были совсем близко — расстояние, позволяющее различать лица. Две массивные размытые колонны, возвышаясь над площадью, упирались в туман, теряя в нем очертания. Они были не правильной цилиндрической формы, а искаженные наплывами и утолщениями, какие-то веревочно-сухожильные вздутия, спирально изгибаясь, перечеркивали их, какие-то тугие узлы напружинивались и опадали. Лыков никак не мог понять, что это. Зрение, сбитое с толку туманными завихрениями и искаженной перспективой, не охватывало картинку целиком, а разум не в силах был эти кусочки совместить. Фрагменты увиденного не стыковались. Только когда одна из колонн, порскнув розоватодымным подшерстком, пружинисто поднялась, вздыбив ломаную мосластую голень, и нависла, нацелившись вниз круглым костяным копытом, с роговыми мозолями и заусеницами торчащих гвоздей, длиной в метр, Лыков понял наконец, что это такое.

Страшный, выдирающий уши визг ударил сверху.

Многие упали, не удержавшись на ногах.

Лыков покотился по площади, запечатывая уши ладонями. Травяных порезов он просто не чувствовал. Визг сидел внутри головы, занозистым штырем протыкая оба уха. Насквозь. Пенилась за височными костями вскипающая кровь. Лопались шершавые пузыри внутри черепа. Плавилось бутылочное стекло в деснах. Господи, как больно... Его волокло, переворачивая — кулем, тряпичным комом, теряющим лоскуты. Гороподобный конь взбрыкнул, сдвоенно ударив копытами, они чакнули о бетон, брызнув — искрами и колючим крошевом. Ему показалось, что к одному из копыт что-то прилипло, измочаленное в пластилин. Визг смолк на мгновение, сменившись глубоким легочным всхрапом, потом ударил снова. Ладони, сминающие череп, от него не спасали. Морские ежи, соприкасаясь ржавыми иглами, ворочались между ними.

Многотонные удары сотрясали площадь, фонтаном летели выкрошенные глыбы, бетон, лопааясь, расходился тугими волнами. Взлетали и опускались копыта — с поршневым рвением. Беспомощные фигурки людей суетливо копошились, ежесекундно падая и поднимаясь. То тут, то там среди них набухали вдруг жирные кляксы — словно комки красной глины растирили по площади. Это не могло продолжаться дольше мгновения, но почему-то продолжалось: визг, лопающийся от боли череп, кузнечные удары, прыгающая взбесившаяся площадь. Его бросало по ней, как горох по барабану — он взлетал, не ощущая тела. После одного из кульбитов он неожиданно приземлился на ноги. Это был подарок судьбы. Он бежал по шевелящимся бетонным волнам. Визг циркулярной пилой полосовал позвоночник. Почему-то он не упал, ни разу. Даже когда копыто ударило совсем рядом — выдвинулось из тумана, едва не задев, он разглядел даже полосатые костяные разводы и сгнившее до черноты расплющенное гвоздевое железо, венцом оплетающее белесый след утерянной подковы, пронеслось прямо над плечом, заставив пригнуться от ощущения неимоверной тяжести, и, преградив дорогу, рухнуло впереди — он не упал, хотя его бросило отвесно вверх и внутренности подобрались, болезненно ёкнув. Ерзая ногами по воздуху,

он приземлился, оглушенный и ослепленный снопами колющих звездчатых искр, осколочной пылью, наотмашь ударившей в лицо, запрыгал по хаосу трещин, чудом не переломав ноги, хрустящий бетонный вал, вздыбившись, понес его вперед, как легкую щепку, он увидел вдруг пандус, знакомые рифленые ступени в коросте ржавчины, увидел неожиданно, в последнюю секунду, прямо перед собой и прыгнул на пружинящее железо из рассыпающихся бетонных брызг. Шлепнувшие босые пятки словно обожгло — не удержавшись, он налетел грудью на острый угол швеллера, заменяющий перила, и, промахиваясь мимо ступенек, взлетел на самый верх, задыхаясь, обхватив отшибленную грудину. Провалился в пахнущий пылью коридор.

Обрушился на пол — кашляя и царапая грудь.

Легкие горели.

В ушах клочкотала кровь, как после подъема с большой глубины.

Сердце прыгало влажным комком — где-то у горла.

Сил не было. Вообще. Ни на что. Сырые валежные сучья вместо рук.

Кто-то дробно затоптал по железным ступеням. Это мог быть кто угодно. Саранча, иная, неизвестная еще хищная мерзость. Свинорылый демон. Сам Дьявол — во плоти. Лыков лежал, бессильно отвалившись на стену. Пропади все пропадом. Легкие судорожно трепыхались — воздухом им не было. Душная, пахнущая туманом, пылью и кровью газовая каша им не подходила. Кто-то добежал наконец до верха, остановился в проеме — парень в камуфляже — хотя теперь, скорее, в камуфляжных лохмотьях, просвечивали багровеющие ссадинами плечи, посмотрел безумными глазами — не узнавая — опростетью метнулся через комнату — к окну. Проскочил мимо, шаркнув ботинками по плечу. Взметнулась потревоженная пыль. Запах пота, пороха и разогретого металла прорезался и остался висеть. Нырнул в простенок, вжался истрепанной спиной. Часто, сбиваясь, задышал. Зубы звенели, соприкасаясь. Как фарфоровые. Автомат скрипел о пересеченную ремнями грудь.

Круглоголовый сидел на прежнем месте, затворил тяжелые веки.

Парень посмотрел на него дико, несколько раз, словно промахиваясь взглядом. Отомкнул магазин, подозрительно в него заглянул, защелкнул на место и, сразу подобравшись, выдохнул:

— А ты... это... чего?...

Круглоголовый открыл круглые, без зрачков глаза.

Посмотрел вопросительно.

— Чего ты... это... Я говорю... ты почему не там!... — парень показал автоматом за окно. Потом, быстро высушившись, посмотрел сам.

— Я не с вами. — сказал Круглоголовый, отворачиваясь.

— Что... — он аж задохнулся. — Что... — тусклое серебро сочилось с шеврона на рукаве. Незнакомая зубатая ящерица пружинила гибкое тело перед прыжком.

Дребезжало гулкое железо. Звуки шагов — можно было подумать — прыгали по ступеням. Люди влетали стремглав и падали, как подрубленные. Скребя коленями, расползались по углам. Хрипели и кашляли, поднимая дыханием легкую пыль. Лыков был удивлен, что

столько вернулось. Человек десять. Возник Профессор, бледный и ломкий, как пересушенный морозом лист. Взбежал, сигая через три ступеньки, замер, придерживая колотящееся сердце, и начал вдруг медленно опускаться. Халат был прорван на бедре, торчал клок стеганой жилетки. Надувались фиолетовые щеки. Он был совсем плох — пузырились синюшные губы. Уголки глаз источали мутноватый старческий воск. Это была асфиксия — неживые блеклые пятна проступали на скулах. Видимо, он порвал легкое, пока бежал. Организм просто не выдержал. Тяжело, по-бычьи отфыркиваясь, забежал Санитар. Что-то было в его руках. Округлый бесформенный ком. Ворох брызжущих кровью тряпок. Свешивалась тонкая рука. Паклей забивая пригоршню, торчали спутанные волосы. Блестела капелька сережки в надорванном ухе. Багровела щека. Санитар уронил ее на хлопнувший матрас. Что-то — лопнуло и потекло. Влажно шлепнули лохмотья внутренностей. Лыков поднялся по стене, ничего не понимая. Она была вдвое короче, чем нужно. Он решил — что-то с глазами. Пропорции не соответствовали. Ростом с ребенка, но... слишком длинные руки... слишком широкие плечи...

Потом он увидел хрупкий огрызок позвоночника, теряющий густки розовой пасты...

Увидел неровный, как край расколотого кувшина, реберный пояс — там, где ожидалось маленькие детские ноги...

Санитар, отдуваясь и сплевывая, заметил его...

Позвал — нетерпеливым жестом. Потом, взъярившись на столбнячную неподвижность, рванулся напрямик к нему, напролом, схватил за плечи — подволок вплотную. Он был страшен. Бугристые крокодильи скулы

хрустели от бешенства. Лыков подумал, что его сейчас убьют. Вот этой костяной кувалдой кулака. Взмахнут, опустят, и его не станет.. Он стоял, как окаменевший. Человеческая половинка копошилась на матрасе, шлепая излохмаченным низом. Кровяные мазки ложились слоями — один на другой. Хребет хрустел, задевая пол размочаленным концом. Последний, отломанный позвонок болтался на спутанных липких ниточках. Это был — апофеоз страдания. Так нельзя. Почему она не умирает? Господи... почему. Грудь отрывисто поднималась, веревками надувались шейные вены. Глаза, едва не лопааясь, лезли из орбит. Лицо было пухлое, как подушка. Набрякшие складки пучили подглазья. Так нельзя, — в голос заверещал Лыков. Это был клапанный пневмоторакс — лоскут разорванной легочной ткани закупоривал плевру на выдохе, воздух с хлопотаньем втягивался в полость, начинались спазмы, легкие трещали, пытаясь совершить выдох, затем следовал новый рефлекторный вдох, и новая порция воздуха переполняла легкие. Дыхание в одну сторону. Хрустели, раздаваясь, хрящи грудины. Лопались капилляры в выкаченных глазницах. Трепетали белые от напряжения губы. Санитар рычал, пихая инструменты. Он был как глухой. Ничего не понимал. Так нельзя. Она выгибалась дугой обрубок туловища. Разевался страдающий безмолвный рот. Нельзя..

— Хватит!

Санитар крутнулся волчком, выискивая того, кто сказал.

И Лыков обернулся тоже..

И все обернулись..

А Круглоголовый повторил, стискивая перекошенный рот: хватит, черт возьми... — и порывисто шагнул к ним и ударил обеими ладонями Санитара в грудь около шеи, и Санитар вдруг откатнулся назад, неуклюжий как башня, и повалился вдоль стены, царапая штукатурку, но до крови содрал ногти, зацепился и устоял, распрямился, взбешенный, как потревоженный медведь, навис над ними, угрожающе раскачиваясь, но заметил движение руки Круглоголового к подмышке и замер, не закончив последнего шага, а Круглоголовый сказал еще раз: хватит! — и, не сдерживаясь более, выдрал клацнувший затвором пистолет, огромный, с ребристыми насечками вдоль ствола, и прикоснулся дульным срезом к раздутому багровому лицу рененой, отчего пистолет оглушающе громко выстрелил..

Круглоголовый лежал, затворив жесткие веки. Под ними был песок, обдирающие крупички, и насколько это возможно, он старался не двигать глазами. Нужно было просто лежать и просто ждать, давая отдых глазам. Если удасться пролежать достаточно долго, слизь, выделяемая роговицей, свяжет попавшие песчинки и удалит из глазных яблок. Очень просто. Так организм освобождается от мусора. Тело, созданное по образу и подобию. Хрупкий несовершенный агрегат, потеющий грязной смазкой. Очень неприятное зрелище для того, кто способен взглянуть со стороны. Хотя обычно это происходит во сне... Сон.. Круглоголовый вздохнул мечтательно. Одно из самых больших неудобств — здесь невозможно заснуть. Можно сколько угодно валяться с закрытыми глазами,

и неважно, как сильно ты устал. Мозг не отключается, хоть тресни. Он давно перестал пытаться, хотя сначала было дико. С ума сходил.. Что поделать — сила привычки. Здесь человек многого лишен. Настолько многого, что все загнутые пальцы на руках — это даже не число, даже не самое мелкое деление, просто вздор. Абстрактно малая величина.

Он вспомнил вдруг Железного Прапора и улыбнулся. Вот же — был человек. Хороший человек, по-настоящему хороший, правда, простой как молоток. Легко с ним было. Настоящий, словно из анекдотов, товарищ старший прапорщик. Появился с каким-то подозрительно новым рулоном через плечо. Огляделся деловито: что тут у нас... так... понятно... Хотя по роже, распаренной удивлением, было видно, что ни черта ему не понятно.. Должно быть, он так и умер — не до конца осознав происходящее. Умер... так же легко и весело, как жил — не задумываясь над тем, чего понять не в силах. Тогда, ночью, располагая пулемет на подоконнике, сокрушался — не задремать бы... Двое суток не спал. Круглоголовый, поддавшись приливу симпатии, сунулся с объяснениями, а он — выслушав оторопело, только покрутил головой: ого... дремать — только время терять. Танк рассчитан на тридцать минут встречного боя и все... Гы-гы-гы-гы... Краснознаменный, ордена Ленина, военный юмор.. Да что бы вы понимали, пехота... Не съите, друзья — на свете два раза не умирать... Невозможно было на него сердиться. Твардовский — и тот бы не обиделся.

Круглоголовый посмаковал это воспоминание, хотя лица Железного Прапора припомнить не смог — не удивительно, столько времени прошло.. и незаметно — память скользила дальше и дальше, погружаясь в скользкие темноватые, размытые глубины — увидел сон наяву. Знакомо раздвоилось сознание, ощущаемое пространство комнаты, заполненной мертвыми, ранеными и пока живыми, чуть поблекло, и сквозь нее, ослепляя грифельной четкостью линий, проступило мельтешение быстрых, наползающих друг на друга, картинок.. они мелькали, мелькали, сознание выхватывало едва ли одну из сотни, но, выхваченные, они вспыхивали, затмевая остальное, и медленно гасли, потом, подхваченные потоком стремительно летели прочь, и на их место приходили другие... Круглоголовый, замедля дыхание, смотрел на их бесконечную, шелестящую круговерть. Мелькали — серый, обернутый жарой крошащийся камень, мощенная булыжником площадь, горькое прозрачное небо, яркой синей полоской подернувшее далекий горизонт, желтые растресканные заплатки глиняных такыров, пустыня надвигалась с запада, и замирало время, серый песок забвения накрывал пустеющие города, худые птицы сворачивали жесткие крылья и падали — камнем.. Вставало солнце над влажной и черной, копошащейся клубками жирных червей, землей, нагревало ее, наводя слюдяной блеск на жерла разрытых ям, и луночки шатких, оскользающихся следов тянулись неровной цепочкой от края мира, липкими языками возносились из земляного нутра и бродили, чавкая грязью, белесые призраки, протаивая, всплывали из грязевой каши гнилые от рождения клубки, распускаясь чудовищные, цвета протухшего мяса, тяжелые бутоны..

Надвигался глухой бетонный лабиринт улиц, за-

кричала Саранча, изготовясь к прыжку, разевалась пасть, роняя клейстер слюны, подламываясь в суставах, валился человек, умерший от страха, другой бессмысленно загораживался локтями, смыкались пружинящие жвалы, и человек беспомощно повисал, гудела трубная медь, разом подернутый пленкой пламени, вспыхивал воздух, тяжелыми клубами вспучивался жирный дым от почерневшей и растресканной, как корка горелого пирога, земли, накатывался, воя, сплошной шевелящийся щетинистый ком, антрацитово блестела, растекаясь, неостывающая смола, в которой растворялись скорченные головешки тел, багровым туманом, как поволокой нечеловеческого наслаждения, заволакивалось распаханное на всю ширину неба око... Поднимались, сверкая недоступным серебром, огромные необозримые звездные пространства, клубилось искрящееся сияние тех Мест, куда каждый хотел бы попасть, и колыхалась черная, сотканная из мрака патина, оплетающая вселенные, проступали из их тесных ячеек редкими росистыми крупинками древние Символы, не имеющие видимого смысла, Буквы, которые невозможно прочесть, а возможно только увидеть, это было очень опасно, нужно было сразу же отвести взгляд, иначе темнота вокруг приходила в беспокойное невидимое движение...

Потом вдруг надвинулась, кружа, панорама зимнего города, синие снежные тени накрывали улицы, горели гирлянды окон, водовороты автомобильных огней закручивались на перекрестках. Бросая в вечернее небо электрические вспышки, проползали угловатые трамваи. Эта картинка — зимний, наполненный снегом, людьми и светом, город — удерживалась, мерцая, гораздо дольше остальных, Круглоголовый смотрел на нее сквозь сухие дрожащие веки — шел на посадку самолет, похожий в сумерках на пузатую сигару, роняя вниз нереальный, восхитительно нездешний грохот, и люди внизу запрокидывали гладкие пуговки лиц, картинка задергалась по краям, словно собираясь исчезнуть, но не исчезла, напротив — придвинулась, провернувшись с отчетливым щелчком, и поменяла ракурс — вечерний проспект лежал, распластавшись, пухлые сугробики громоздились на тротуарах, прохожие обходили их, заступая ногами в снег. Трое девчонок, сцепившись руками, протиснулись боком, запинаясь друг за друга и друг на друге повисая. Рассыпали вокруг — неслышимо-дробное. Мелькали разноцветные вязаные шапочки. Расплетались тугие шарфы. Идущий навстречу мужчина в сером посторонился и пропустил, с улыбкой придерживая шляпу. Прополз мимо, с трудом обгоняя, переполненный разноцветный автобус. Светились, испещренные прижатыми ладонями, морозные окна. Зеленые газовые трубки на детском мире плескали искрящийся свет. Было весело. Было весело всем... Топталась, приплясывая, укутанная в шаль лотошница, оранжевели, присыпанные снегом, твердые, словно стеклянные, апельсинсы. Какой сон. — расслабляя челюсти подумал Круглоголовый. — Какой чудесный сон достался на этот раз...

— Не мы выбираем сны, которые смотрим... — усмехнувшись, произнес сидящий напротив.

Круглоголовый снисходительно покивал — правда.

Он смотрел в окно, сквозь драный, чешуйчатый от краски переплет, сквозь чудную морозную бязь на

стеклах. Обитатели проспекта плыли за окном, сменяя друг друга. Светофор на углу помаргивал яркими новенькими стеклами. Очень хотелось распахнуть окно, но он сдержался — старуха-уборщица особо предупредила: и не вздумайте окно распечатать, а то шлепаете рамой туда-сюда, а мне потом — заклеивать... Курите в фортку.. Полотняные ленты были приклеены мылом и закрашены вверх, окна здесь, наверное, никогда не открывались. Вообще никогда. Между рамами жили ислевшие листья и окостеневшие от старости хабарики. Могучие сургуховые напльвы наглухо запечатывали шпингалеты.

Кто достоин снять печати сии?

Пот развалами газет был погребен подоконник, и на столе, заменяя скатерть, лежали они же — пестрели распахантые передовицы. Желтые бессмысленные лица шурились из фотографического зерна. Наблюдашники микрофонов торчали, как ограждения. Накатывали чугунные заголовки, стискивали бумагу вороха производственных отчетов: столько-то километров проката выкатили, столько-то тонн горячего чугуна расплескали

по формам. Он на них не смотрел. Батарея под подоконником все равно была — чуть теплая. За окном, которое не открывалось, медленно перемешивался людской круговорот. Одни исчезали, на смену им приходили другие...

Так всегда будет.

Что бы ты ни делал, чем бы ни забивал тот кратчайший отрезок времени между детством и старостью — так будет всегда.

Мы уйдем, и не останется после нас пустого места, нетерпеливые и вездесущие другие займут его, бережно тебя отодвинув, и сомкнутся плечами, и поплывут вдаль, сами же сменяясь еще более другими. И ничего не изменится с нашим уходом. Не станет ни лучше, ни хуже. Никак... Ну и чем это плохо. А я и не говорю, что плохо. Вообще все хорошо. Страна у нас отличная — одного чугуна вон сколько наплавили. Про прокат я уж и не говорю. Бурные аплодисменты, почти переходящие в овации... почему почти... вот... вот... еще немного... ну, перешли... Да здравствует... — да выключи ты этого говорилку. Достал, чес слово... да, не выключается... ну так громкость убавь... Так чем плохо-то? Да ничем не плохо. Вообще город у нас хороший. Посмотри в окно... Люди. Эх!... Наверное, лучший город на земле... ты как считаешь? Наливай, давай...

Вообще все в этом мире относительно. Смотри с какого взгляда посмотреть... Ну, это ты выдал. Сам-то хоть понял?... А чего?... Ты вообще — кто?... Да, чего?... Национальность твоя какая, говорю?... Русский я... Так чего же ты, русский, с родным языком-то творишь, г-гад?... Мужики, он — чего?... А я того, что десять лет в школе отработал, а сейчас вот — обкопщиком. Потому что — надоело. Потому что — бесполезно. Десять лет талдычил, как горохом в стену. Рассказывал, как баба под поезд бросилась. Таким вот, как ты, которым смотря с какого взгляда... Каво? Миня? Да я!... Ладно-ладно, мужики, успокойтесь. Что за свара-то. Петюня, усади их... Михалыч... присядь, Михалыч. Пусть его. Некрасиво, Михалыч... Ладно, бывает. Накипело у человека, не видишь? Эй, там... налейте Михалычу...

Ладно... Будем...

Народ у нас все ж таки еще темный. Мысли свои грамотно обозначить словами не может. А мысли-то у него — правильные. Народ наш, он вообще мудрый. Он хошь книг и не читает, но мудрость черпает — отовсюду. Из работы, из разговоров. Из шахмат. У него потенциал знаешь какой?... Да, точно, мужики, мне тут один фикус из снабжения рассказывал, он с американцами ходил в экспедицию, так нашего брата они сильно уважают, ученым нашим так вообще в рот заглядывают, говорят — у вас, дескать, образование... Да, мужики, если разобраться, на таких, как наш Михалыч, все и держится... ну, в смысле, держалось... Не, Михалыч — человек. За Михалыча...

Так о чем говорили-то... Относительно все. Глядишь с одной стороны — вроде хуже некуда, а отойдешь-присмотришься, да нет, нормально... К примеру, форточку вот не закрыть — перекосило, так с другой стороны, сидим, народу много — и ничего, дышим... Батарея не греет, ну так зато водка не теплая... Да и мы сами — вроде оторви да брось, бригада, голь перекатная, спим в ватниках, живем в гостиницах, колесим по всей стране, а как упруешься ро-

гом в работу, не видишь ничего, кроме лопаты. С другой стороны — вечер такой, сказка, снежок, огоньки цветные, а работяги на фабриках фурычат, выйдут за проходную — не до того, глаза склеились. Ну и кто больше свободен, а?...

Да подожди ты... не о том же речь... Человек сказать хочет — есть такие решения... их примешь — все!!! Хоть застрелись — назад дороги нет. Как ты назвал... больно мудреное что-то?... Необратимое Решение... Вот-вот. Такое, что сказал — как язык откусил. Теряешь — до хрена. А получаешь еще больше. Только другое. Совсем другое. А потом сидишь — репу скребешь: что же тебе больше нужно... Правильно я тебя понял, товарищ?... Ну, в общих чертах... И никак, сколько хаер ни взъерошивай, не понять заранее, что тебе дороже — то или это? Никак не узнать, прав ты или нет, пока это решение не примешь?... Чтобы такие решения принимать, надо быть или отважным до дури, или трусом, каких свет не видывал... Или дураком... Не-ет... дураку-то зачем такие решения принимать. Ему и так хорошо. Дурак — просто отмахнется... Ладно, а трусом почему?... Ну... допустим, приперли тебя к стенке, смелый — он спиной стену подопрет и вперед. Стоять до последнего. Два раза не умирать и так далее. Только чудится мне, тут не столько смелость, сколько скудоумие. Вообще, всякая смелость на нем замешана. А трусость — на подлости. И на воображении. Вот он представил, что будет и тошно стало — испугался. И выдумал такое, что в трезвом виде и в голову-то не придет, извернулся, нашел лазейку. Выкрутился. А смелый хотел представить — не смог... ну и не дрогнул. Или испугался представить. Или представил и испугался, решил — лучше уж сразу. Этого в одном человеке так бывает намешано, что не разберешься, чего в нем больше. Я на фронте видел, я знаю... так что только герой или трус может на такое решиться... или от тоски великой... Ясно?... чего молчите-то... Да ты вообще запутал, Петрович... голова кругом идет... Тебе бы очки носить, Петрович, а не дизелистом... у кого стакан-то?... пей давай, не задерживай... а ты сам-то, мил человек, что скажешь?... Вы очень верно ухватили суть, уважаемый Петрович. Все именно так. Это и есть дилемма — ситуация, имеющая два противоречивых, одинаково верных решения. Или — одинаково неверных. Я ответил на ваш вопрос? Впишите же в кроссворд... Да, ты, видать, человек грамотный. Говоришь умно, совсем как Михалыч... кстати, Михалыча уложили... Как, еще раз, величать-то тебя?... О! чего это за имя такое?... Латышское?... Латынское!... ненашенский что-ли?... Слышь, Петрович, и фамилия-то тоже не наша... То-то я смотрю — ведет тут среди нас разговоры... у-у, контра... Петрович, может, ему по очкам дать, а... для профилактики... Пошли-пошли, мужики, неудобно — угощал человек... Не, ты скажи... он че, сильно умный, да?... ща как дам!...

Они сидели вдвоем, не включая света, разделенные столом.

Мутновато белели расстеленные газеты, хлебные крошки кололи локти, закисали хабарики в миске с водой. Сырая пепельно-табачная вонь возносилась от них и утягивалась лохматым шнуром в приоткрытую форточку. Запах был очень важен. Необходимый для обряда компонент. Еще пахло невымытым полом, ветхостью старой бумаги, слежавшейся мукой и слюнявым алкогольным выхлопом. Постановивал во сне ослабевший Михалыч,

бывший учитель литературы, убежденный лицеист и противник школьной реформы — перевешивалась через скомканное одеяло растопыренная венником кисть.

Стемнело за окном, и разноцветная толпа схлынула. Карнально веселый светофор щедро бросал цветные волны под ноги случайным редким прохожим. Проползла с натугой пузатая, похожая на растопыренного жука, оранжевая машина — веер песка рассеивался от ее срезанного зада.

— Ну, так что? — спросил сидящий напротив.

— Здорово, — сказал Круглоголовый. — Знаешь, действительно потрясает. Неужели ты это можешь?..

Сидящий напротив пожал плечами.

— Почему бы и нет.

— Но как?.. — Круглоголовый щепотью потер темный воздух. — Как это все работает?

— Понятия не имею, — сказал он. — Нет, я, конечно, имею представление об основных принципах. Но оно настолько общее, это представление, настолько поверхностное... я подозреваю даже, что оно имеет довольно слабое отношение к действительности. В конце концов, не я же конструировал Мироздание. Не я задумывал и воплощал все эти сложнейшие механизмы. Вообще, моя значимость сильно преувеличена легендами, — он страдальчески поморщился. — Я никогда не считал себя равным — это просто вздор. Интеллект такой мощи неподъемен больше не для кого. Я даже не знаю, с чем сравнить. Слушай, я не хотел бы останавливаться на этой теме, она слишком сложна...

— Но в то же время ты уверен, что все сработает... — недоверчиво сказал Круглоголовый.

Сидящий напротив с треском надорвал газету и, раздраженно подминая пальцами, принялся сворачивать. Было заметно, что разговор начинает его утомлять. Табачные крошки просыпались, он стряхивал их, скрежеща локтем. Наконец он справился с самокруткой и закурил, морща щеки и почти не затягиваясь.

— Давай условимся, — решительно сказал он. — Я говорю не то, в чем уверен или в чем не сомневаюсь, я говорю то, что знаю. Разница между этими понятиями огромна. Как между бубликом и его дыркой. Например?.. Хорошо — например... — он отложил окурок, теряя рубиновые искорки. — Ты знаешь, как устроен телевизор?

— Ну... — с сомнением сказал Круглоголовый.

— Понятно... Но предположим, что ты... допустим... телемастер и уверен, что знаешь. Понимаешь принцип действия. Ну, там: испускается пучок электронов, отклоняется магнитным полем, светится люминофор. Тогда вопрос — как испускается... почему светится... не успели оглянуться, свернули на квантовую физику. На теорию частиц. Знаешь, что это? Конечно, откуда? Ее выведут только... — он посмотрел на циферки наручных часов, для усиления эффекта, видимо... — через пятнадцать лет. Но телевизор-то — вот он. Ты можешь его включить. Не разбираясь в квантовой физике. Ты это знаешь, потому что уже включал. В этом вся разница... Кстати, его и обезьяна может включить. Если удачно ткнет пальцем. Она в физике разбирается еще меньше. Она даже не знает, для чего этот телевизор нужен, но хлоп... живая картинка... трам-там-там — в мире животных. Красная обезьянка задница на весь экран. Понимаешь, о чем я?..

Опустел проспект за окном. Мерзли погашенные окна. Снег плыл над миром, расходясь тугими волнами. Колючие звезды высевались в прорехи лохматых туч, словно чиркая спичкой — падали в далекие, отгороженные пятиэтажками пространства. Размазанными кляксами протачились ослепшие фары — снег налипал на горячее стекло.

Просеменил кто-то запоздалый, с опаской оглядываясь на темные подворотни.

Круглоголовый следил за ним, сцепив руки на затылке.

Каждого гложут страхи, свои, особенные, не понятные большинству окружающих.

Кого-то пугает темнота, кто-то теряет сознание, посмотрев вниз с балкона. Кто-то живет на табуретке, увидев мышь. Слоны боятся мышей, неужели правда? Есть еще много всякого — пауки, водоемы, замкнутые пространства. Их факультетская староста, например, до судорог боялась бабочек. Не могла объяснить, почему, просто орала, как дурная. Как она сейчас? Солидная строгая тетка, в клетчатом брючном костюме, за версту обходящая газоны и скверы.

Его же всегда пугала смерть.

С самого детства. Была причина, взрослые говорили — увидел случайно, как рубят голову утке, и побледнел, как саванн. Летом, перед самой школой — большой уже был, должен помнить. Но он не помнил. Память цепенела, приблизившись к тому моменту. Что-то просачивалось, но смутно, как сквозь кисею. Слово начало первого сентября, начало учебного года — самое раннее воспоминание. Букеты, банты, белые переднички. Дальше — туман, болезненные судороги. С тех пор тянулось. Терял сознание на кладбищах, из кинотеатров, где чередой шли военные фильмы, за руку выводили на воздух. Что? Конечно, мешало: какие музеи... какая рыбалка... Был бы рыбой, всю жизнь просидел бы под корягой, набивая рот донной грязью. Пионерлагерь, мучительные страшилки по ночам. Жили отец, мать и брат с сестрой. И вот однажды... переехали на новую квартиру... А под обоями что-то жило... А они не догадывались... А потом проснулись... а мать мертвая... Ужас. И главное, ничего нельзя сделать. Не с кем сражаться, некого победить. Что-то шевелится под обоями — не имеет названия... Отец ударил топором — потекла кровь, оторвали обои... а там пусто... Солдаты бежали через экран, через широченное, распаханное взрывами поле, прыгали через воронки... то тут, то там — вспыхивало — летела земля, дым, оторванные руки... Ничего нельзя сделать... Как метко бы ты ни стрелял, сколько медалей «За отвагу» ни умещалось бы на груди — впереди только распахнутое дымное поле... метко стрелять не в кого... Воздух темнеет от падающих снарядов... Метрономно раскачиваются обглоданные взрывами деревья без веток — на... золотом... крыльце... сидели... На... кого... бог... пошлет... Любит... не любит... Тяжело ухаает взрыв, взлетают обрывки дерна с торчащими травинками, чья-то пустая каска, подпрыгивая, катится далеко вперед... Воронка, присыпанные землей тела, окаймляющие ее... Никогда ничего нельзя сделать... Мальчик, тебе плохо? Пойдем на воздух...

Сочувствующие пятна вместо лиц...

Стыдно, аж слезы наворачиваются...

Конечно, пытался перебороть... а как же... Пацан же... Лез на все заборы подряд. Там была собака — зубы во!... До сих пор помню. Цепь даже звенела, натягиваясь. Отогнулись бы гвозди — все, амбец... Порвала бы, как грелку. Да и мяч-то был старый, истертый дворовым футболом, такой, что и не жалко — воздух совсем не держал... Однако полез... Хрипящая, пережатая ошейником глотка, глаза, тусклые как пуговицы, ничего в них не отражалось, вообще ничего, никаких эмоций. Жуткое существо. Зубы — не смеясь — показались... растут рядами до самой жопы. Стоило только клацнуть, и рука отлетела бы, как сломленная веточка. Они почти дотягивались, почти... Мяч упал слишком близко... Назад не побежал даже — полетел... забора просто не заметил перед собой. Там торчал гвоздь, здоровенный такой, чуть-чуть изогнутый книзу, некоторые забивают их специально, от мальчишек, и об этот гвоздь... ну, да ладно...

Вот так и рос.

И страх рос вместе с ним, рос внутри него, пучился комком, вязким и жирным, ворочался холодной ледышкой в солнечном сплетении и на языке проступал горьким привкусом. Как желчь. Он начал задыхаться ночами. Болясь, что заснет и не проснется. Истаял, как свечка — кожа натягивалась на костях. Жег огарок в тарелке около кровати, нервный шаткий язычок пламени вплавлялся в зрачки. Он смотрел подолгу — невесомый сгусток огня, повисший над скорченным черным фитилем, непостижимая хрупкая субстанция — Жизнь — превращающаяся тупой парафиновый стержень в нечто осмысленное. Язычок качался, оглушая шаткостью мгновения. Он смотрел — словно на свое отражение. Наваливалась ночь, углы комнаты, набрякшие темнотой, пропадали, звезды растворялись — беззвучно и навсегда. Бродили невидимые, равнодушно-жестокое сквозняки, трепетали от ужаса занавески, мертвые листья ошупывали стекла. Что делать? Случайное движение воздуха могло закончить все. Кроме того — свечи догорали. Всегда. Приходило время, усталость, закипающая в уголках глаз, заставляла моргнуть, и картонные веки склеивались, он тихо соскальзывал в сон и, тотчас, вздрогнув, просыпался — блеклое утро текло от окна, а тарелку около кровати коростой покрывали неопрятные желтые хлопья, со впаянной в них черной ниткой.

Очень важно понять — пугала не сама смерть, пугало бессилие что-либо в этом изменить — он стал старше, сильнее и злее. Улыбался одной половиной рта. Ленка испуганно тянула его за руку, пойдём... пожалуйста... Было темно, и фонари чуть теплились, ничего не освещая. Зубные коронки влажно отсверкнули навстречу — как вызов. Рот был словно заполнен маленькими утюгами. Ему показали руку с ножом, подвигав им так, чтобы лезвие поймало хищный размазанный отблеск. Лужи лежали ничком — как обморочные. Он подшагнул и ударил сбоку, потом еще раз прямо перед собой. Добавил ногой — с хрустом и оттягом. Нож, глухо звякнув, улетел в темноту... Офонареть, девчонки, говорила Ленка, полоская ладонями, тот здоровый, как бугай, в наколках весь, а этот... Откуда в нем столько смелости, а... Ерунда, сказал он и сплюнул, как учили — через два зуба, подумаешь — дырка в шкуре, зажму, и все...

Откуда?...

Смелость пришлось делать из страха. Больше ее не из чего было сделать.

— Расчудесный мужик этот Петрович, — сказал сидящий напротив, с треском очищая луковицу. — Мыслитель. Все на ощущениях. Информации — кот наплакал, а вот надо же — обобщает. Анализирует... Эх... Смотрю вот я на вас — ничего не могу понять... Загадка вы... Желаете одного, просите другого совсем... Потом — все вокруг виноваты, все искусители, все педерасты... Прометей огонь принес, выложил на блюдечке — берите, грейтесь... только не орите. А в нем людей жгли, заживо. Младенцев швыряли, как хабарики, в костер. Целые народы — в пыль, в золу. А делов-то — ну... порох начал воспламеняться... побочный эффект... бывает. Что, Прометей — тоже педераст? Эх, вы...

Круглоголовый молчал, уронив лицо на ладони.

Он всегда так делал, оставшись наедине с темнотой. Пальцы срастались с щетинистой кожей щек. Бродячие сквозняки охлаждали горячий затылок. Медленно, по капле, уходила жизнь. Секунды просыпались сквозь щели в половицах и там, под полом, в другом, неведомом измерении, скапливались, слезивались в ком, в твердый пласт, в часы, в месяцы, в годы.

Годы... годы-годы-годы...

Тридцать шесть лет — как один натянутый струнный звук.

У него уже начали сесть виски — он заметил недавно.

Бессилие рождало бессмысленность.

Бессмысленность угнетала. Она лежала на всем. Словно маслянистая пленка на бульоне, она покрывала каждую вещь, каждое лицо. Каждый новый вдох был, по сути, бессмысленным, он только приближал неизбежное. Свечи всегда догорают. От их пламени можно зажечь другую свечу, но это будет другая свеча, так же обреченная догореть. Здесь не было выхода. Мать умерла давно — время сомкнулось над ней. Отец был еще жив — сидел в каком-то закрытом НИИ, корпя над непостижимо-вечными загадками природы, словно пытаясь обмануть судьбу и успеть сделать что-то важное. Он знал, что не успеет. Никто и никогда не успевает. Как ни спеши, все равно упадешь с разорванным сердцем за многие мили от финишной ленточки. Тем самым отодвинув ее еще дальше.

Люди вокруг облетали, как листья.

Ислевали тела, и угасал огонь в глазах.

Уже умирали одноклассники. По одному. Не от старости, конечно... Причины разные.

Это была осень.

Он знал.

Тридцать шесть лет — не возраст, но это была осень. Ноздри трепетали, чувствуя ее горький запах. Стекло небо меж сонных ветвей. Ночи становились более длинны и прозрачны. Спать не хотелось — совсем. Случался чувствительным к мелким шорохам. Качались ветки, задевая стекло, воробьи чиркали клювами. Скрипели стебли травы, протискиваясь сквозь дерн. Белое безмолвие ночей укутывало все... Конечно, это игра воображения, но он так чувствовал — осень...

Это означало — впереди зима...

Еще не скоро, но грядет... Отдаленная, но перспектива...

Это означало — все конечно...
 Это означало — нет смысла что-либо начинать...
 Пустой вагон... темно и скорость...
 Впереди много зим, но одна из них будет последней.
 Дергалась бессильная щека...
 — Этого я не могу сделать, — сказал сидящий напротив. — Я просто не умею.
 Смерть — это самый сложный ограничительный механизм, встроенный в человеческое тело.

Отключить его — не по силам никому.
 Смерть — это неизбежный мультипричинный финал, имеющий — в этом мире! — весомость физического закона.

Я не могу открывать все карты сразу — это противоречит моей этике — но предположим... предположим!... что в некоем другом мире... неважно... этот закон размыт, или вовсе отменен, как, впрочем, некоторые другие физические законы. Не исключена... я подчеркиваю — не исключена возможность того, что там отсутствует механизм биологического старения. Неполная идентичность и недостаточная детализация при копировании. Внешне все почти так же, а под микроскопом видны отличия. Почему нет?... Творцу необязательно следовать своим правилам всегда. Возможны качественные отступления.

Это что, гром?
 Оглушает, мешая думать — частые удары, нутряной металлический звяк и деревянный треск.

Раскатисто.
 Не думаю. Скорее всего — это в дверь стучат...
 ...Мужики, откройте... Михалыч у вас?... Тьфу... спит он. Понесете?.. Не... мы съезжаем, у нас рейс четыре тридцать... Мужики, вы его не бросайте уж... Поднимите с утра, билет у него в пиджаке должен быть... Сейчас, посмотрю... да есть... до Казани... он что, оттуда... Да же его знает... на татарина не похож вроде... хороший мужик — не бросайте... Ну... Михалыч — это святое!..

Гудки полощутся снаружи — в серой рассветной мути за окном. Густо, ослепляя хлопьями, летит снег, светофор утонул в них, пустив расходящиеся желтые круги. В коридоре, за дверью — тоже свет, гремит ведро и звучно шлепает тряпка, наползая под дверь.

...Любую дверь...
 Доносится, словно сквозь толщу воды, голос уже неразличим, внятен только смысл.

Слишком давно не спал, голова уже ни черта не соображает. Целая ночь — это очень долго. И две ночи перед этим, по три-четыре часа на сон. И в теплушке дежурного, спать было негде, сидели кругом у печки — грелись. Да и полторы недели вахты — частый, мелкий, тающий на лету снег сверху, хлопьяющая зыбь

снизу, а посередь ты сам, в промоченном насквозь ватнике, брезентовая накидка уже не гнется, скрипит, выдавливая сырой лед, намерзший по сгибам — вот напасть, снег, который тает в воздухе, но замерзает на одежде, всегда думал, что наоборот — а ночами горячий дизельный бок и вибрация, крошащая зубы, тоже не сон, а неровное забытие, почти не дающее отдых...

Мысли — словно рассыпанный бисер. Никак не собрать.

Зрение плыло, колыхая гостиничные стены.

Водка тяжеловатый комком теплилась в желудке. Но дело не в водке. Конечно, не в ней.

Мне бы выспаться, подумал он обреченно. Выспаться. Глаза жгло, словно засыпанные песком, он осторожно потрогал их пальцами, прикасаясь сквозь веки... Любые двери... Где-то должен таиться подвох. Если верить мудрым книгам, намертво сросшимся корешками, подвох есть всегда. Паутина мира слишком сложна, чтобы ее распутать. Выбирая одну из нитей, непременно потянешь и другие. А затем — слишком хорошо известно, что будет затем — минутная радость обладания и сразу же... нить провисает в руках, распущена мелкая, но невероятно важная петля, треск тугих расходящихся узлов, вселенная рушится, уходя из-под ног, и тянет за собой, вниз, в пустоту, падает дрожащая сеть, и чьи-то волосатые цепкие лапы свешиваются в поле зрения. Никому еще не удавалось — шагнуть и уцелеть. Как учит ветхая книжная мудрость — закрой глаза и беги. Не верь и не слушай. Почему-то мудрость — всегда учит. Слово прекратив учить, она перестанет быть мудростью. Я знаю только то, что не знаю ничего. Высший эталон. Оракулы либо молчат, либо говорят банальности. Мыслители — тоже. Дремучие мудрые бороды, рассыпанные по титульным разворотам. Утомленные знанием глаза. Они все, наверное, состоявшиеся члены общества, счастливые

отцы многих будущих поколений. Румянец на округлых мясистых щечках, проступающий из-под бороды. Он их почти ненавидел. С треском отскакивали переплеты, желтоватым дождем вытекали страницы. Треск и шорох. Буквы корчились, и строчки наползали одна на другую, им было неудобно и тесно. Они предостерегали — от многого, не предлагая взамен ничего. Здесь тоже не было выхода. Проглоченный ком, вечный покой, пыль между страницами.

И это пройдет.

Изрекший сие был весьма доволен собой.

Банальность, отвердевшая в бронзе.

А если не проходит? Тогда — как?..

Вдох-выдох. Уходит время, скручивается почерневший фитиль.

Нище сошел с ума, отстраненно подумал он.

И многие другие — сошли. И многие — просто канули. Будто не было никогда. Даже кругов не поднялось. Некоторые могли дойти. У них могло получиться. Просто следов не сохранилось. Они ушли, и имя их — ушло. Но тогда многовековая мудрость, спрессованная библиотечными полками, это сонмы тех, кто не смог... или не захотел. Длинные шеренги неудачников — предостерегающе раскрытые рты...

Это мои мысли или твои слова?

Отчасти. Это эмоции — эмпатическая индукция. Я стараюсь сдерживаться... Все они не стоят кусочка грязного ногтя с мизинца Петровича.

А вот мои слова — еще никто никогда не встал и не ушел. Никто не закричал «заткнись» и не ударил кулаком в губы. И я тут ни при чем. Сделавший первый шаг всегда идет дальше. Не знаю, почему... Если и есть какие-то ниточки, не я за них дергаю. Я их даже не вижу. Хлоп... пустые ладони. Есть подозрение, что их не существует... В любом случае, это твой выбор. Я не даю никаких гарантий, никаких обещаний и посулов. Только факты. Только голое определение — закон сохранения энергии выполняется не полностью, и, как одно из следствий, жизнь не ограничена старением. Я не навязываю выбор. Напротив, присоединяюсь ко многим и мудрым и предостерегаю — подумай еще раз. Вряд ли это то, чего ты ожидаешь. Вряд ли ты окажешься счастливым.

Видишь ли... мне нечем поклясться. Действительно нечем. Я очень одинок.

А душа?..

Душа?... господи, а это-то мне зачем. Что мне с ней делать, скажи, пожалуйста?

Любой двери...

Он вдруг очнулся — словно вынырнул с большой глубины. В ухах, в глазах, в затылке отмякала упругая тяжесть, зрение плыло, закручиваясь невысшимой спиралью, и стены, бумажные, в розовый мелкий цветочек, расплывчато меркли. Свешивались бесчувственные сухожилия проводов. Локти тонули в газетном море на столе, мелком, измятом, забросанном крошками. Было светло, свет потоком валил от окна, контрастно проступали контуры газетных заголовков, а лицо сидящего напротив по-прежнему было неразличимо, густая грустная бесцветная тень укрывала его, и тянулась через стол тонкая сухая ладонь, особым образом складываясь для прощального пожатия. Это был — обвал, это был рассвет, утро только намечалось и вот-вот должно было проскочить рубиновой искрой

вдоль заснеженных крыш, коснуться прутьев антенн и прутьев балконных решеток и голых, облизанных морозом, негнувшихся прутьев тополиных изваяний в излучине проспекта, и тогда — наступит утро и грядущий день растворит без остатка и эту комнату, и ночной разговор, и сидящего напротив, и слабую мягкую крупинку надежды. И тот самый шанс, который, если верить книгам, слаб и призрачен и выпадает в самое неподходящее время. И не дает срока для раздумий. И не оставляет времени попроситься. Рука, протянутая навстречу, тверда, как кость, и пальцы ее тверды и холодны, и ногти остры и впииваются в ладонь. Береги это, говорит стоящий напротив и с опаской оглядывается на утро, укрывая от человеческих глаз, это нельзя показывать людям. Это — нельзя. Хорошо, говорит Круглоголовый, но стоящий напротив повторяет, приподняв узловатый палец. Береги, прячь, укрывай. Они — придут за ним. Они — всегда придут. Они протянут руки, и в их глазах будут и мольба, и слезы, и бешенство, и угрозы. Они готовы будут убить и быть убитыми. Будь тверд. Считай, что это — плата. Потом ты поймешь, насколько она высока. Но это нельзя отдавать людям. Это — подрывание основ, а значит, угроза всему, что есть. Никогда не отдавай это людям, слышишь, никогда. Они придут, и все рухнет. Хорошо, говорит Круглоголовый. Губы словно костяные, двигаются с трудом. Обдирающе скрежещут веки, смагивая острый песок. Песок набился в глаза, зрение плывет, стены расходятся в стороны, а потолок, наоборот, нависает, тонкая пленочка слез проступает сквозь зрачки, и свет меркнет, схлопнувшись в волосяную полоску рассвета. Разом мертвеет небо, стиснувшись в гипсовый слепок. Комната набита искрающей пылью, и сквозь пыль, как сквозь вату, плывут стоны, и всхлипы, и редкий кашель, и осторожные, с четырех сторон сразу, переступающие с пятки на носок, крадущиеся шаги.

Они пришли, подумал Круглоголовый. Как всегда.

Цементный холод, пропитавший пол, пока он лежал, пропитал и затылок, он был тяжел и мягок, как мясной ком, запеченный в тесто. Так тоже было всегда, но приходилось выбирать, или мягкая тяжесть в затылке, или резь в утомленных глазах, он предпочитал избавиться от последнего.

Они, должно быть, думали, что крадутся совершенно бесшумно, но ухо привычно выделило из общего фона осторожные прикосновения тяжелых подошв, хрупкие прогибы кафеля и скрип пыли, проступающий сквозь его поры, и камертонные переливы стреляных гильз, набросанных всюду, когда эти осторожные ноги задевали их ненароком. Эти четверо были даже неповоротливее всех прочих, пришедших ранее, поэтому — и еще потому, что, шипя, испарялась панорама заснеженного, завешенного искрящимся утром города, и от этого было грустно — он позволил им подойти достаточно близко, позволил этому молодому, в камуфляжных лохмотьях, ухватить поудобнее автомат и прицелиться, позволил Санитару грузно наклониться над собой и скомандовать: «Встать!». Он легко потянул под себя ноги и поднялся, нарочито неторопливо, чувствуя, как подобрался и напряжился тот, молодой, безжалостный и опасный, как змея, как двое других чуть отшатнулись и придвинулись снова, смыкая вокруг вооруженное кольцо.

(Окончание следует)

Урал продолжается на Алтае

Вам завязали глаза и везут куда-то долго-долго: самолетом, поездом и затем в автомобиле. Вот вы почувствовали, что машина медленно поднялась на невысокую гору и остановилась. С ваших глаз сняли повязку, вы оглядываетесь по сторонам, а вас уже спрашивают:

– Где мы, как думаешь?

– Конечно, на Урале! В каком-то горнозаводском посёлке или городке. Вот, смотри, дома деревянные уральского облика, старая площадь с кирпичными магазинами. А вон на старом здании вывеска «Музей горного дела». А налево, смотри, карьер и вход в старую шахту. И огороды-то, смотри, уральские: веками ухоженные, поколения горнозаводских семей спасавшие от напасти, от разного рода начальственной придури, от лихих времен и вообще помогающие людям иметь и свою, и семейную (что одно и то же) устойчивость. Как же, конечно, мы на Урале!

В действительности же мы стоим в центре небольшого алтайского городка Змеиногорска, а похожесть его на места горнозаводского Урала

не случайна — это часть одного из трёх, наряду с Уралом и Забайкальем, старейших горнозаводских районов нашего Отечества. Здесь в первой половине XIX века Демидовы в числе первых организовывали горное и металлургическое производство. Не зря же в центре Барнаула стоит памятник Акинфию Демидову. Правда, алтайские вотчины у Демидовых быстро отняла под благовидным предлогом казна, и стали эти земли и заводы кабинетными. Но дух горнозаводского Урала остался здесь навсегда, прижился и сохраняется, хотя горное производство брошено, а главным архитектурным украшением Змеиногорска сейчас является добротное сработанный в начале прошлого столетия архитектурный

ансамбль (именно ансамбль!) строений ликеро-водочного завода, под который сейчас умело подкапываются специалисты по банкротизации. У проходной завода как память о прошлом — глыба змеиногорской руды с ярко-синими азуритовыми натеками. Рядом — устья старых шахт, забытый карьер и старый заводской пруд, много поработавший и сейчас в работе. В историческом центре городка, напротив дома горных инженеров, где бывали Александр Гумбольдт и Альфред Брем, Фёдор Иванович Достоевский, стоит старинная пушка Змеиногорской крепости. И хочется верить, что рядом скоро вновь закипит горное производство и не одно только существование ликеро-водочного завода будет волновать умы местных жителей.

Если же вы пуститесь в путь по Степному Алтаю с открытыми глазами, то, как вехи на этом пути, вас будут встречать стоящие в центральных скверах городов и поселков на постаментах каменные вазы. И так они приведут вас на свою родину — в поселок Колывань (или Горную Колывань) недалеко от Змеиногорска, на знаменитую Колыванскую камнерезную мастерскую, изделия которой украшают залы Эрмитажа и многих других музеев мира. И здесь опять мы ощутим родственную Уралу обстановку: небольшой посёлок на косогоре, старинный заводской пруд и здания мастерской под его плотиной — простой и запоминающийся стиль горнозаводской архитектуры первой половины XIX века.

Обратим, однако, внимание сначала на плотину небольшого заводского пруда. Видимо, дефицит древесины заставил при её постройке использовать камень, и потому плотина хорошо сохранилась в своей двухвековой первозданности и готова работать — поставьте только водяные колеса в хорошо сохранившиеся плотинные сливы, и дело пойдёт! Тем более что на заводском дворе стоят в хорошей сохранности и добротнo исполненные старинные заводские механизмы.

Прошлое Колыванской фабрики — это знаменитые вазы из ревневской зеленовато-серой и строгих тонов яшмы. Это

«Царица ваз», стоящая в одном из залов Эрмитажа, на изготовление и транспортировку которой ушли годы. Достаточно сказать, что сам яшмовый монолит му-

скульной силой перемещался на фабрику два года. В цехах фабрики на рабочих столах лежат заготовки, частично уже выполненные каменные панно, выточки, сувениры. Яшмовые вазы — это заказы сейчас не частые. А чтобы убедиться в том, какими рабочими руками, какими головами сейчас славна Колывань, спуститесь в Новосибирске с вокзальной площади в станцию метро «Сибирская». Дух ваш перехватит при виде каменных панно на ее стенах: вся Сибирь, её природа, её люди. Надо было всё это дополнить ещё одним сюжетом — о самой Колывани и её мастерах.

В Колывани есть небольшой музей с хорошо подобранной экспозицией, посвященной истории посёлка, его людям и, конечно, камнерезному производству. Из экспозиции вы можете узнать, что и на Алтае сейчас есть свои научные награды имени Демидовых. Сразу понимаешь, что такие вот музеи в далёких старинных поселках обращены к посетителю, и он покидает их и с неохотой, и с гордостью за Отечество.

Но не одной историей, не одними мастерами славна земля Степного Алтая. Здесь сама Природа помогает человеку ощутить прекрасное начало в этом мире. Степные и лесостепные ландшафты здесь привольны и хороши сами по себе, но Природе, видимо, этого показалось мало, и творческое воображение её в этом крае разыгралось в полной мере.

Между Змеиногорском и Колыванью в зам-

кнутой котловине располагается значительных размеров Кольванское озеро, в котором растёт реликтовый водяной орех чилим. А на берегах озера — диво дивное: каменный град со своими улицами и переулками, где каменные дома-скалы, подобные уральским «палаткам», украшены разного рода карнизами, ячейками, сотами выветривания, словно создавал их человек. Каменный град вокруг Кольванского озера плотно застроен и тесен. Такие скалы мы часто видим на вершинах и горных склонах на Урале и в Сибири, но подобная нагроможденность вокруг озера — явление редкое, если не сказать уникальное. В удалении от Кольванского озера на пологих холмах и возвышенностях располагаются как бы предместья и заимки вокруг каменного града — каменные палатки и скалы, в облике которых человек восторженный или с изобретательным умом может увидеть то изображение сидящего орла, то мифических зверей, да и бог весть что ещё! Здесь мы находимся внутри гигантского памятника природы, который является одновременно и научным полигоном, зовущим к себе специалистов по наукам о Земле.

И народ здесь живёт основательный и несуетливый, цену себе знающий. Работающий основательно и без нервозности: «Огороды-то, они и спасут от разных придурей со стороны! И если надо, то и гульнём, и споём под гармошку!» Такими и держится Отечество!

Светлана ГОЛОВИНА,
фото автора

СКАЛОЛАЗАНИЕ — БОЛЬШЕ, ЧЕМ СПОРТ

Человек в экстремале

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Весенний гвалт — это птицы, ручьи, дети. А ещё топот ног по гаражам и треск ломающихся веток, потому что лазанье по деревьям и крышам — одно из самых любимых детских занятий в весенне-летний период. Так было всегда, и ничего с этим не поделаешь. Избежать травм в таких играх не всегда удаётся, но стремление к высоте в наше время — совсем не порок.

Спортивное скалолазание — один из сравнительно молодых видов спорта, стремительно набирающих обороты. Если в 1947 году советские спортсмены сделали первую робкую попытку «отпочковаться» от альпинизма (что встречено было, кстати, довольно скептически), то сегодня скалолазы уже претендуют на участие в Олимпийских играх.

Вклад уральцев в общее дело внушительен. Во-первых, одной из трёх первых русских женщин, ставших мастерами спорта, была студентка УПИ Галина Расторгуева, и это уже о многом говорит. Кроме того, родной Екатеринбург воспитал известных мастеров: Тамару Самойлину (четырёхкратная чемпионка СССР), Леонида Лапшина, Валерия Першина. В 1988 году были проведены первые официальные международные соревнования, а в начале 90-х уральцы уже пошли победным маршем, и первые екатеринбургские мастера спорта международного класса — Павел Самойлин и Марина Клёнова.

Что касается базы, то здесь нам вообще нет равных, то бишь есть чем гордиться. Ведь первый в стране специализированный зал был построен именно в Свердловске, в 1972 году, а уже потом стали появляться тренажёры в Ленинграде и Красноярске. Сейчас скалодромами международного уровня обладают только Москва и Екатеринбург, а в «Башню» на Московской горке приезжают тренироваться люди из многих городов.

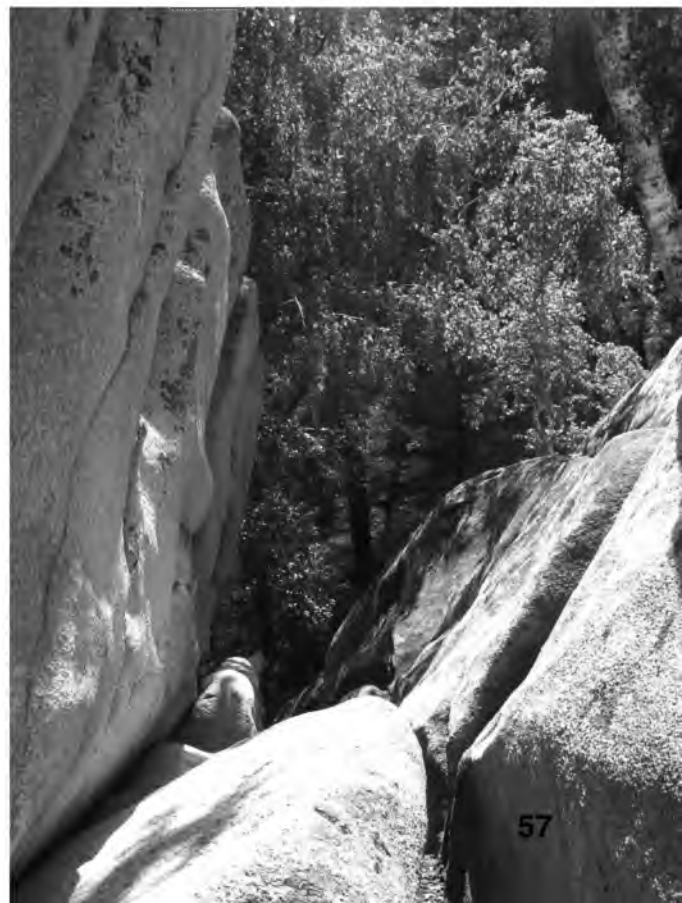
¹ Технически сложное лазание на малой высоте без страховочной верёвки (примеч. ред.).

В день, когда меня первый раз позвали на тренировку в «Башню», был какой-то дикий гололёд. По скользкой лестнице пришлось карабкаться минут десять (очень не хватало ледоруба), и я тогда подумала, что это необходимое естественное препятствие, которое надо преодолеть, что-то вроде разминки. Зато сверху открылся потрясающий вид на город («Башня» же расположена на Московской горке), так что сразу же захотелось взобраться выше. Но не разрешили, сказали, что выше — только внутри, по зацепкам. Внутри тоже оказалось интересно. Никогда не думала, что обычную водонапорную башню можно так оборудовать: тут и магазин, и музей, и два зала (маленький, для болдеринга¹, и большой). Добрые люди встретили, приютили, обогрели, научили...

Однако у человека, ещё не успевшего приобщиться к данному виду спорта, может возникнуть масса вопросов или, точнее, ряд опасений, некоторые из которых попытаюсь развеять.

Во-первых, какие качества необходимы для того, чтобы научиться лазать?

Я начинала осваивать наши скальные массивы в компании альпинистов Горного института. Они тогда шутили, что альпинист отличается от скалолаза тем же, чем человек от обезьяны. Хочу сказать, в свою очередь, что физическая сила, безусловно, играет в этом виде спорта очень важную роль. И если вы хотите добиться выдающихся результатов, то, конечно, нужно иметь крепкие руки и пресс. Но, уверяю вас, это не самое главное. На моих глазах девушки, не умеющие подтягиваться и с

язнь высоты. Не беспокойтесь — это присуще многим. Кстати, один мой знакомый первый раз решился пойти в горы именно для того, чтобы преодолеть этот страх, и стал хорошим альпинистом. Да и мало ли экстремальных видов спорта, в которых становятся чемпионами именно благодаря желанию преодолеть себя, свои страхи и комплексы?

Хотя скалолазов в народе тоже принято считать экстремалами, в действительности скалолазание — один из немногих видов спорта, где, при соблюдении техники безопасности, травмы практически полностью исключены. За шесть лет личной практики самую серьёзную и, наверное, даже единственную травму я получила где-то в самом начале моей скалолазной эпопеи, причём не когда лезла, а когда страховала — скамейка упала мне на голову (и смех, и грех). Как известно, страховочная верёвка продета на потолке в блок, привязана одним концом к системе, а второй конец должен внизу через что-нибудь пропускаться. Я, человек в то время ещё неопытный, решила пропустить его через длинную деревянную скамью, стоящую посреди зала (на ней сидели люди), а сама взгромоздилась сверху, для тяжести. Но, когда моя напарница долезла до середины тренажёра, мне стало неудобно, захотелось прыгнуть... В общем, за прыжком последовал скрежет, и опустевшая скамейка поползла вверх, стремясь уравновеситься с подругой. Мы же, конечно, всем миром успели поймать вырвавшуюся из рук верёвку, и Юля не долетела до пола, зато я оказалась «под стрелой» и злополучная скамейка плавно опустилась мне на голову.

Так что для покорения первых

трудом отжимающиеся от пола, принимали участие в соревнованиях и выполняли хорошие разряды. Самое важное в этом деле — ноги и голова. Умение продумать маршрут и правильно расположиться на скале или на тренажёре — вот ведущие козыри спортсменов. Так что, если вы умеете быстро соображать, а ещё к тому же и обладаете хоть какой-то физической подготовкой, то у вас может всё получиться.

Но бывают у людей проблемы и иного рода, например — бо-

вершин, наверное, всё-таки лучше привлечь инструктора, который научит вас, как работать со страховкой и не набить лишних шишек. А из личного снаряжения для начала достаточно приобрести систему (страховочный пояс), скальные туфли и мешочек с магнезией. Подобным ассортиментом нынче изобилуют многие магазины. Хотя раньше скальники, к примеру, успешно заменялись обычными калошами. Так что если с финансами совсем туго, то для первого раза вполне подойдут и кеды, и спортивные тапочки (не чешки). Основные критерии обуви — она должна быть с жёсткой подошвой, но не скользкой и плотно облепать ногу.

О своих собственных начинаниях на скалах у меня сохранились самые тёплые воспоминания. Вдвоём с подругой мы каждый выходной день практически налегке (из снаряжения у нас была, по-моему, только система, одна на двоих) приезжали на Чёртики, и никогда нам не приходилось скучать. Наоборот даже — все лазали только по своим трассам, там, где у них были навешаны верёвки, а мы за три-четыре часа везде успевали напроситься. Надо сказать, что скалолазы — очень добрый и открытый народ — всегда помогут, подскажут. Я помню, что люди, пришедшие на Чёртово Городище или другие скалы, обязательно здоровались, а уходя, прощались, независимо от того, знали они друг друга или нет. Видимо, всё-таки не бывает чужих среди своих. А скалолазы — и профессионалы и любители — все свои.

Что касается возраста, то здесь вообще нет ограничений. Я бы назвала скалолазанье семейным

видом спорта. Посмотрите, как интересно в нём строятся отношения у спортсменов: один человек поддерживает другого, а тот ему полностью доверяет. Не находите, что именно этого не хватает сейчас современным семьям? Кроме того, хотелось бы напомнить, что природа всегда являлась мощным фактором воспитания. А Чёртово Городище, скалы Петра Гронского, Коуровка, Азов-гора — это ещё и живая история Урала. Сама я, коренная свердловчанка, первый раз увидела уральские скалы, когда мне было девятнадцать (!) лет. Так уж сложилось. И сразу вспоминается анекдот из жизни. Группа школьников — на экскурсии (на Чёртиках). Окружили учительницу и заворожено смотрят на скалы. Вдруг поодаль раздаётся полный удивления голос чуть отставшего ученика: «Марь Ивана, а кто сюда столько камней натащил?» Поразите собственного ребёнка своей эрудицией, и пусть он от вас, а не от Марь Ивановны узнает, как были образованы горы.

И в заключение хотелось бы добавить. Мальчики и девочки, мамы и папы, начинайте заниматься на скалах, там проще, интереснее, полезнее для здоровья. В зале лучше всего поддерживать форму, тренироваться зимой, а страсть к такому русскому и, отчасти, такому уральскому виду спорта можно приобрести только на наших замечательных скальных массивах. В мае открывается сезон. Снимайте с окрестных гаражей и деревьев своих юных скалолазов и поезжайте в лес. Вершины ждут новых покорителей!

Ордена из кованого сундука

(документальная повесть)

Легенда и явь

Сокровища, зарытые или утерянные, как известно, вещи мистические. Они то замерцают где-то в пространстве, а то — стоит человеку приблизиться — тают, как мираж.

Сегодня речь об одном из необычных кладов. Он точно существовал на территории нашего Екатеринбурга. Только где сегодня его искать? Пока ответа на этот вопрос нет. И появится ли? Дело уж очень давнее. Поэтому блеск тех изделий, оправленных в драгоценный металл, несколько потускнел. Но легенда осталась.

Историю эту мне подарил старейший наш краевед, потомственный железнодорожник Василий Константинович Некрасов. Сказал, что слышал ее еще в детстве от верных людей, стариков, работавших на нашей магистрали. А дело обстояло так.

В России шло лето страшного братоубийственного, от рождества Христова 1919-го года. В прифронтовом Екатеринбурге в третий раз сменилась власть. Белая армия генерала Колчака отступила на восток. В тупике, на товарной станции, где с незапамятных времен было кладбище ржавых, развороченных товарных вагонов, среди всякого железного хлама обходчики обнаружили два крепких кованых сундука. Решили, что в хозяйстве пригодятся. Вскрыли и ахнули. Такое бывает разве что в сказках. Из сундуков вышла сама Ее величество Российская Военная История. Да еще при полном параде всех степеней орденов святых: Георгия, Анны, Станислава и Владимира. Притом — все ордена, эти восьми- и четырехконечные звезды, с орденскими лентами!

Откуда они в Екатеринбурге? Когда, кто и на какой театр военных действий их вез? Даже несведущему обывателю понятно, что это была очень высокого достоинства коллекция орденов. Такими наградами лично монаршая рука отмечала особые заслуги отличившихся верноподданных. Но найденные, царского времени, ордена к тому периоду еще (а затем — и уже) не стали наградами. Они на Петербургском монетном дворе изготовлены были впрок. И ничью храброю грудью украсить так и не успели, потому что старая, казалось вечная, власть пала. Геройские награды «За Веру, Царя и Отечество» превратились по тем временам просто в опасные безделушки.

Эти блестящие «цацки» железнодорожники унесли играть детям, но когда вышла огласка,

под угрозой расстрела все до единого Георгии, Станиславы и прочие наградные ленты и Звезды сдали властям. Вот на этом след их в Екатеринбург и теряется. Куда сундуки с «добром» потом исчезли? Увезли? Закопали? Выбросили? Документов в архивах области на этот счет пока не обнаружено. Но следы могли вести и в Москву, куда я сделала официальный запрос, а точнее — в архив музеев Кремля. Ответ пришел быстро, но отрицательный. Возможно, столичные чиновники не очень утруждали себя рутинной поисковой работой.

Были и другие попытки найти следы изъятых властями находки железнодорожников. Знакомая мне искусствовед, работавшая гидом в Оружейной палате (мы вместе когда-то учились в УрГУ), мой пыл несколько охладила: «Забудь про царские ордена! Скажу по секрету (замечу, ее слова были тогда опасной крамолой): за советские годы «столько, полстолька, четверть столька» куда более ценного, уникального исчезло из сокровищницы нашей страны, что два твоих сундука орденов — просто капля в море! Если не растащили, то в годы так называемой индустриализации страны, возможно, «отправили за покупками», превратив в ходовую за рубежом валюту — в золотые и серебряные слитки».

От уральских горщиков и старых мастеров камнерезного и ювелирного заводов я, например, слышала, что в переплавку в те годы пускали даже подчас редчайшей красоты старинные украшения, тем самым обесценивалась работа искусных ювелиров. Были тут, к слову, кубки, портсигары, часы и другие вещи, в частности, принадлежавшие царским особам. Из них получали определенного параметра слитки желтого «металла» с 7-м порядковым номером в таблице Менделеева, металла только в номинале дорогого. А камушки из изделий, чтоб не засоряли, выковыривали и за ненадобностью выбрасывали, чаще в Исеть, их за рубежом не покупали, и речка навсегда уносила их в вечную Лету. Так были уничтожены многие раритеты музейных коллекций и храмов: тонкой ювелирной работы старинные оклады икон, кресты, кубки, другие предметы церковных ризниц, и то, что было найдено чекистами в схронах хозяев ювелирных лавок и бросивших свое добро российских купцов и заводчиков. Возможно, а почему бы и нет, «пошли в дело» и те царские ордена. Они ведь были из драгоценных металлов.

Этот вывод, пожалуй, самый реальный. На этом мне бы и точку поставить. Но как бы не так. Поиск, как оказалось, только начинался. Потому что из одного архива в Москве я попала в другой — в огромные хранилища, где снизу доверху на вместительных стеллажах в картонных толстых папках и коробках спрессована ратная история уже советского периода нашего государства. Здесь, а это был Центральный архив Министерства обороны СССР в Подольске (ЦАМО), узнала я, что в нем хранятся, а если жестче — «надолго похоронены» — более миллиона боевых наград, потерявших своих последних героев в годы большой войны. Сложить их вместе — какой бы получился огромный и необычный памятник, достойный кисти Верещагина — еще одно полотно, посвященное Богу Войны. Это был бы огромный гурий из орденов, апофеоз воинского подвига! Гора орденов и медалей за доблесть, храбрость, героизм.

Так почему же награды столь надолго задержались в архиве? И почему торжественно, сразу, пока над полем брани еще витал пороховой дым, не приколоты их на грудь отважного бойца? Теперь много чего списывают на войну и ее неразбериху. То, мол, храбрый солдат после форсирования реки, истекая кровью, попал в медсанбат, а может, в бреду надолго имя свое забыл. Кого-то срочно дислоцировали в другую часть, и награда его не успела догнать; третий — пропал без вести. А многих героев, теперь уж точно известно, навсегда упокоила мать сыра земля.

Не за орденами в огонь, на смерть поднимались полки. На смертный бой, защищать от фашистов горсть родной земли, своих детей. Не за награды вступали в неравный воздушный бой отчаянные пилоты. Не звон медалей поднимал бесстрашную пехоту на рукопашный поединок. Не ради славы солдаты бросались на амбразуры, подавляя своим телом огонь вражеских дзотов. Не для похвал под артиллерийским огнем по пояс в ледяной воде наводили понтоны свои переправы... Таков был беспримерно трудный и великий подвиг всей нашей страны, подвиг, длившийся 1418 дней и ночей, когда решающей была каждая минута. Число жертв той Победы — жестокой и кровавой — и сегодня не поддается арифметике. До сих пор мы хороним, собирая по земле, истлевшие черепа и кости. Сороковые — роковые достались поколению жертвенному. Так что ж мы так медлим сказать тем святым людям хоть запоздалое «спасибо»? Вручить им, если живы еще те солдаты, боевые награды? А если не дождал герой, то передать орден или медаль его детям и внукам, чтоб потомки помнили и гордились?

Горькие приходят мысли: время уходит, не утонуть бы в нем! С того победного мая пошло, покатило уже седьмое десятилетие.

(Продолжение следует)

БЕЗОБРАЗОВА А.Д., переводчица.

Пер. на итал. язык «Евгения Онегина» (1858). Масанов.

БЕЗОБРАЗОВА Е.А., переводчица.

Пер. с англ. три лекции Г Моудсли «Об отношениях между телом и духом и между умственными и другими расстройствами нервной системы». Казань, 1871.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЕЗОБРАЗОВА Елизавета Дмитриевна (урожд. Маслова; псевд. Tatiane Swetow; Е.Василевская; 1834 (по др. свед. — 1836) — 1881), публицист, дет. писательница, переводчица.

Жена экономиста и публициста В.П.Безобразова. Владея франц., англ. и итал. языками, публиковала в зарубеж. периодике статьи по вопросам экономики и литературы, фельетоны о столичной жизни, обзоры новинок и т.д., отличавшиеся точностью сведений и самостоятельностью авторских суждений. Под псевд. Е.Василевская выпустила кн. «Отдых. Два рассказа для детей» (1895). Совм. с Е.А.Богушович и С.А.Никитенко в 70-е годы перевела и издала в серии «Для легкого чтения» неск. англ. и франц. романов. О ней: Сементковский Р.И. Среди отошедших. — «Ист. вестн.», 1917, апрель.

Русские писатели (портр); Венгеров. Сл.

БЕЗОБРАЗОВА М.

Сотр. СПб. газет 1900-х гг. «Рассвет». 1905. № 91; «Слово». 1905. № 177 - М.Б.

Масанов.

БЕЗОБРАЗОВА М.

Сотр. «Славян. века» (Вена. 1903. № 72) — Б-ва, М.

Масанов.

БЕЗОБРАЗОВА Мария Владимировна (1857 — 1914), историк философии; авт. воспоминаний.

Деятельница женского движ.; дочь экономиста и публ. В.П.Безобразова. Учительница Вяземской жен. гимн. и прогимн. Сотр. в изданиях «На помощь матерям» (1899), в «Изв. АН», «Вопр. философии», «Рус. старине», «Богосл. Вестн.», зарубеж. изд. Авт. кн.: «Философские этюды» М., 1892; «Краткий обзор существенных моментов истории философии». М., 1894; «Творение св. Дионисия Ареопагита» (1898); «О русском женском взаимно-благотворит. об-ве» СПб., 1898; «О безнравственности» СПб., 1911 «Исследования, лекции, мелочи». СПб., 1914; «Публичные лекции». М., 1901 и др. Авт. восп. «Розовое и черное из моей жизни». — «Рус. слово». 1910. № 10; 1913. № 11, 12; № 1914. № 1; отд. изд. СПб., 1910. Авт. ст. «Кант, Шопенгауэр и Гартман о женщинах» («Новости». 1889). Выступала с лекциями на философские темы. О ней: Пешкова-Толиверова А.Н. Памяти М.В.Безобразовой» — «Русская старина». 1915. Т. 16. № 3. С. 630-641.

Венгеров. Сл.; ИДРДВ. Т.З. Ч. 3. № 5724; РНБ.

(Продолжение на стр. 75)

СТРЕЛКИ

Для сухой констатации факта следовало отметить: весна вступала в решающую фазу. Намолчавшиеся за зиму птицы уже не просто свистели, они горланили во всю ивановскую, глуша посвист ветра, шелест листвы и звон мошкары. Петр любил весну и плохо переносил пернатых. Можно сказать, едва терпел. Однако терпеть все же приходилось — в силу служебной необходимости.

С луком через плечо и кожаным колчаном возле пояса, он аккуратно перебирался с ветки на ветку, спускаясь ниже и ниже. Непрошенная, пришла на ум мысль о том, что со стороны он, должно быть, напоминает насекомое, копошащееся в зеленой шерсти Земли. Заросшее лицо планеты, ее шкура и мех обеспечивали кровом миллионы затейливых тварей. Впрочем, надолго ли? В последнее время гамоны все более постигали искусство земных парикмахеров, выбривая тут и там целые пустыни. Такое у них было странное хобби. Петр любил леса, гамоны любили пустыни.

Он одолел еще десяток саженей, и внизу показалась земля. Жилы разбегающихся корней, клочковатая, напоминающая ворс давно не чищенного коврика трава. Неподалеку от дерева Петр сразу же приметил двух гамонов — кудлатого мощного самца и изящную самочку. Чутье не подвело охотника, он вышел точь-в-точь к нужному месту.

Стараясь двигаться бесшумно, Петр спустился еще ниже и осторожно стянул с плеча лук. Можно было приступить к задуманному, но в это самое мгновение он разглядел качнувшуюся среди листвы кучерявую макушку коллеги. Увы, оказалось, Петр здесь не один. Другой стрелок, обхватив ногами толстенную ветку, целился в парочку из базуки. Серебристый пояс, кокетливая сумка через плечо, — уже по одним этим атрибутам Петр сообразил, кого именно тот выбрал в качестве жертвы. Нижняя губа охотника оттопырилась. «Серебристых» амо не любили — и не любили вполне справедливо. Петр знал эту шатию достаточно хорошо и особого уважения к ним не испытывал. В сущности, «серебристые» ловкачи и представления не имели, что такое настоящая охота, хоть и осмеливались называть себя полноценными стрелками. Вот и от этого пахло чем-то неестественным — некой смесью цветочной пыльцы и жареного миндаля. Петру стоило большого труда взять себя в руки.

— Доброй охоты! — буркнул он.

К нему обратилось пухлое личико.

— Я их первый заметил, — сварливо заявил юнец, и Петр мысленно выругался. Стыдно стало

за собственную вежливость, будто и впрямь сказал что-то неприличное.

— Вот и действуй, коли первый. Стреляй и проваливай.

Фыркнув, юнец снова начал целиться.

— Не промажь, — съязвил Петр, искренне желая сопляку неудачи.

Юнец выстрелил. И не промазал — рука у стервеца оказалась твердой. Самка гамона вздрогнула, повалилась набок. В глазах ее мелькнула характерная влага.

— Пока! — теперь уже «серебристый» глядел на Петра насмешливым взором. Ясный лоб, кудельки справа и слева, чуть загибающиеся на концах ресницы — какой там, к черту, охотник! Сопляк и баловень судьбы!

Петр неприязненно отвернулся. Дождавшись, когда пухлощекий обладатель серебристого пояса скроется из виду, опустил на глаза широкодиапазонный бинокляр. Самец — это вам не самка! Тут надо бить без промаха!

Высокие частоты, как и ожидалось, ничего не дали, поэтому пришлось пройтись по всем шкалам, и только в инфракрасном спектре охотник уловил кое-какие намеки на сердечную мышцу монстра — слабую пульсацию далекого багрового камушка. Увы, изображение оставалось смазанным, едва просматриваемым. Трудно попасть, когда видишь такую мишень!..

Он снова потянулся к верньеру настройки, и в эту секунду гамон его почувствовал.

Дьявол их знает, но каким-то образом твари все чаще и чаще обнаруживали способность выявлять охотников. Не спасала ни листва, ни высота деревьев. Тяжелая и мутная волна накрыла стрелка, заставив скорчиться от боли, обхватить руками шершавый ствол. Что особенно плохо, в последнее время среди амо участились смертельные исходы. Даже если охотник возвращался домой на своих двоих, никто не мог сказать с уверенностью, доживет ли он до утра. Обширный инфаркт, инсульт — бедолагу могло свалить что угодно. В лучшем случае у стрелков еще несколько дней разламывалась голова и покалывало сердце. Над темой экранирования бились лучшие из умов, однако особо обнадеживающих результатов пока не получили. Самые удачливые из стрелков теперь частенько возвращались ни с чем, многих отчаяние подталкивало на перевооружение — то, чего раньше откровенно стыдились. Добрый лук считался оружием честным и вполне достаточным. Поро-

ха, лазеров и прочих технических новинок небесные стрелки чурались. Впрочем, времена менялись, менялось и отношение к оружию. В дополнение к традиционным лукам теперь позволялось брать скорострельные ганфайеры, лучеметы и многоствольники. Самое странное, что и эти совершенные машинки порой оказывались абсолютно бессильными. Каким-то шестым чувством гамоны начинали понимать, что в них целятся, и били в ответ телепатическими волнами.

Петр не был желторотиком. Кое-что о повадках этих тварей он знал, как знал, к примеру, что с телепатоатакой тоже можно по-своему совладать. Если вовремя должным образом отреагировать. Вот и сейчас, справившись с первым болезненным спазмом, он отвернулся в сторону и с нарочитым равнодушием поднял над собой лук. Шутливо прицелившись в свирящуюся на дальней ветке пичугу, мысленно и от души ругнул ее.

Трюк сработал. Неприятная тяжесть над желудком немедленно исчезла, рябь перед глазами поблекла.

Терпение! Вот что от него требовалось. Теперь, после того «серебристого», гамон явно настороже и отреагирует быстро. Поэтому изо всех сил надо стараться думать о постороннем. Словно и нет внизу этой парочки, а в руках вместо лука невинная арфа.

Петр какое-то время разглядывал писклявую пичугу, пробовал даже плюнуть в нее, но не попал. Шум в голове потихоньку затих, охотничье волнение улеглось.

Решение пришло внезапно, и с той же внезапностью Петр вскинул лук. В доли секунды визор поймал расплывчатое багровое пятно. Пульсация подтвердила, что целит он верно. Пальцы стиснули оперение стрелы, тетива с легкой дрожью натянулась. Вот теперь гамону не увернуться!..

Щелчок!

Пальцы распрямились, и одновременно Петра качнуло от жуткого нутряного удара. Он чуть было не полетел вниз. Перехватило дыхание, глаза заволокло багровой пеленой. И кузнечики, стрекошущие кузнечики вокруг.

Обморочно и звонко шумело в голове. Держась за ствол, Петр рассеянно смотрел вниз. Раненный гамон ворочался разъяренной тушей, явно ощущая дискомфорт. Стрела угодила, куда надо, вошла по самое оперение. И все-таки куратор оказался прав. Твари мутировали с пугающей быстротой. Еще в прошлом веке им хватало одного-единственного жала, а нынче, чтобы свалить иного монстра, требовалось немалое количество попаданий.

Даже счастливец Бун рассказывал, что для подстрела последней своей жертвы ему понадобилось пять стрел. Пять заговоренных стрел на одного гамона! Подумать только!..

Дрожащей рукой Петр потянулся к колчану, но, пошатнувшись, понял, что ничего у него не выйдет. Он — не Бун и пяти выстрелов не осилит. Словно радаром, гамон продолжал ощупывать пространство. Легкие лучики шпагами пронзали листву, выискивая цель.

Петр зажмурился. Угодить еще под один удар — значило свалиться вниз и погибнуть. Можно было не сомневаться, сделать очередной выстрел гамон ему попросту не позволит, а если и позволит, то тут же добьет. Не те годы и не то здоровье. Это молодым можно шустричь да рисковать, старичкам следует всерьез остерегаться волновых ударов.

Петр со вздохом утер мокрый лоб. Жаль было себя, жаль было потраченных усилий. И все же следовало уходить. Как ни крути, а у него за сегодняшний непростой день это уже третье покрытие.

— И черт с тобой!

Скрежеща зубами, Петр забросил лук за спину и включил тягу. На самой малой скорости, чтобы не кружило без того ослабевшую голову, взмыл над лесом, лишний раз про себя отмечая: все-таки весна! Несмотря ни на что! Еще вчера все кругом было голое, прятаться казалось абсолютно невозможным, и вот в считанные часы леса накрыло зеленым дымом, а после лиственное тесто поперло вверх, во все стороны, создавая надежную границу между землей и небом. И впрямь что-то вроде щита. Только кого и от кого защищает этот щит, следовало еще разобрататься.

Стараясь держать ровную скорость, Петр взлетал выше и выше. Первое же облако укрыло его от возможных глаз. Находящийся на посту амо приятельски кивнул.

— Можно поздравить?

Петр печально качнул головой. Лицо стража посуровело.

— Сегодня у всех непруха. Ты уже восьмой.

Петр хотел помянуть про юнца, застрелившего самку, но сил шевелить губами не было. Вместо этого

он включил форсаж, одним махом вынырнув из облачной вязи. Земля, качнувшись, понеслась от него, все более округляясь по горизонту, из плоскости мало-помалу превращаясь в шар. Ладонь правой руки Петр положил себе на грудь. Так было легче переносить боль.

Старый Рума не поленился лично спуститься к нему. Не забыл еще, что некогда вместе сиживали на ветках, выцеливали из луков и арбалетов дичь. От завивки Петр отказался, но против массажа протестовать не стал. Вкупе с болеутоляющим волшебными пальцы опытного мастера сделали свое дело: из салона Петр вышел значительно посвежевшим. Если бы не легкое нытье в левой груди, все бы ничего. Во всяком случае, теперь можно было смело поворачивать на склад — обновить запас стрел, а может, и присмотреть оружие помощнее. Впервые Петр не испытывал угрызений совести из-за таких мыслей. Возможная замена лука на какую-нибудь автоматику больше не смущала.

Не раз и не два по дороге он присаживался на воздушные облакоподобные скамеечки, бросал под язык желтые таблетки райского элексента. Не слишком мужественно, однако не в его положении бравировать тем, чего нет. В третьем по счету облаке Петр обнаружил компанию в лице такого же воина-подранка. Темный истертый пояс, шрам на лбу, сильные руки и усталые глаза — все выдавало в амо неудачливого охотника. Запах, разумеется, соответствующий: крепкая медовуха, элексент и ароматная горечь кедра. Они ничего не сказали друг другу, лишь обменялись дружескими кивками. Все было ясно без слов: похожая судьба, похожие неудачи, а в будущем — похожие болезни...

Уже приближаясь к зданию склада, Петр услышал гам и шум. Обычно тихое и спокойное место на этот раз было заполнено оживленными толпами амо. Петр приостановился у ворот, недоуменно сдвинул брови. Колонной, распеваящей маршевые песни, мимо прошагала рота юнкеров. Юнцы, желтоволосые и пухлогубые, еще не ходили вниз и посему на мир глядели бедово, а глотки драли, как земные дрозды. Петр насмешливо скривился. Кое-кто из бравых молодцев еще посасывал резиновую пустышку. Удивительно, но ныне и это стало нормальным. Никто и не думал смеяться над великовозрастными любителями сосок. Старикам оставалось только кричать: о, времена, о, нравы!

Пройдя на склад, Петр с печалью пронаблюдал, как те же пухлогубые стрелки без колебаний переходят к полкам с многосложной оптикой и стальными воронеными стволами. На стеллажи с пращами и луками никто из юнцов даже не глядел. Вот они, последствия прогресса! В старые времена, если верить скрижалям, на гамонов выходили с легкой рогатиной и кинжалом. Притиснул к земле, сделал стремительный выпад — и победа! Вот были амо! Мужественные, без серебристой примеси. Настоящие тореадоры!..

Не желая топтаться рядом с юнцами, Петр отправился дальше.

— Подыскиваете что-нибудь компактное? — начальник склада, колченогий крепыш с изуродованной ступней, поднялся из-за стойки, шагнул навстречу. Глаза умные — вприщур, на смуглой груди — ожерелье из нескольких десятков каменных кругляшей. Каждый кругляш — пораженный гамон. Невольно сравнил собственный боевой счет с коллекцией этого снайпера, Петр почтительно кивнул:

— Надо, знаете ли, попробовать...

— Бросьте, — радушно прогудел кладовщик. — Старого вояку издалека видать. И нечего тут стесняться. Если даже Совет разрешил, почему и не попробовать в самом деле? Гамоны нынче злые пошли, на стрелы практически не реагируют. Да вы это лучше меня знаете. Вам ведь, кажется, не повезло? Когда последний раз ходили вниз? Вчера?

— Сегодня.

— Даже так! — кладовщик уважительно покачал головой. — Сколько раз ударило?

— Три.

— Крепко! А выглядите, признаться, молодцом! Эй-Богу! — кивнув в сторону галдящих юнкеров, кладовщик потер украшенную иероглифом шрама щеку, с печалью в голосе проговорил: — Видали? Эти гаврики хватаются за то, что помощнее. Думают, поможет. Только я вам так скажу: нашему брату солиднее охотиться с легким и простым оружием. Вроде стандартного мушкета.

— Вероятно. Я, собственно, и хотел посоветоваться.

— Все правильно. Уж своему-то я не совру, расскажу все как есть... Вот, могу порекомендовать одну из моделей. Не самая современная и эстетичная, зато надежная. Пять стволов и пять зарядов. Одно нажатие курка, и с ходу попадаете в гамона критической дозой.

— Надо только попасть, — пошутил Петр.

— Точно. Попасть никогда не мешает. Но после лука из такой штучки разве что ребенок промажет, — кладовщик качнул на руках мушкет. — А хотите, можете попробовать из ганфайера с инфракрасным наведением. Вон он у меня в углу. Фиксация цели идет по излучаемому теплу и пульсу. Скорострельность — шесть зарядов в секунду.

Петр твердо покачал головой.

— Не годится.

— Согласен! — кладовщик усмехнулся. — Красиво, шумно, но не для нас. Потому как пока техника будет фиксировать и распознавать, гамон вас десять раз по стволу размажет.

Петр кивнул. Кладовщик был тертым парнем, толк в охоте и впрямь понимал.

— Ну что? Значит, мушкет?

— Давайте.

— Кстати, можете попробовать подводный вариант. То есть, если, конечно, любите плавать. Подкрадываться и целиться сложнее, зато и гамон

вас почти не чувствует. В последнее время таких охотников становится все больше.

— Спасибо, я уж как-нибудь на суше. Привык, знаете ли, к деревьям...

— Тогда удачи! — начальник склада упаковал мушкет в кожаный чехол, к чехлу приложил увесистую коробку с патронами. — Если будут замечания, приходите. Своему всегда поможем. Я ведь тоже когда-то этим баловался. Пока не брякнулся с дерева. Нога — вдрызг, пара ребрышек наружу выскочила — в общем, видок был аховый. Спасибо друзьям эскулапам — вытащили... Кстати, про кон-версию с мораторием ничего не слышали?

Петр покачал головой.

— Ну и ладно. Может, просто слухи... — Прощаясь, кладовщик крепко стиснул ладонь Петра, еще раз от души пожелал удачи.

— Главное, не вешайте нос и не забываете: без нас все пойдет прахом. «Серебристые» и прочая гопота погоды не делают, этот мир держится на таких, как вы.

К вечеру Петр узнал, что погибли Маячок с Ярославом. Оба в один день. Все получилось до обидного просто — почти как у него, только с летальным исходом. В самку опять выстрелил кто-то из «серебристых». Ярослав с Маячком не успели даже поднять луков. По неписанным правилам более честно было выпускать вперед охотников на самцов, да только «серебристые» знали, что начинается после. Обозленные гамоны, бывало, цепляли случайной волной всех подряд, сшибая на землю, словно перезревшие плоды. Разумеется, «серебристые» подобная перспектива не прельщала. А потому сплошь и рядом они норовили опередить охотников на самцов. Самка гамонов практически никогда не отвечала телепатическими атаками. Да и хватало ей, как правило, одного-единственного заряда, как в старые добрые времена. А потому не водилось у стрелков дружбы. Уже давным-давно.

Виктор, седой ветеран с сильными руками, сосед и приятель Петра, рассказал, что около часа назад в кабачке отметили компаху «серебристых». Может, и не тех, которых следовало, но так ли уж это важно? «Серебристые есть серебристые!..» И даже посланники архишефа не сразу успокоили драчунов. Страсти раскалились до предела. Кто-то даже сгоряча предложил бастовать, требовать пересмотра первого закона. А до тех пор не охотиться. Вообще.

— На это разрешения не дадут, — возразил Петр. — Очень уж круто.

— Вот чудак человек! На то и забастовка, чтобы не спрашивать разрешения. — Виктор приложил к уху свой любимый трофей — раковину из Эгейского моря, словно услышав что-то доброе и умное, удовлетворенно кивнул, взмахом подозвал официанта. Спустя минуту тот уже ставил на столик пузатую амфору с медовухой, два хрустальных бокала, вазочку с горкой крапчатых акрид.

— Но ведь — первый закон! Охота на гамонов — почетный долг и обязанность каждого совершеннолетнего амо... — Петр в сомнении покачал головой. — Кто такое осмелится пересматривать?

— Ясно, что никто. Но наверняка призадумаются о сложившемся положении дел. — Виктор налил из амфоры, сам первый хлебнул. — Вкусно, правда?

— Вкусно, — согласился Петр. Этот кабачок ему нравился. Вполне уютный, музыки и света — всего в меру. Он и раскачивался на ветру с положенной амплитудой, скорее усыпляя, нежели кружа голову. Симпатичный голубоглазый тапер барабанил по клавишам клавесина, ему вторил на лютне пристроившийся в углу подросток. Играли, надо признать, неплохо. Негромко и мягко, что преимущественно и любили жители поднебесья. Внешняя музыка не должна заглушать внутренней. Иначе это не музыка.

— Да, дорогой Петр! Дел у наших архистратегов, конечно, по горлышко, да только и земным проблемам следует уделять внимание. А первый закон — что ж... Он, конечно, хорош, но ведь и хорошие законы нужно чем-то обеспечивать? А кто нынче этим занимается? Власть?... Нет. Исключительно такие, как мы с тобой.

— Верно, — Петр припомнил слова ветерана со склада.

— Вот и рассуждай дальше. Картину в целом никогда не рассмотришь, но можно улавливать тенденции, понимаешь? Проблемы наблюдались

и раньше, кто спорит, но мы с ними справлялись. Теперь — иное дело! Гамоны стали другими.

— Они мутируют.

— Верно, мутируют. И нам с каждым годом становится сложнее и сложнее.

— Что же ты предлагаешь?

— Да вот... Думаю, может, имеет смысл плюнуть на них вообще?

— Плюнуть? Как это? Мы же для них вроде пчел. Не станет нас, они ж там все повымирают. Уже через полсотни лет размножаться разучатся.

— Это ты так думаешь! А они так вовсе не считают. — Виктор залпом допил из бокала, вплотную приблизил свое побагровевшее лицо. — Знаешь, Петь, временами мне начинает казаться, что мы им совсем не нужны, понимаешь? Совсем. Каждый сам себе придумывает жизненный смысл, вот и мы придумали. А гамоны, к твоему сведению, давным-давно выучились размножаться без нас.

— Что ты такое говоришь!

— То, что слышал. Им так даже проще. Статистика, брат, суровая вещь! Скольких мы подстреливаем ежегодно, знаешь?

Петр покачал головой.

— Вот именно, что не знаешь! А ты полистай как-нибудь на досуге небесные сводки. Семьдесят процентов уходит на сторону. Семьдесят! Подранки, а то и вовсе чистые. И у большинства, заметь, появляется потомство. Вот тебе и первоисточник мутаций! Подранок родит более злого, а тот в свою очередь обходится без наших стрел, и получается поколение особо невосприимчивых.

— Ученые говорят, у них что-то вроде сердечных мозолей...

— Слышал! — Виктор пренебрежительно отмахнулся. — Кальциевая скорлупа вокруг миокарда, хитин и все такое. Только нам-то что до этого? Мы свое дело делаем честно, правда?

— Ну, — Петр заметил, что приятеля чутьчку развезло от выпитого.

— Вот и соображай дальше. Дело свое мы исполняем, а там внизу все хуже и хуже. Спрашивается, почему?

Петр задумался.

— Может, из-за путаницы со стрелами?

— Ерунда!.. То есть стрелы, конечно, порой путают. И мишени путают. И, кстати, на «серебристых» я даже в этом смысле не грешу, им-то в самцов целить резона нет. Другое дело — наш брат. Уж здесь-то, верно, с досады, кто-нибудь да срывается. Садит без разбору всеми видами наконечников. И начинает гамон лапать гамона, а гамониха слюни распускать за такими же, как она. Только у них это и раньше встречалось. Я в архивах как-то копался. И мужеложство, и лесбийские игры — все процветало. А в общем... — Виктор вздохнул. — Все это, Петр, только частности. Главное... Главное, видишь ли, кроется в том, что мы тоже перестали их любить. Раньше любили, а теперь нет. Мы на

них как на врагов охотимся, и они нас таким же макаром встречают.

— А ведь верно! — Петр удивленно нахмурился. — Как на врагов.

— Конечно, верно! Ты вот сегодня схлопотал от них тройку оплеух и что? Какая в тебе небесная радость после этого осталась?

— Ну, может быть, самую чуточку...

— Брось! Никаких чуточек!.. Никогда не интересовался, какие там внизу пословицы появились за последнее время?

— Ты о фольклоре гамонов?

— Ну да!

— Как-то, знаешь ли, не приходилось.

— А зря... Попадается в иных преинтереснейший смысл! — Виктор фыркнул. — «Насильно мил не будешь»... «Любовь зла — полюбишь и козла»... Чуешь, в чей огород камень?

— Ты думаешь...

— Да не думаю я ничего! Куда мне! Пусть архангелы думают, на то у них и головы. Только вот конфетка, Петь, получается крайне неаппетитная. Мы гамонов заставляем любить, они с нашим насилием борются в меру своих способностей.

— Разве это можно называть насилием?

— А почему нет? Свобода — лакомая категория. Ее всем хочется.

— Но любить — и значит по-настоящему быть свободным. Ненависть неволит.

— Ишь ты, хитрец! Это с какого угла посмотреть. Ненависть неволит, верно, зато она не требует терпения. С любовью все наоборот.

— И что же тогда остается?

— Что остается? — Виктор облапил пятерней плечо друга, притянув к себе, дохнул медовухой в самое лицо: — Я, конечно, не архангел, голова у меня втрое меньше, и стратегий я не предлагаю, но чудится мне, что пряники кончились. Время, Петь, доставать из-за голенища кнут.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Слышал что-нибудь о Холодном Веке?.. Если нет, намекну. Все это пока слухи, но очень может быть, не сегодня-завтра объявят мораторий на охоту. Самый натуральный. И ни одного амо больше вниз не пустят.

— Совсем? — Петр почувствовал, что по спине у него стайками поползли мурашки. Этакое донное течение, проникшее под накидку.

— Совсем, — Виктор мрачно кивнул. — Всеобщая конверсия и разоружение. Будем сидеть по кабинам, вспоминать былое и слушать шелест волн в раковинах. Холодный Век для гамонов.

— Но это... Это же верная война!

— Скорее всего. Только иного выхода нет. Если долго пичкать антибиотиками, организм становится невосприимчивым к лекарству, что мы и имеем на сегодняшний день. От рогатин к стрелам, от стрел к базукам — а дальше что? Будем брать каждого в огненные клещи и атаковать побатальонно? Нет, брат, это уже тупик. Зато лет

этак через сто... — Виктор потянулся к амфоре. — Если, конечно, уцелеет хоть один гамон, можно будет снова проведать заблудших.

— Жутко!

— Конечно, жутко, тут ты прав. Без любви, наверное, можно размножаться, но долго жить без нее нельзя. Это суть любого гомеостазиса. Исчезнет суть, начнет распадаться система.

— Тогда зачем мораторий?

— Затем, — Виктор выпятил в его сторону палец, — чтобы они САМИ осмыслили, каково это — жить БЕЗ любви. Осмыслили и умылись горючими слезами. Чтобы эти скоты не хитином от нас прикрывались, а напротив — сами распахивались. Вот тогда мы снизойдем до них, снова достанем луки и стрелы.

— Сто лет!.. — Петр ошарашенно обхватил голову руками.

— Может, и больше. Как ни крути, а без карантина не обойтись.

— Но ты представляешь, что у них там внизу начнется?

— Уже начинается потихоньку. Без всякого моратория. Вот и следует дать им возможность повариться в собственном соку... Ну что? По последней?

Петр послушно поднял свой бокал, в несколько глотков осушил. В голове поплыл колокольный звон, несколько искристых рек слились в одну, водопадом обрушились в озеро кипящего сознания.

— Пошли! — Виктор потянул его к выходу.

— Куда?

— Есть у меня дома одна игрушка. Покажу. Мощь — обалденная! Хоть побалуемся напоследок.

Еще не понимая, о чем идет речь, Петр покорно поплелся за другом.

Летели они быстро, встречный пост, не сговариваясь, обогнули по дуге. Время разговоров прошло, наступило время действовать. Уже через несколько минут охотники приземлились на огромной, крытой железом крыше. Петра бил легкий озноб — привыкший к лесу, к защитному экрану листвы, он ни разу в жизни не оказывался в городе гамонов.

— Брось! — Виктор, запинаясь, волочил за собой многоствольник. —

Лес или город — какая разница! Тактику нужно менять. Они — нас, а мы — их! Хватит прятаться по кустам бузины! Бить врага надо в его логове! — он поднес ко рту любимую раковину, угрожающе прогудел: — Гамоны, вы меня слышите? Мы уже здесь!

Оба были выпившие, обоих заметно покачивало, и все-таки Петр не мог совладать со страхом. Нарушался основной принцип охоты, когда дичь выслеживается, когда поблизости от самца обязательно находится подходящая самка, когда, наконец, самого охотника отличают чистота помыслов и доброе сердце.

— Видал, сколько их! — Виктор подтащил друга к краю крыши, пьяно загоготал: — Сейчас мы им устроим мораторий!

Петр восхищенно глянул на друга. Дерзкий, вздернутый кверху орешек носа, мягкий складчатый подбородок, пухлые плечики и воинственно расставленные толстые ножки не вызывали ни малейших сомнений в справедливости творимого. Соломенного цвета крылья воинственно топорщились за спиной, тугий живот боевым барабаном смотрел вперед. Что и говорить, Виктор являл собой эталон амо! Удивительно красивый, мужественный... С трудом Петр перевел взор на разгуливающих внизу гамонов.

— Сколько же их тут!

— Сколько бы ни было, — все наши!

— Да, но что они делают?

— Как что! Вон там под фонарями танцуют, а возле тех тополи дерутся. — Виктор хищно оскалился. — Ща мы им устроим! Любвеобильные вы наши!

— Кажется, всех примерно поровну. В смысле, значит, самцов

и самок... — Петр еще пытался как-то оправдать их действия.

— Вот и нечего особо думать. Помоги-ка!..

Они установили многоствольник на сошки, стянули чехольчик с оптического прицела. Виктор поднял крышку кожуха, вставив тяжелую ленту, клацнул затвором.

— Видал-миндал! Новинка из самых последних. Для спецамо. Система самонаведения по пульсу. Семь стволов, пуля особого сплава, двойного эффекта. Сначала вызывает шок, потом уже влюбляет. Правда, не сразу, а постепенно. Но главное — скорострельность. В этом ящичке, что ты нес, ленты на полторы тысячи зарядов! — Виктор засмеялся. — А!.. Как тебе это нравится? В несколько минут выполним плановую работу целого полка амо!

— Да они же нас в доли секунд...

— А вот хрена! — Виктор вскинул перед собой маленький розовый кукиш. Лицо его исказила торжествующая гримаса. — Хрена что у них выйдет, Петруха! Пьяных фиг засечешь, понимаешь? Они там все внизу через одного в зюю. И мы с тобой тоже чуток. И что получается?

— Что получается?

— А получается, брат мой Петручио, что мы сегодня такие же, как они. Мы с тобой гамоны, понимаешь? — Виктор залился тонким смехом. Его даже икота пробила. — А гамон гамону — не враг. То есть не друг, но и не враг. Как в одной из гамонных песен. Дескать, и не друг, и не враг, а так...

Петр глянул на площадь и неожиданно ощутил, что и ему становится весело. В самом деле! Они болтают уже здесь несколько минут, и никто до сих пор их не обнаружил. А ведь это тоже охота — и какая! Они собирались бить не в одного-единственного гамона, а разом в целую толпу. Двое против сотен и сотен...

Он слепо потянулся к многоствольнику.

— Можно, я первый...

Виктор хлопыстнул его по плечу.

— Ага! И тебя разобрало! То-то же! Вдарь по ним, Петруха! Патронов — море, не жалей! Или со щитом, или на щите!

Петр вдавил приклад в плечо, поймал в прицел группу дерущихся возле тополей гамонов. То есть даже и дракой это сложно было назвать. Просто топтались на месте, дергали друг друга за воротники, а один из них с лентой отвешивал оплеухи молодой самочке. Вот этим героем в первую очередь и займемся!..

Палец притопил спуск. Изрыгая огненную лавину, многоствольник завибрировал, заходил в руках. Сверкающие трассы устремились к копошащимся внизу гамонам.

— Нет любви у них, нет! — надрывался приплясывающий рядом Виктор. — И жалеть их нечего! А коли нас накроет, так и вали оно все в пропасть! Если мы не нужны, то и смысл жизни теряется!..

Не слушая его, Петр продолжал садить и садить пулями. Гамонов скручивало от попаданий, некото-

рые валились на тротуар, начинали крутиться. Выл вращающий стволы двигатель. От смертоносного аппарата валил дым. Ничего, остудим!.. Светлячки пуль переместились чуть выше, и та же неразбериха началась среди танцующих. Петра трясло. Он стрелял и стрелял, не в силах оторваться. Замечая, что кое-кто из подраненных, ошеломленно крутя головой, пробует подняться с земли, вновь ловил их в прицел. Мораторий, братцы, — да не про вас! Воевать нравится? Давайте!.. Один из гамонов, патлатый, с цепью на шее, прошитый пулями в семи или восьми местах, шатаясь, привстал, тут же повалился на колени перед какой-то случайной самочкой, обнял ее ноги. Значит, проняло мерзавца! Действует начинка!..

Когда патроны кончились и лягнул упавший на крышу конец ленты, Петр очумело поднял голову, оглянулся на приятеля.

— Это все?

— Все, — Виктор сидел, разбросав ноги, и плакал. — Бессмысленно, — лопотал он. — Все, Петь, бессмысленно. Пара сотен гамонов ничего не решат.

— Откуда ты знаешь?

— Я думаю... — Виктор всхлипнул. — Я думаю: может, мы и впрямь лишние? Гамоны сами по себе, мы сами по себе. Придумали идею-бзик, а им и не надо никакой помощи.

Петр качнулся к нему, встряхнул за плечи.

— Что ты городишь, очнись! Разумеется, мы нужны!

— А если нет?

Виктор слезливо щурился, с надеждой глядел на Петра. Неожиданным образом роли их поменялись. Теперь Петр ощущал в себе небывалую силу, знал, что способен убеждать и вести за собой. Может, правду говорят, что силы влюбленного врага взмывают ввысь, удваивая твои собственные? Во всяком случае нечто похожее он и впрямь сейчас чувствовал.

— Мы нужны, Виктор! Верь мне! Просто не все идет, как хотелось бы. Но это ведь жизнь, правда?

— Вали она в тартарары — такая жизнь! — продолжал всхлипывать приятель. — Никого мы не спасали и не спасем.

Петр разозлился.

— Правильно! Любовь НЕ СПАСЕТ мир, она СПАСАЕТ, понимаешь? Каждый день и каждый час! У них иммунитет, но и мы не лыком шиты. Не берут стрелы — пулями будем курочить! А пули перестанут брать, начнем ракетами разить сволочей. Потому как обязаны, гады, любить! Перестанут любить, все остановится! Все, понимаешь? Мир, земля, небо — все!

— Скоро архангелы объявят мораторий...

— Пусть мораторий, пусть крематорий, только без нас! — заорал Петр. — Я лично буду палить в них до последнего. Буду, черт подери! И ты будешь, и другие!..

ИЗЪЯН

(рассказ)

1

Толпа у сарая на покосной заимке Парфению опасной не казалась, но он таки остался в ложине, а на разведку послал Коляна.

— Пооди, братан, порасспроси этих, чем у них, в Захаровом, пахнет.

А сам, дожидаясь, курил в рукав. Он даже какое-то время и смотреть перестал в ту сторону. «Счас придет Колян, скажет, что к чему». Как вдруг услышал крики, и среди них один голос резанул:

— Господин охвицер, красного сымали!

Парфений затаил дыхание. Цыгарка коснулась ваты на рукаве — запахло паленым. Парфений раздавил ее пальцем в траве. Смотрел во все глаза.

К толпе из сарая вышел офицер. «Ма-ать твою тереби! — ахнул Парфений. — Это как же я догадался Коляна послать, а не вместях!»

Сначала было тихо. Видно, спрашивал офицер Коляна и толпу: кто таков, откуда и зачем.

Потом опять загалдели и выделился голос:

— Да знаю я его! Колян это из Махаевой. Он с брательником давно у комиссаров ошивается.

Опять галдели. Офицер цыкнул на толпу. Слушал, стало быть, Коляна. Что говорил Колян, Парфению не было слышно. А потом толпа взъярилась. Коляна повалили, стали пинать. Офицер руки-ноги не пачкал, смотрел, как зверели. Потом ушел в сарай. Сразу стихло. Коляна, заломив и связав руки, отволокли к стене. Угомонились. Смех послышался. Бытовая перебранка. Скоро костер запалили — смеркалось уже, и дождь бусил.

А у Парфения под ватником колотилось. Ждал. Башка работала как часы. «Это же захаровские подкулачники, мать твою тереби! На их самих и напоролись».

...Парфения с Коляном Кумачев послал разведать, что делается в Захаровом, правду ли говорят пришлые, что там буза, затеянная кулачьем. На трудный случай выдал им гранату, погрозив при этом Парфению острым желтым пальцем. На Парфения он полагался. Парень головастый и без дури.

Кумачев был здесь пришлым и служил на станции путевым обходчиком. Держался особняком. Говорил доморощенными афоризмами. Короткие подстриженные усы и короткую же челку налево держал в холе. Когда на станции собралась красноармейская дружина, как-то незаметно и сразу стал ее командиром. Новоприбывших и поставленных смазчиками Парфения с Коляном — деревенщину — взял под свое крыло. Самогона он не пил и друганам не велел. «Колокольню надо держать в сухости, чтоб звон чистый был», — ставлял с первого дня знакомства.

В часы передышки, когда за стеной затевался карточный грай, а во дворе дружинники палили по длиннгорлым бутылкам фирмы Поклевского-Козелл, имитируя учебные стрельбы, Кумачев подсаживался к ним и делился самосадам. «Хороший самосад, Парфуша, мужика ядреным делает и стоймя держит». (Парфения он сразу за старшего признал, хотя братовья были всего-то погодками, и обращался исключительно к нему.)

«А нам, друганы, надо против сволочи стоять. Нас хоть и много, пролетариев, но по ту сторону еще множе. Вот хоть Махаеву вашу взять. На вас двоих-пятерых сколько человечьего бою придется? Кулак, известно, в сторону не смотрит, за свое кровное напролом идет. А подкулачники? Вот ты, Парфуша, соштыком в Махаеву придешь да парутройку на него насадишь — они и твои. Все, вплоть до бабы, отдадут. А только хвост им покажи — за пустой клочок земли, за худую коровенку так вцепятся! Не-ет, Парфуша, кто гол, тот и стоит, как кол. Ваш-то батя, к примеру, как насчет бузы?»

На эти слова Кумачева братовья молчали: Колян потупившись, а Парфений, этот глядел на Кумачева светло и преданно. «Паровоз, друганы, тогда готов идти в наше светлое завтра, когда никакая-всякая сволочь на его ходуны не липнет. Мы с вами, Парфуша, пролетарского паровоза чистильщики и бережители».

На покосе стемнело. У костра остался кто-то один. Остальные ушли в сарай — покрапывало с неба. Щели и оконце сарая светились от горевшей там керосинки.

Парфений ждал — сна ни в одном глазу. Наконец в сарае погасло. Костер шаял, то вспыхивал, то линял. Мужик возле огня лениво суетился, оправлялся, потом затих. Парфений вытащил нож из кожаных самошитых ножен, попробовал пальцем лезвие, вернул опять в ножны и пополз к костру.

Он помнил, как батя овец кончал.

— Держи ноги, — скажет Парфению, — чтоб не брыкалась.

Голову зажмет коленями, шею с пульсирующей жилой обнажит, лохань подставит под кровящую и ножом по той жиле вж-ж-жик!

Парфений, помнится, спокоен был. Смотрел жадно. Только лоб влажным делался.

Полз он бесшумно, потому что только это сейчас и требовалось от него — ни мыслей в башке, ни дела другого.

Мужик у костра спал. Лицо его показалось Парфению знакомым. «Да мало ли...»: Коляна тоже не слышно было у стены сарая. Парфений достал нож, деловито примерился. Потом резко накрыл пятерней рот мужика и, вздернув шею, полоснул ножом. Мужик даже не проснулся, не дернулся, обмяк, как пустой ватник, и хлынула кровь. Парфений возликовал внутри: более просто и легкого дела поискать! Может, зайти сейчас в сарай да всех и перерезать как овец? Парфений хмыкнул: «Не дурак. Придет время».

Осторожно подошел к стене сарая. Колян зашевелился. Парфений задел его ногой: «Ну что? Идти сможешь?» Колян что-то промычал, с трудом поднялся.

Добрались до лощины, залегли. Лицо у Коляна было разбито, губы и глаза распухли, говорить он мог с трудом, почти не разжимая губ.

— Уходить надо, — промычал он, кивая в сторону от сарая.

— А это на что? — сказал Парфений, достав гранату. — Далекое мы с тобой не уйдем. Сейчас выйдем кто до ветру и поднимет холуев.

Колян стал хватать его за руку и что-то говорить булькающим невнятным голосом. Сверлил Парфения живым не заплывшим глазом. Парфений отмахнулся — думал свое.

— Ты сиди тут и жди. Я сам слажу.

Не слыша больше Коляна, Парфений, нагнувшись, пошел к сараю. Мысль работала четко, как минное устройство, которому дадено несколько минут. «Ты, Парфеша, одно пойми: нам с ними вместе жить заказано. У нас колокольни разные и звонят иначе. Усек? Ихний звон нашему поперек идет. Его пресечь надоть».

Подойдя неслышно, он зачем-то припер дверь взятой у костра суковиной, достал гранату, дернул чеку и, бросив в темное оконце, метнулся в сторону, упал. На мгновение тихо стало, потом шарахнуло, взметнуло и Парфения словно бы волной. Бежал в лощину, не чуя ног, не оглядываясь. Упал рядом с Коляном.

— Айда теперя!

Они бежали, как слепые, сквозь стену тьмы. Позади стонало и трещало. Колян припадал на зашибленную ногу, отставал, хрипел разбитым ртом. Парфений тащил его за ватник. Темень стеной стояла. Дождь бусил. Парфению казалось, уже спасительная опушка должна... А ее все не было. За спиной что-то слышалось — Парфений отстранился от всего: добраться бы до опушки.

Когда показались деревья, Колян совсем обмяк, и Парфений едва не волоком дотащил его до леса.

Колян упал мешком. Парфений минуту стоял над ним и думал. «С Коляном ему не дойти. Будет висеть на нем, как гиря. А Кумачев ждет».

Приняв решение, опустился рядом. Лица у Коляна словно бы и не было — сплошное розовосинее месиво. Один только глаз смотрел на него, и в нем стояли растерянность, мука.

— Парфеша, — заговорил Колян, не разлепляя разбитых губ, — а, Парфеша, ведь там и наши были... махаевские мужики... Федька Лычин, Проккоп, Иван Старчинский, крестный твой. Ево Степанида теперя с пятерыми...

Парфений ничего не мог понять из его бурчания. Что-то булькало у Коляна в запекшемся рту, и глаз, почти выкатившийся, перился на него.

Вдруг мелькнуло в памяти — откуда и взялось: одиново напоролась она с Коляном зимней санной дорогой на пару волков, и Колян, путаясь в овчинном малахае, вдруг скатился с саней и побежал волкам навстречу, замахал рукавами и заорал благом матом. И ведь снялись тогда волки, отстали.

Парфений смотрел на брата, молчал и приме-

ривался, как ловчее. Потом вдруг резко толкнул, накрыл его глаз полкой ватника и, размахнувшись, что было силы воткнул нож в шею Коляна. Так, что лезвие в землю вошло. Выдернул. Вытер о ватник.

А если бы слышал Парфений те последние Коляновы слова, не стал бы неверно и ватник портить, а по шарам бы, по шарам...

2

Толя Рудваль умирал. И знал об этом.

В Доме детского творчества его иначе, как Толя, не называли, хотя ему и перевалило уже за пятьдесят. Худенький, субтильный, в больших круглых очках, спасающих от сильной близорукости, вечно занятой, он был Толей для всех: и коллег-инструкторов, и пацанвы, населяющей кружки и секции Дома творчества. Толя руководил краеведческой секцией, жил ребячьими походами и писанием книги о славных революционерах братьях Сиговых — Николае и Парфении.

И вот, почти уже сладив с книгой, умирал.

Болезнь свою он чувствовал давно. Она жила в нем ноюще-опоясывающей пустотой, каждый год умерщвляя живое пространство. Он привык. Страдал молча, в больницу не шел, от страхов жены Натальи отмахивался и не любил смотреться в зеркало на заостряющиеся скулы.

Книга подвигалась по ночам. Днем и вечером, между делами и суетой, он перепечатывал написанное на старой машинке «Москва».

Написать книгу о братьях Сиговых его сподобил университетский приятель Гриша Сигов, внук Парфения. Теперь те университетские годы остались далеко. Гриша Сигов стал секретарем горкома партии по идеологии Григорием Николаевичем, а Толя остался Толей. И от прежнего их приятельства мало что сохранилось. Однако встречая по какому-нибудь случаю своего однокашника, Сигов был с ним запанибрата и никогда не переходил на официальный тон — покровительствовал семейному летописцу.

В городском краеведческом музее стараниями Толи был собран стенд, посвященный крестьянско-пролетарской династии Сиговых. Его открывал суровый лик крестьянина из деревни Махаевой Антона Сигова. Но главной фигурой на стенде пребывал Парфений Антонович Сигов, прославленный командир красногвардейского отряда, возглавивший его после гибели от рук кулацких мятежников партийца-железнодорожника Кумачева.

Было на стенде и пожелтевшее от времени фото его брата Николая Антоновича, павшего геройской и мученической смертью после пыток в плену у мятежников. История его гибели в семье Сиговых передавалась из уст в уста, но наличествовал один-единственный снимок. Николай Сигов был снят в группе железнодорожных рабо-

чих в крестьянской сермяжной одежде. Смотрит в сторону, лицо плохо различимо даже от многократного увеличения и кадрирования. Но другого фото в семье не сохранилось. Зато одна из улиц города носила имя красногвардейца Николая Сигова, а брат его, Парфений, его именем назвал своего сына-первенца — отца Григория Сигова.

С книгой о династии партийцев Сиговых у Толи Рудваля дело шло споро — она была написана. Как вдруг в местном филиале областного архива он каким-то чудом натолкнулся на тоненькую папку — «Дело о кулацком мятеже в селе Захаровка». Там между прочим говорилось о гибели группы крестьян на заимке. Той самой группы, которая, по рассказам Парфения, и пленила Николая, изгалялась над ним и замучила до смерти. А из этого «Дела» оказалось, что тело Николая Сигова было найдено не среди повстанцев, а на лесной опушке метрах в двухстах от заимки.

Толя не мог взять в толк, как такое могло произойти? Как изуродованное, со смертельной раной в шею тело Николая Сигова могло оказаться в лесу? Официальная версия утверждала, что оно было найдено среди трупов повстанцев и только потом захоронено отдельно от общей их могилы.

Со своим вопросом Толя напросился к Сигову на прием, но был приглашен прямо домой. Он был уверен, что семейное предание без труда разрешит его загадку, и в книге можно будет, наконец, поставить точку.

В свои 54 года был Сигов молодец, лучился приветливостью и какой-то слегка грубоватой свойскостью. Совсем не походил на дедушку фотографию. Не было светлых открытых глаз, а были мягкие карие. Не было и дедовой угловатости, а была мягкость рук, улыбок и движений. Все в нем располагало и в то же время было лаконично и официально.

Таким был Сигов и на этот раз. И он, и молодая его жена, которую он звал Таечкой, наперебой ухаживали, задавая необязательные вопросы, угощали коньяком с лимонными колесиками на блюде. Но худобу его и болезненный вид старались не замечать и не трогать вопросами, как что-то очень личное и деликатное — старались не переступать грань.

Потом Таечка вышла, оставив их вдвоем в кабинете Сигова.

— И что у тебя за проблемяк ко мне, выкладывай, — удобно расположившись в кресле, спросил Сигов.

— Может, он и пустяковый, Григорий Николаевич, и никакой загадки не представляет.. Вашего деда касается, Николая Антоновича.

И Толя выложил содержание архивного «Дела».

— Он как, — спросил, — в лесу-то оказался?

Ни к какой реакции собеседника он готов не

был: в горле сохло, напрашивался приступ кашля, тянула-опоясывала ноющая пустота внутри. Да и что, казалось ему, за вопрос для родственника: наверняка все просто как божий день.

— Какой, говоришь, номер «Дела»? — не меняя тона и вопросом на вопрос ответил Сигов.

Перегнувшись из кресла к столу, взял из стасана ручку, ждал.

Толя листал свой блокнот и видел, как перед его глазами заходила-запрыгала нога хозяина в синем шлепанце, до того спокойно лежавшая на колене.

Сигов записал номер небрежной почеркушкой. Нога продолжала подергиваться.

Толю ломал нутряной кашель. А когда он снова глянул на Сигова, что-то в нем изменилось. Он, похоже, уже долго и пристально смотрел на зашедшую в кашле тщедушную фигурку, занимающую всего едва ли не четверть кресла. Все было маленькое и какое-то скомканное в нем: лицо с острыми скулками, пегие волосенки, полудетский пиджачок и руки с тоненькими пальцами. А вот его вопрос Сигова озадачил.

— Тебе это зачем, Анатолий Романович?

Толе стало как-то не по себе от его взгляда и голоса. Ему послышались в нем совсем другие слова: «Ты посмотри на себя, дядя, разуй зенки: ты ведь правой ногой в могиле стоишь».

Толя почувствовал, как задрожало у него левое веко — верный признак поперечности, которая столько раз ставила ему в жизни подножки.

— Я историк...

Сигов словно этого слова и ждал.

— Исто-орик... — протянул он. — Штука не в том. Чей историк — вот ведь где собака-то зарыта.

Похоже, что вместо ответа на вопрос он был склонен устроить гостю ликбез.

— Историк рабочего класса, — как школяр, отозвался Толя.

— Вот. А какая история нужна рабочему классу, знает его авангард — КПСС. Перед тобой, Анатолий Романович, ее представитель, законно избранный этим классом на высокий руководящий пост. Еще вопросы есть? Давай теперь по коньячку.

Говорилось это покровительственно-несерьезным тоном, который, Толя знал, в любую секунду мог стать официально-приказным, не подлежащим обсуждению. Все зависело от того, насколько хватит у Сигова к нему, Рудвалю, расположения.

Направляясь к Сигову, он не предполагал, что его конкретный вопрос вызовет дискуссию.

— Рабочему классу не любопытно знать, как погиб один из его героев? — окуляры Рудваля смотрели неуступчиво.

— Давай мы с тобой не будем спрашивать сразу у всего рабочего класса, любопытно ему или нет. Обязательно кто-то поднимет руку и доведет свое любопытство до абсурда. Класс, ты ведь понимаешь... Там и галерка есть, двоечники... Как это у апостола Матфея: много званных, но мало

избранных? Тебя, надеюсь, не удивляет, что я вместо сочинений Владимира Ильича Ленина обратился к Евангелию? В подлунном мире, Толя, по большому счету ничего не меняется.

— Так я ведь не в класс пришел... Меня класс не коньячком бы баловал...

— Во-от. Ты все правильно сделал. Четыре тебе за это с плюсом. А мнение партии, авангарда рабочего класса, такое, — голос хозяина отвердел: — биография красногвардейца Николая Антоновича Сигова, зверски замученного кулацким отродьем, написана, многократно опубликована, выбита на памятной доске и вопросов не вызывает.

«Почему же у тебя, Сигов, шлепанец-то дергается?» — мелькнуло у Толи, но спросил он другое:

— А за что тогда четыре, Григорий Николаевич?

Сигов усмехнулся и с трудом заставил себя промолчать, не сказать то, что просилось с языка: «Высший балл, дядя, мы ставим только на поминках».

Он смотрел на Толю прямо, мягкими карими глазами. На его заострившиеся скулы, серое лицо. Только еще глаза гостя лихорадочно блестели за большими окулярами очков. Сигов мог поднять трубку, набрать номер спецбольницы, и через

полчаса Толя оказался бы в отдельной палате с видом на городской пруд. И неспешные доктора, по крайней мере, скрасили бы лукавыми процедурами его последние дни. Но Толя Рудваль, инструктор Дома детского творчества, был далеко не их контингент. Ему полагалась общая палата городской больницы.

«Партии нужна чистота социального эксперимента», — было написано на лице Сигова.

В полдень следующего дня Толя позвонил в филиал областного госархива.

— Танечка, мне бы глянуть «Дело» № 32 из 43-го фонда.

Прошло довольно много времени. Трубка все молчала, в ней слышались только далекие голоса. Наконец:

— Алло, Анатолий Романович, а вы ничего не путаете? Нет у нас в 43-м фонде «Дела» с таким номером. Вы когда его смотрели?

Толя не удивился и не стал распространяться, звонить заведующему. В последние дни живые силы почти оставили его. «А был ли мальчик? — вяло усмехнувшись, сказал он вслух. — Может, мальчика Коляна в лесу-то и не было».

Ночью, ближе к рассвету, Наталья вызвала «скорую».

Сигову она позвонила через сутки, утром, застав его еще дома.

— Григорий Николаевич, Толя ночью умер.

— Не может быть! — услышала тревожный голос. — Ведь мы с ним третьего дня вот в этом кабинете за коньячком... Наши искренние соболезнования, Наталья Егоровна. Ни о чем не беспокойтесь: некролог, похороны, поминки город возьмет на себя. Анатолий Романович так много сделал для города. И так рано ушел. Так рано...

Положив трубку, Сигов что-то черкнул в записной книжке и пошел одеваться в переднюю. Тая вышла проводить мужа. Еще не прибранная после сна. Халат не запахнут. Сигов секунду смотрел, умиляясь, потом не удержался, обнял жену под халатом.

— Ну ты у меня, Тайка!.. — и вышел из дома.

3

Они впервые лежали так близко друг к другу — дед и внук. И оба как-то девственно стеснялись прикосновений. Кровать была хоть и широкая, но с сеткой, которая делала их двумя рыбами в садке. Здесь, в крошечной мансарде дачи, обычно ночевали те, кому не хватило места в гостевой комнате или кто сильно перебрал.

Сигов поднялся сюда, вдруг почувствовав, что среди Семеновой компании он — не в своей тарелке. Это новое было ощущение. Обычно его держали за мэтра, замолкали, когда говорил. А нынче... Как-то все он оказывался в стороне

от разговора. «Наверно, действительно лишку хватил».

— Ты, Николаич, пошел бы вздремнул часок, а? — сказал наконец Семен, близко и трезво к нему приблизившись.

Внизу сначала было шумно. Тосты кричали. Матерщинка запромелькивала. «Расслабились мужики». Голос Семена выделялся — вальяжный, чуть с хрипотцой. Теперь его слушали. «Хозяин вырос».

«А что, — про себя усмехнулся Сигов, — другая жизнь — другие песни». — «Ой ли?» — неожиданно спросил тоже внутренний, но незнакомый, совсем новый ему голос.

Сигов лежал и смотрел на портреты своих дедов.

Когда грянула перестройка... (Ой, да почему грянула-то? Пришла, как время года.) У них, на Ленина, 15, все быстро встало на свои места. Здание горкома проворно заселила новая молодая чиновничья рать, которая большей частью неслышно вызревала в черногалстучной комсомолии.

Даже выйдя на пенсию, Сигов оставался здесь в некоей негласной обойме. Его помнили практически все вплоть до сухонького и искательного «капельдинера» Борис Борисыча. А это была фигу-ура! Прежде, в расцвете лет, он держался в городе на слуху своим неумным заводским новаторством. Всегда неожиданным и каким-то поперечным. Вроде бы хорошее и нужное предлагал Борис Борисыч, но сам же расписывал в заводской многотиражке так заносчиво и хвастливо, что никто не воспринимал его всерьез. Теперь в вестибюле администрации, на своем пенсионном посту, Борис Борисыч шумно и всерьез встречал в штывы любую новость, идущую с «верхов», и прилюдно же низкопоклонствовал перед здешними сильными мира — это была его манера бытия.

Борис Борисыч и прежде любил разговеться у Сигова «опалом», а теперь, когда тот появлялся неурочно, и вообще держал его за сослуживца, первым подавал руку и угощал всегда новой, модной сигаретиной.

От него-то и узнал однажды Сигов, что втихую затевается приватизация недостроенного здания пекарни в Старом поселке. Пекарню затеяли незадолго до реформ, выполняя депутатский наказ избирателей. Но в новых условиях у хлебозавода не оказалось ни средств, ни желания возобновлять долгострой, да и жители, похоже, угомонились: не до выпечки теперь. Зато какой лакомый бутончик расцветал для начального бизнеса: здание уже под крышей, и хлебопекарное оборудование завезено — стоит под навесом и ждет монтажа... Пальчики оближешь.

Сигову достаточно было сделать несколько звонков «хлебозаводчику», который прежде,

будучи членом горкома, снизу вверх смотрел на всемогущего партийного идеолога, чтобы оценить ситуацию и прежним хорошо поставленным начальственным-дружеским баритоном отстранить немногих конкурентов. Ему не пришлось даже сильно напрягать семейный бюджет: в одночасье стал Сигов владельцем белокирпичной незавершенки, которой надобилась только внутренняя отделка.

Первый, с кем поделился новостью, был сын его Семен.

Он был давно женат. Вместе с супругой работал в заводском конструкторском бюро. Эльвира родила ему сына Костьку, а Сигову-старшему внука, общего любимца и избаловника. Костька скоро заканчивал школу, и папаша нацеливал его на юридический институт.

Семен выслушал отца без эмоций, глядя на него прямыми светлыми глазами. «От Парфения, кажись, достались», — думал иной раз Сигов и взглядывал на дедов портрет.

— Тут надо обмозговать, — сказал.

А через день-другой Сигов сына не узнал.

— Значит, так, Николаич (он впервые назвал отца уменьшительным отчеством и больше по-другому уже не называл. Сигову это не показалось ни странным, ни обидным — увиделась в сыне взрослость и этакая ухватистость: «Дай бог, дай бог!»).

Семен сразу взял бизнес в свои руки. Сигов с Таисьей только диву давались. И полгода не прошло, как Семен зарегистрировал акционерную фирму «Сигов и К^о». Семейным бюджетом теперь распоряжался сам. «Николаич — аскал, свое дело смаврил». Но его несуетное слово в доме по-прежнему слушали, что называется, стоя. Им же, Семеном, решено было взять кредит, чтобы установить и отладить оборудование. И скоро в Старом поселке города, вечной неухоженной окраине, появилась своя пекарня, а при ней и хлебобулочный магазин, куда тянулись за хлебом и выпечкой не только местные обитатели.

Секрет популярности пекарни был не в Семене и не в Сигове-старшем, а в Мишке Макарове, которого однажды почти что за руку привел в их дом Костька. Мишка приходился братом Костькиной девчонке-однокласснице, за которой их избаловник то ли бездумно, то ли всерьез ухлестывал.

Это был высокий, бритый наголо, молчаливый детинушка — слова не вытянешь. Два года назад он отслужил в армии и теперь неприкаянно маячил по городу в поисках работы. Словно бы ждал команды своего ротного Хабибулина. В стройбате состоял он пекарем, другого дела не знал и ни в одной конторе долго не задерживался.

Семен, помнится, брезгливо оглядел детинушку, не приняв будто бы по рассеянности его белую, как недопеченая сайка, большую руку. Выслушал Костькины восторги по поводу его уменья печь

домашние хлебы и решил попробовать: «Чем черт не шутит, когда бог спит».

Мишка как пришел тогда в новую пекарню, так вроде бы из нее и не выходил — дневал и ночевал у печи, не снимая своего белого длиннополого фартука. Когда и где только успевал он брить свою гладкоствольную голову. Хлеб у Мишки выходил ну прямо ни в сказке сказать, ни пером описать — всегда теплый, пахучий и с хрустящей корочкой. А какие венские булочки вытворял Мишка! За ними с семи часов утра выстаивалась у булочной веселая и разновозрастная очередь. Иначе как макарским этот хлеб в городе не называли, хотя самого Мишку никто, похоже, и в глаза не видел, а если бы увидел, ни в жизнь бы не поверил, что этот бритый молчун-увалень и есть тот самый хлебодел Макаров.

Фирма «Сигов и К^о» процветала. Сиговы переехали в пятикомнатную квартиру в трехэтажке, возведенной новыми русскими по индивидуальному проекту.

Когда переезжали и дошла очередь до портретов, Семен сказал, как о давно решенном:

— Ты, Николаич, в ум не бери и не подумай чего плохого: время-то какое на дворе? Пусть проживут пока на даче.

Таисья с Эльвирой так те прямо обрадовались, помнили, как однажды, принимая нужных Семену гостей, словно бы невзначай завесили портреты предков, как зеркало при покойнике.

Сигов на тот Семенов указ внешне остался спокоен и державен, слова не сказал ни да, ни против, но про себя Семену порадовался: «Этот не пропадет». Хотя у него самого такой бы смелости не достало. А Костька не заметил.

Так и оказались героические дедовья в дачной мансарде над кроватью с сеткой.

А Семен, расплатившись с кредитом, затеял за городом дачный особняк — не век же ездить на ветхозаветную отцову деревяшку. Виделся ему уже и «мерс», который сменит надоевшего «москвича»... Сына вот надо учить — на общие вступительные экзамены надеяться глупо. Областной центр — это крепость, которую вот так наскоком Николаича не взять. Впрочем сказать, ему с матерью тоже не мешало бы отделиться — купить двухкомнатную. Словом, деньги впереди надобятся серьезные. Фирму «Сигов и К^о» настало время чистить, делать семейной. Пару-тройку друганов-акционеров он убрал бы без труда. А вот как с Мишкой Макаровым быть? Если он останется в числе владельцев, другие тоже зафурчат.

Приспело время крутого разговора — дачного мужского междусобойчика. Без Мишки, разумеется.

...Когда Николаича спровадили в мансарду, Семен взял вожжи в свои руки, не забывая подливать друганам «пшеничной». Коней не торопил, но

неуклонно гнул свою линию и ближе к полуночи остался с сыном наедине.

Костька водки не пил — молод еще, но и отцовы монологи слушал вполуха. То в телек пялился, то затевал возню с рыжим дачным котом Чубайсом. Отец сказал: надо быть — значит, надо. Скользили мимо чьи-то имена, иной раз Мишку поминали, то и дело кто-то голос повышал, а другой пытался запеть...

Когда разошлись, поднялся было и Костька. Но Семен остановил сына:

— погоди, дело есть. Мы, как видишь, тут договорились, что фирму нашу сделаем чисто семейной, Сиговской.

— Ну, — не понял Костька.

— Значит, и Мишку Макарова надо вывести из числа акционеров...

— Мишку? — сразу насторожился Костька.

Отец молчал, а до него доходило медленно и почему-то горячим жаром охватывало лицо.

— Пап, так Мишка же... он же наш, Мишка...

— Ты погоди, горячку-то не пори: какой он наш — Мишка Макаров?

— А я? — все так же горячая лицом, глупо спросил Костька. И совсем зарделся.

— Успокойся, сын, — посчитав, что дело сделано, сказал Семен. — Ты, я, мать, Николаич, бабушка твоя — мы Сиговы все. Только в этой шляпе и дело. Мы — держатели акций, и доход — на пятерых, понял?

— А Мишка Макаров?.. как эти... отец и сын Черепановы?

Семен глядел озадаченно.

— Ну крепостные механики, паровую машину сделали...

Отец деланно и громко захохотал:

— Вот именно! Молодец. Четыре тебе с плюсом! Только он не крепостной, а наемный. — И тут же стер с лица веселость. — Ты не думай, в деньгах Мишка не потеряет, зарплату ему оставим прежнюю. А если ты, как акционер, будешь настаивать, и увеличим.

— А если я как акционер...

— Константин, — тотчас построжал отец, — ты знаешь, сколько их на Чехова?

— На Чехова?

— Ну да, на улице Чехова, 37, на бирже труда. Сколько их там ошивается?

— Кого? — опять не понял Костька.

— Да Макаровых твоих.

Тот ничего не понимал. Хотя смутно и страшно надвигалось на него что-то зловещее. Оно, оказывается, все время жило рядом, только не касалось его, Костьки. Он вспомнил и начал трудно осознавать фразу, не раз им слышанную из уст Оксаны и ее матери: «Эти твои Сиговы». Он пропускал ее мимо ушей, как новобранец не вздрогнул бы от первого просвиста случайной пули, еще не зная, что это пуля и что она смертельна. А теперь он

БЕЗОБРАЗОВА Мария Сергеевна (урожд. Соловьева; 1863 — 1919), дет. писательница, авт. воспоминаний.

Дочь историка С.М.Соловьева, сестра философа Вл. С.Соловьева, жена историка, прозаика, публициста П.В.Безобразова. Авт. кн.: «История одного воробья: Расск. для детей». СПб., 1906; «Горе и радость: Рассказы» М., 1916. «Воспоминания о брате Владимире Соловьеве». — «Мин. годы», 1908. № 5-6; «Был ли Вл. Соловьев католиком?» — «Рус. мысль», 1915. № 11.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5747; «Русский Париж»; РНБ.

БЕЗОБРАЗОВА Нина Феоктистовна (1890 -).

«К находке аммонитов в окрестн. Ташкента» — в кн. «Академику А.П.Павлову» Ташкент, 1928; «К стратиграфии северо-восточной части Ферганской котловины». Ташкент, 1929.

РНБ.

БЕЗОБРАЗОВА Софья Павловна

(См. Де-Губернатис-Безобразова, С.П.)

БЕЗРОДНАЯ Юлия Ивановна (урожд. Яковлева, в замуж. Виленкина; 1858 — 1910), прозаик, драматург.

Жена поэта Н.М.Минского. Начала лит. деятельность в «Свете» Н.П.Вагнера. В мелодраматич. произведениях Б. из жизни уходящих в прошлое «дворянских гнезд» гл. действ. лицами являются, как правило, женщины, обделенные судьбой, жертвы «роковых» обстоятельств. Произведения Б. для детей написаны с пониманием детской психологии. Любопытно, что будучи в 80-х годах замужем за поэтом Н.М.Минским (Виленкиным), Б. в своей самой удачной пьесе «Жемчужное ожерелье» передает атмосферу морального упадка, «необузданного прожигания жизни» «декадентствующего» высшего света. В 1903 г. Б. совершила поездку на Д.Восток, впечатления от которой легли в основу ряда статей и очерков. Некролог — «Вестн. Евр.», 1910. № 7. С.435.

Русские писатели (портр).

БЕЗУГЛОВА Мария Яковлевна, авт. воспоминаний.

Сестра В.Я.Ерошенко. «Светлой души человек». — В кн.: Ерошенко В.Я. Сердце орла, Белгород, 1962. С.192-195.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 4. № 8717.

БЕЗЫМЯННАЯ М.

Уч. в сб. «Избранные произведения русской поэзии». Сост. В.Бонч-Бруевич. Изд. 5-е. СПб., 1909. Розанов.

БЕЙЕРСДОРФ Каролина Венедиктовна, авт. научно-попул. работ.

Сотр. «Птицеводческого листка» (1907-1912). Авт. кн. «I. О разведении и откорме уток. II. Искусственный вывод (Инкубация)». М., 1909 (4 изд.). Венгеров. Источ.; РНБ.

(Продолжение на стр. 79)

словно бы услышал тончайшие нюансы ее произношения. «Эти твои Сиговы». И ему, Костьке, предстояло прийти в дом Оксаны и сказать ей и матери новость о Мишке!

— Да как же я скажу!.. — то ли произнес, то ли про себя воскликнул он.

— Зачем тебе-то говорить? Не грузись этим, сын, — далеко-далеко услышал он голос отца. — Я сам скажу Михаилу.

Невидяще вышел он из зала и невидяще машинально побрел в мансарду деда. Как будто там еще была ему какая-то защита.

А Сигов, когда внизу стихло, задремал.

Проснулся он, когда вошел Костька, весь красный и словно бы не в себе. Расслабил галстук и улегся — руки за голову. Сигов попытался подвигнуться — да куда!... От тесноты ли и неудобства, от нависших ли над ним портретов, или от похмелья стало у Сигова муторно на душе. Опять заговорило в нем чье-то чужое недовольство. Он, Семен, внизу на двуспальной кровати, а его вот... Ни встань, ни повернись. «Тебе, Николаич, с матерью в отдельной-то удобнее будет», — передразнил сына. Какой я ему, в самом деле, Николаич! Взял моду. Бизнесмен на готовенькое.

Но Семена рядом не было. Да и вряд ли он сказал бы это Семену. А Костька лежал рядом, лежал поверх одеяла, даже не сняв ботинок.

— Сколько, внук, от Рюрика-то до тебя минуло? — пошевелился Сигов.

Костька молчал.

— Правильно. Одиннадцать веков с полтиной. Четыре тебе с плюсом. Как говорил твой прадедушка — ужась. А ты пойдя в слюдяное-то оконце посмотри. Глянь на себя. И увидишь все тот же ма-аленький изъянец. Малю-юсенький такой. Думаешь, я тебе Америку открыл? Да ни вот столько! Все сильные мира про этот изъянец знают. Но приходит к ним это знание поздно. Когда они

уже его заложники. Когда изъянец уже во все поры проник. И одолеть его можно только вместе с собой любимым. Нет, ты посмотри, посмотри.

Костька шевельнулся и повернул голову к деду.

— Вот вы говорите — партия успешных людей, — продолжал Сигов. — А она вам для чего? Во-от. Это для вас не вопрос — для чего. Это для вас — семечки. Партия успешных людей, внучек, она для самой себя и есть. Они, — Сигов показал глазами вверх, на портреты, — когда начинали, тоже думали, что их партия — инструмент, а пока этим инструментом орудовали, присмотрелись, попривыкли, глянули в слюдяное-то оконце, а инструмент этот — прямо сказать, кол осиновый с курочком и мушечкой — это сами их руки и есть. И голова. И все они с потрохами ихними. Вот и у вас: успешный — значит, свой человек. А который без гроша и без царя? Да вот Мишка твой, например?

— Де-ед, — укоризненно и пораженно протянул Костька. — Ты чего?

— Да ладно. Не делай большие-то глаза, — остро глянул на внука. — Не понимает он!

С трудом повернувшись на другой бок, Сигов снова задремал, словно бы облегчился. И вдруг разом проснулся — резко кольнуло в сердце. Ему показалось — и не засыпал. А в дверную щель острой солнечной пикой уже проник рассвет. И вдруг Сигов почувствовал, что на тесной кровати стало ему свободно, и, не повернувшись еще к внуку, внутренне заорал диким животным криком:

— Не-е-е-ет!

Костька изломанно полулежал-полувисел на полу. Только одна рука осталась на кровати, намертво защемив в кулаке край одеяла. Тонкая белая детская рука.

Костька повесился на галстуке.

Курьи—Екатеринбург

«Налоговый» рубль пока не отчеканен...

Фото 1

История налогообложения насчитывает тысячелетия. С момента возникновения института государства налоги выступили необходимым звеном экономических отношений. Первоначально налоги существовали бессистемно и несли преимущественно натуральную форму: дань, барщина, налоги продовольствием, снаряжением для княжеских дружин и т.д. По мере развития товарно-денежных отношений они постепенно приняли почти повсеместно исключительно денежную форму и стали ведущим источником доходной части бюджетного устройства.

Финансовая наука говорит о пяти функциях денег, одна из которых — функция средства платежа. Платежа за товары, за услуги и... платежа налогов. Таким образом, связка «деньги — налоги» очевидна и естественна.

Государство, чеканя монеты из драгоценных металлов, удостоверяло точность веса, пробу и, тем самым, — покупательную способность денег. Клеймо государственного штемпеля на монетах прошло путь от простейших вдавленных изображений в VII веке до н. э. (Лидия, Эгина) до высокохудожественных портретов, многоперсонажных сцен и видов городов. Нередко на монетах помещались и тексты об их полноценности и высокой покупательной способности. А вот о налогах в этих текстах практически никогда и не упоминалось. Может быть, — чтобы не нервировать население постоянным напоминанием о том, что эти деньги необходимо отдать государству. Но, скорее всего, есть и другая, более веская причина.

Как известно, монетный доход казны в те времена формировался из разницы между номинальной стоимостью (достоинством) монеты и фактической стоимостью содержащегося в ней металла. Стремясь увеличить свой доход, многие правители, начиная с древних времен, систематически фальсифицировали монеты, либо уменьшая их вес, либо добавляя к драгоценному металлу дешевые примеси (лигатуру). Такая государственная «порча монеты» плюс деятельность фальшивомонетчиков-«частников» вела к снижению покупательной способности денег и экономическим коллизиям.

Причем, навязывая населению вновь отчеканенную «худую» монету, эти же правители взимали налоги и иные платежи лишь полноценными деньгами прежних выпусков. Еще в начале VI века до н.э. тиран Сиракуз Дионисий I под страхом смерти заставил жителей сдать в казну всю имеющуюся монету. Затем монеты были перечеканены, получившиеся новые драхмы объявлены равными двум старым. Населению вернули монеты уже по новому счету, а казна тирана была существенно

пополнена. В средние века в германских государствах аналогичные операции приобрели настолько массовый характер, что даже появилась поговорка «Легкие деньги для страны — худшее наказание, чем тяжелые войны». А неудавшаяся реформа 1655 года на Руси царя Алексея Михайловича? Налоги продолжали взимать серебром, одновременно массово чеканя медные копейки с принудительным курсом, равным серебряной. И через семь лет этих финансовых мероприятий получили «медный бунт»...

Проведенным исследованием денежных знаков: банкнот, монет, монетовидных жетонов, а также ценных бумаг, нам все-таки удалось установить те немногие экземпляры, надписи на которых прямо говорили бы о связи с налогами и иными сборами.

Наиболее известны так называемые «бородавчатые знаки», выпущенные в России по распоряжению царя-реформатора Петра Первого. Они выдавались уплатившим пошлину за право ношения бороды. Знаки были различной формы: круглые (1699 и 1705 гг.) и четырехугольные (1725 г.). Изображение бороды и усов, а также надписи на них: «Деньги взяты», «С бороды пошлина взята» напоминали современным боярам, что несоблюдение современной европейской моды для них превращается в лишнюю и изрядную тяготу, причем, — наряду с царской немилостью, — еще и финансовую (фото 1).

С введением бумажных денег, которые символически представляли активы государства, появилась и

Фото 2

вечная проблема придания им «твердости», обеспечения доверия населения. Так, во время Гражданской войны в России эмиттеры всех «цветов» были озабочены, чтобы выпускаемые ими деньги, — пусть декларативно, — но обеспечивались бы хоть какими-нибудь ценностями. История знает факты, когда выпуск денежных знаков обеспечивался запасами опия, хранящимися в отделении Государственного банка г. Верного (ныне — Алма-Ата). А вот Северокавказская советская республика в 1918 году выпустила свои деньги под будущее поступление табачного акциза (фото 2).

Чуть чаще налоговая тематика проскальзывает в текстах, отпечатанных на ценных бумагах Императорского Российского Правительства конца XIX — начала XX вв. и даже «Займах Свободы» Временного правительства. Обычно в текстах указывается, что эти ценные бумаги по истечении установленного срока принимаются «в казенные залого и для обеспечения акцизных платежей...» (облигации золотых займов), либо «в обеспечение

исправности исполнения подрядов и поставок с казною и разсроченного платежа акциза за вино... акциза за осветительные нефтяные масла...» (свидетельства государственной ренты), либо «...в залоги: ... б) по разсрочиваемому акцизу и в) по обеспечению таможенных пошлин» (внутренние государственные и военные займы царского правительства в 1908—1916 гг., «Заем Свободы» 1917 г.). Эта традиция была продолжена Первым краткосрочным государственным хлебным займом, выпущенным Советским правительством в 1922 году на 10 миллионов пудов ржи. Предъявителью облигации в 1, 3, 5, 10, 25 или 50 «пудов ржи» выдавалось соответствующее количество зерна либо зачитывалось в уплату единого натурального налога, что и подтверждалось подписями Председателя ВЦИК М.И. Калинина, наркомфина Н.Н. Крестинского и наркомпрода Н.П. Брюханова.

Но особо выделяются облигации займа, выпущенного городской управой Пскова в 1918 году. В тексте на обратной стороне облигаций довольно грозно изложено:

«1. Каждое лицо или учреждение, занимающее на свое имя квартиру или комнату, каждое лицо или учреждение, занимающее или занимавшее в течение последних двух лет торгово-промышленное заведение или фабричное помещение, обязано в двухнедельный со дня объявления срок сделать в пользу города взнос, в виде обязательного для всех жителей г. Пскова городского займа в размере, равном однократной или двухкратной месячной наемной платы для жилых, а для торгово-промышленных и фабричных помещений в четырехкратном размере...

5. К лицам, не внесшим займа в течение указанного срока, к лицам, внесшим заем не полностью, а также давшим заведомо ложные указания о цене помещений, будут применены правила взысканий по бесспорным долгам казны, т.е. опись и продажа имущества по требованию Управы» (фото 3).

Надо заметить, что власть в Пскове в это время была отнюдь не большевистской, но вот методы...

Фото 3

Клуб собирателей

РЕКА ВРЕМЕНИ

Это не добровольный заем, а прямо-таки налоговая повинность со строгими санкциями за неисполнение. Даже при И.В. Сталине всеобщая подписка населения на облигации военных займов и займов восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны формально была добровольной.

В отличие от вышеприведенных отечественных «персонажей» исключительно позитивный заряд в «налоговом» смысле несет в себе итальянская монета достоинством 200

Фото 4

лир 1996 года (фото 4), выпущенная в обращение массовым тиражом и посвященная 100-летию юбилею Академии Финансовой гвардии Италии (аналог уже ушедшей в историю Федеральной службы налоговой полиции России).

Остается лишь высказать надежду, что социально-экономическое развитие нашей страны, а вместе с этим деятельность налоговых органов России будут настолько успешными, что это тоже найдет свое отражение на твердом российском рубле. Ведь был же выпущен Центробанком России к 200-летию со дня издания императором Александром Первым Манифеста от 08.09.1802 года «Об учреждении Министерств» целый набор монет (серия из 7 десятирублевых медно-никелевых и серия из 7 серебряных рублевых монет), среди которых есть и монета, посвященная учреждению Министерства финансов России, которому ныне подведомственна Федеральная налоговая служба (фото 5).

Фото 5

БЕКАРЮКОВА-ГИЗЕТТИ Наталия Дмитриевна (псевд. Барвенкова Т; 1859 —), беллетристка.

Врач. Участв. в борьбе с голодом и сыпным тифом в Харьков. и Воронеж. губ.; устройстве народных биб-к. Была знакома с В.Г.Короленко. Авт. «попул. мед. брошюр в беллетристич. форме», а также расск. и пов.: «Уменье — половина спасения. Фимашин рассказ деревенским людям про холеру». М., 1893; «Раздолье. Пов.» М., 1901; «Про холеру» М., 1905; «Великое горе. Рассказ о том, какая беда от «дурной болезни» и как от нее спастись» М., 1893. Сotr. в «Сев. вестн.», «Рус. бог.». Пер. пьесы Р.Поллана «Театр революции». Пб., 1922.

Венгеров. Автобиографии; РНБ.

БЕКЕТОВА А.А.

(См. Кублицкая-Пиоттух А.А.)

БЕКЕТОВА Е.Ф.

Участв. в газете «Волжский вестник» (1899).

БЕКЕТОВА Екатерина Андреевна (в замуж. Краснова; 1855 — 1892), поэтесса, прозаик, переводчица.

Дочь ботаника А.Н.Бекетова и переводчицы Е.Г.Бекетовой (см.), тетка А.А.Блока, жена переводчика и критика П.Н.Краснова. При жизни наиб. известность приобрела как детская писательница, автор переработок и переводчица Диккенса, Гюго, Стивенсона, Р.Хаггарда, Монтескье, Г.А.Бекера и др., а также кн. «Два мира. Пов. из римской жизни первых времен христианства» (СПб., - 1890) — по мотивам «Церкви в катакомбах» кардинала Уайсмана. Ее произв. для детей собраны в посмертн. кн. «Счастливое царство. Рассказы в стихах и прозе для юношества» (М., 1898). «Взрослая» известность пришла к ней после смерти, когда вышел ее сб. «Рассказы» и особо замеченный критикой сб. «Стихотворения. Посмертное издание» (СПб., 1895). Как отмечали некрологи, Б. была отзывчива «на все художественно-изящное». Стихотв. Б. «Сирень», положенное на музыку С.Рахманиновым, исполняется и в наши дни.

Русские писатели (портр.); Сто одна поэтесса серебряного века.

БЕКЕТОВА Елизавета Григорьевна (1834 — 1902), переводчица.

Дочь путешественника и естествоиспытателя Г.С.Карелина, родилась в Оренбурге; мать Е.А.Бекетовой (см.), М.А.Бекетовой (см.), А.А.Кублицкой-Пиоттух (см.), бабушка А.А.Блока, жена ботаника А.Н.Бекетова. Б. свободно владела основными европейскими языками и активно занималась переводами, помогая этим мужу в его научных трудах. Но и перечень переведенных ею самой авторов был бы огромным. Ей принадлежит, например, один из лучших (по оценке Блока) переводов «Сентиментального воспитания» Г.Флобера. Заслугой Б. является то, что обладая большой общей и литературной культурой, она поддерживала и развивала литературные интересы в семье, оказала воздействие на формирование художественного мировоззрения А.А.Блока. Последняя работа Б. — кн. попул. очерков об англ. механиках (ряд биографий в ней принадл. М.А.Бекетовой и А.А.Кублицкой-Пиоттух).

Русские писатели (портр.); КЛЭ; Слов. рус. писательниц.

(Продолжение в следующем номере)

Бегство староверов на Алтай

Среди русских первопоселенцев на Урале было много староверов. Эти люди сопротивлялись всякому принуждению. При утеснении уральских староверов их взоры и устремления направлялись в Сибирь, на Дальний Восток, куда труднее было дотянуться карательным органам церкви и самодержавия.

11 мая 1847 года, например, убежали крестьяне ревдинского завода Пимен Васильевич Мельков, Петр Афанасьевич Заварилов и Никита Петрович Курылов, принадлежащие к приходу Михайло-Архангельской церкви. Вероятно, они с давнего времени общались с раскольниками. Они скрылись вместе со староверами Василием Ивановичем Разумовым, братьями Григорием и Исаком Никитичами Еремиными, единоверцем Харитоном Яковлевичем Найденовым. 11 апреля 1848 года отлучились в Екатеринбург по собственной надобности и не вернулись Аристарх Ряпосов и третий брат Карп Еремин.

24 апреля 1848 г. Ревдинская контора решила учинить свое секретное разыскание в раскольничьих домах: не имеется ли у кого-либо с бежавшими людьми переписки. У крестьянина Никиты Еремина, у коего скрылись родные сыновья, была найдена рукописная тетрадка, исписанная на манер церковной печати. Вот ее содержание.

«1844-го года. Путешественник действительно самовидец инок из Тобольской области именем Марко, бывший во Японском государстве, его самопутешественник маршрут сиреч и путешественник от Екатеринбурга на Тюмень и на Барнаул, на деревню Избенек, вверх по реке Катунь на Красную реку же и на деревню Устюбу, и во оной спросить странноприемника Петра Кирилова, и около их нашед множество тайных имаю и далее от оных снеговые горы исчислить невозможно, между ими, островами имеются великие горы, а в тамошних пребываниях онаго народа извещая хриstopодражателя древняго, благочестия святые соборные Апостольския церкви, и со истинною заверяю, потому что я был со двумя иноками, недостойный старец Марко в восточных странах с великим нашим любопытствием и старанием древняго благочестия православного священства, которое весьма нужно ко спасению души, с помощью Божию обрели ассирского языка 170-ть церквей и они имеют патриарха православного и антиохийского поставления 54 митрополита, а российских 40 церквей; то же

имеют митрополита и епископа ассирского, и от гонения римских еретиков много народу уклонилось в те самые в восточные страны, а россияне во время изменения благочестия уклонились из Соловецкой обители и из прочих мест много народу отправились кораблями Ледовитым морем и сухим путем, Бог наполняет сие место, а кто имеет сомнение, то поставляю самого Творца Всевидящего свидетелем, яко иметь пребывать и до второго пришествия Христова, а в том месте приводящих из России принимают первым чином, крестят совершенно, в три погружения, желающих тамо прибыть до конца своей жизни, и бывшие со мною два инока согласились тамо вечно остаться и приняли святое крещение, и тамошние глаголют вы вси осквернились в великих и различных грехах антихристовых, писано бо есть: изыдите от среды их нечистивых, не прикоснитесь змия гонящего за женою и немогуща постигнуть ие, скрися жена в рамены земныя. А в тамошнем месте татьбы не бывают и прочих противно закону и светскаго суда не имеют, а управляют народом древняя власти, а древа тамо равны с высочайшими горами, а во время зимы мразы бывают необычные с разселинми земными и громи с землятрясением немалым бывают, и всякие земные плоды весьма изобильны рождаются, виноград и сорочинское пшено и из него муку делают, и иных единоверных и в свою землю никого не впускают, и войны у них ни с кем не бывает, и отдана им страна китайским государством, и много у них золота и серебра, и драгого бисера и камня драгого, есть у них град удивительный, яко и подобно ему по всей вселенной не обретается, столичный град Кабан-памятник. А кто хочет прожизвание иметь по Томской губернии, уезда Бийска, волости Смоленской, деревни Красноярской, тут Давыд Данилов Цепилин, от ково 70 лет, от Екатеринбурга 2065-ть верст — в Камышлов город, в Каинск город (Томской губернии, ныне Куйбышев в Новосибирской области, прим. В. Трусов), из Каинска в Барнаул, из Барнаула в Смоленскую волость, деревню Краснояр, спрашивать Данилова старика, или детей его, или кому он поручил для препровождения желающих ко спасению». (ГАСО. Ф.24. Оп. 23. Д. 5684)

По следствию над Никитой Ереминым оказалось: 1) рукописная тетрадь найдена в ящике, который принадлежал его сыновьям; 2) от кого, когда

Уральский старовер

и каким образом попала тетрадь в ящик, он не знает. Так же точно отозвались жена и две дочери. При том в неизвестности об этом предмете Никита оправдывается тем что неграмотен, имеет бельма на глазах и ничего не видит. Он и семейные его не знают о причинах, побудивших сыновей к побегу. Семь человек соседей отозвались неведением того, кто писал и каким образом тетрадь попала в ереминский дом. После рассмотрения дела крестьянина Никиту Еремина оставили без последствий, т. к. он оказался совершенно невиновным.

В 30-х годах XIX столетия распространилась весть, что на востоке сохранилось старообрядчество в первоизданном виде. Сюда стали направляться многие староверы, позднее их стали называть бегунами. Был составлен специальный путеводитель для тех, кто желал туда «побежать». Это староверческое движение поделилось на две взаимосвязанные части: одна находилась в движении, в бегах, другая часть обеспечивала пристанище. В домах были устроены укромные места — подполья и чердаки. По стране таких домов имелись многие сотни. Бегуны о них знали и двигались не как попало, а по определенным маршрутам.

Бегуны не просто срывались с места и бежали. Они сначала принимали крещение (в реке или чане, налитом дождевой водой). После крещения кандидат в бегуны уходил в лес и там проходил испытание. Если он находил в себе достаточно сил, то постригался в иночество. Он объявлялся самовольно отлучившимся. Уничтожал свой паспорт, оставлял все свои прежние мирские заботы и пускался в бега, снабженный инструкциями, новым паспортом и описанием маршрута.

3 июня 1847 года один из беглецов Петр Завариллов сам добровольно явился в Ревдинский

завод. На допросе показал, что он и его товарищи были подговорены к побегу Найденовым и Разумовым. Они, будучи раскольниками, в продолжение почти года тайно соглашали их бежать из завода в Сибирь на китайскую границу, говоря, что жить там будет хорошо и можно беспрепятственно молиться Богу по всем раскольническим обрядам. Он, Завариллов, по глупости своей согласился оставить место своего жительства и в числе семи человек бежал из завода вместе с Найденовым и Разумовым. Найденов, как грамотный и по ремеслу слесарь, сделал конторскую печать. Написал на гербовой бумаге билеты и всех их снабдил этими подложно составленными видами от имени Ревдинской заводской конторы, подписавшись вместо управляющего заводами и прочих членов конторы. В билетах настоящие имена скрыл, а написал всем другие, выдуманные, которыми и велел называться. Далее Завариллов объяснил, что, проследовав город Ялуторовск, он дорогой заболел и был брошен своими товарищами без всякой помощи. По этой причине и осознав свой необдуманый поступок, он возвратился домой, но вблизи своего жительства в лесу бросил фальшивый билет (он действительно был отыскан).

Дело о побеге ревдинских крестьян рассматривалось в Секретном совещательном комитете по делам о раскольниках, возглавляемом генерал-лейтенантом Глинкой и екатеринбургским епископом Ионой. Совещательный комитет решил снести с томским гражданским губернатором, прося его сделать тщательное разыскание в месте, указанном в рукописной тетради. Не скрываясь ли там действительно ревдинские раскольники под чужими именами и с фальшивыми билетами, и, если они обнаружатся, всех арестовать, возвратить в место их жительства, а виновных подвергнуть строгому законному преследованию.

На запрос с Урала исправник Бийского земства Томской губернии сообщил, что 10 июня 1848 года в деревне Красноярской Смоленской волости жил крестьянин Давыд Данилов, но не Цепелин, а Шепелин, неграмотный, который более четырех лет назад умер. Остались у него жена и дети: Николай, Денис, Андрей и Афанасий. Живут в деревне Красноярской порознь в своих домах, из них Денис и Андрей грамотны. Деревни Избень не имеется, а есть деревня под названием Усть-Слизень, расположенная вверх по реке Катунь в сторону к Калмыцким жилищам. До них от крайних селений Смоленской волости более 50 верст, и добраться можно только летом на верховых лошадях. Там были сделаны розыски, но бежавших с Ревдинского завода раскольников не найдено. Шепелины живут в 30 верстах от города Бийска в деревне Красноярской. Они не были замечены в принятии каких-либо беглых и ныне в том ничем не подозреваются.

Судьба ревдинских беглецов осталась неизвестной.

Два случая из туристской практики

ЗАТОР У ЛОБАЧА

Пермские любители весеннего сплава по большой воде едут на первомайские праздники на южные реки области: Сылва, Ирень, Бабка. На День Победы можно податься на горные реки Вижай, Усьва, Койва и другие. Вскрытие рек диктует сроки сплава.

Наша группа решила пройти небольшой отрезок по реке Сылва. Электричкой Пермь-2 — Шалы мы доехали до остановочного пункта Пятково. Пройдя по ходу поезда около километра, свернули влево к реке. На пятачке в лесу у берега разбили бивак. Порадовала чистойшая вода родничка, бывшего рядом с нашим местом.

Ниже по течению на реке увидели ровное белое поле льда. Поставили палатки, собрали плавсредства, приготовили ужин, вечером у костра пели песни под гитару, потом по традиции праздничный салют.

Утром затора не обнаруживаем — ушел ночью.

Решили, что сниматься не будем. Километрах в семи от нашей стоянки за деревней Сухой Лог стоит камень Лобач, и наш затор торчит у него. «Идём в разведку», — сказал руководитель.

На правый берег переправляемся на двухместной байдарке по одному. Хозяин судна остаётся на стоянке, а мы с перекусом и термосом топаем берегом вниз по течению. По реке нас обгоняют небольшие льдины и мусор половодья.

За деревней Сухой Лог примерно в километре виден во всей красе камень Лобач, а перед ним торчит «наш» лёд, так как Сылва делает дугу перед самым камнем. Мы решили сходить на вершину, но... Метров за сто до подножья камня берег отвесный, а река забита льдом. Напрашиваются два варианта: преодолеть эту стометровку по льду или идти на подъём в крутую лесистую гору и вёрхом — на вершину. Последнее слово, как всегда, за руководителем.

Тут немного хочется сказать о роли старшего в группе. Хороший, безаварийный поход зависит от многих факторов: разработка маршрута, подготовка снаряжения, опыт участников и т.д. Хорошо

«схоженную» группу отличает дисциплина. Не та, что в армии, которая держится на приказах, а та, что строится на уважении и ответственности друг перед другом. Наш руководитель, Иван Николаевич, придерживается известного принципа: «мы тут посоветовались, и я решил»... Это правило никогда не подводило нас ни в пешеходных, ни в лыжных походах, ни на сплаве. Так было и на этот раз.

Самый шустрый из нас, Саша Польшгалов, начал было разгибать свои ботфорты у болотников, намереваясь показать всем, как надо преодолевать стометровку по льдинам. Надо было видеть его обиду и разочарование, когда Иван Николаевич тихо, но чётко сказал: «Всем в гору».

Бедная крутая и скользкая тропинка, сколько она услышала непечатных слов в свой адрес, пока мы поднимались!

Вот и вершина камня Лобач. Красота! Сылва тёмной лентой уходит дальше, за камнем свободная ото льда, а под нами белая дуга затора.

Не успели перевести дух после подъема, как на реке закрипело и гулко заухало. Пошёл лёд: многотонные глыбы взбирались друг на друга и топили своих соседок, а те, вынырнув, громоздились на следующие. Вся эта огромная масса льда сдвинулась и пошла, набирая скорость. Зрелище незабываемое! Наверняка каждый из нас подумал, что могло бы произойти, окажись мы в этот момент на той злосчастной стометровке. Из деликатности никто не смотрел на несостоявшегося спринтера Сашу.

Проводив взглядами ушедший лёд и походив по раскопкам археологов недалеко от вершины, отправились обратно. Плотно пообедав на стоянке, подкачав плавсредства, свернув бивак, мы начали сплав. Проходя Лобач на суднах, даже не верилось, что несколько часов назад здесь творилось что-то невероятное.

Сделав ещё пару ночевков, мы благополучно прошли наш маршрут и уехали домой со станции Чикали, что находится на противоположном берегу знакомого альпинистам камня Ермак.

Иван Чусов

СЛУЧАЙ НА РЕВУНЕ

В окрестностях города Е, на реке Исеть, имеется специально оборудованный полигон для тренировок на бурной воде. Это порог «Ревун». Много забавных историй произошло в этом месте. Вот одна из них, её рассказал мне наш братец Энц.

В 1990 году это было. Энц приехал на слаломные сборы. Выйдя утром из палатки, наблюдает такую картину. Слаломисты из Тюмени и Нижнего Тагила носятся по поляне, как электровеники, с какими-то огромными сумками, чего-то таскают в лагерь. Ну, спортсмены вообще имеют такую странную привычку — по территории лагеря передвигаться только бегом. «Наверное, это у них новые тренировки такие», — подумал Энц, взял лодочку и пошёл кататься. Поднялся на старт, сел в лодочку, поехал...

Прыгает в первую бочку, из нее в суводь направо. Глядь, что такое? Вся суводь битком набита арбузами! Да-да, самыми настоящими, спелыми, огромными

арбузами! Траверснул бочку, заходит в левую суводь, и тут та же картина — всюду арбузы. «Ну дела! — думает Энц. — Чё попало творится. Надо посмотреть, откуда это плывет». Идёт наверх, а вокруг слаломисты так и носятся с тяжёлыми сумками, арбузы в лагерь таскают. Доходит до автомобильного моста, что выше по течению, и наблюдает такую картину. С моста в реку свалился «Камаз» и лежит себе, никому не мешает. А вокруг него такой ажиотаж! Слаломисты на лодках прямо в кунг заплывают, арбузы грузят пачками и на берег свозят. А чего добру зря пропадать! Наш друг, недолго думая, туда же, ведь не каждый день по реке арбузы плывут. Выбирает себе пару роскошных арбузов и на берег.

А на мосту местные жители кучкуются, до арбузов добраться не могут, им только корки достаются. Так они со злости швыряются этими корками в каякеров. Туристы на берегу, на песке выкройкой рисуют, тент от «Камаза» делят. Короче говоря, еще бы пара часов, и от машины остался бы только тягач. Но тут приезжает водитель с автокраном и начинает операцию спасения того, что ещё осталось от арбузомобиля.

Вот такая, блин, история. Хотите верьте, хотите нет, но только это чистая правда!

Юрий Шишкин

DW (Владимир Труфанов) — житель Свердловской области, р.п. Пышма. Когда-то — выпускник филфака УрГУ, когда-то, в течение 11 лет, — школьный преподаватель литературы, когда-то — один из авторов и редактор текстов песен, вокалист софт-рок-группы А. Иванова и А. Матушкина «Э.Х.О.» (Эпитафия хроническому оптимизму). Один из соредакторов самиздатовой неполитической газеты «А», канувшей в Лету (если в Лету можно кануть временно). Автор стихов, публикуемых им же в ленте поэтических сайтов (stih.ru, resheto.ru и проч.).

Подборка его прозаических миниатур «И вообще...» суть то, что не вошло или вошло в рубрику газеты «А» «Моменты истинных» — поддержка идеи главного редактора и автора газеты Яна Кирова публиковать в номере короткие и сверхкороткие художественные тексты, приближающиеся к афоризмам, удетеронам (коротким верлибрам) или «заметкам на полях — запискам на манжетах», в подражание, скажем, В.В. Розанову или Вен. Ерофееву. На худой конец — В. Вишневскому и В. Шендеровичу.

Владимир ТРУФАНОВ

И вообще...

ЭТИМ ЛЕТОМ В ЭТОЙ СТРАНЕ

Население России разделится на богатых и бедных. Но как-то не поворачивается язык, уподобляясь американцам, называть бедных неудачниками (loser), богатых — счастливыми (lucky). У нас все честнее: бедный — лох, богатый — крутой.

Вот она — национальная самобытность, ага.

Шел, набирая sms. Обычно меня в такие моменты останавливают сотрудники ГИБДД, но сейчас остановила какая-то бабушка.

— Это и есть, что ли, мобильник? — спросила она в лоб. Да, прямо в лоб, с разбегу.

Я открыл рот, несказанно удивляясь вопросу и размышляя над ответом. «Бабушка. — Мобильник. — Внук просит. — Где купить? — Да вот же, в "Арт-Мобайле", два шага шагнуть!»

— А... ага... он самый, мобильный.

— Тык эта, значить, это их все время воруют!!

Вот, блин, гадство: мягкая пачка «Балканки» в кармане мнется, твердая — сама карман рвет. Хоть совсем курить бросай!

Да что же это за лето-то такое!

Незнакомка

— Молодой человек! — окликнула меня незнакомка. Или это я ее окликнул?

Потом, беседа, мы брели по заснеженному умиротворенному городу. С ней было молчаливо и легко... Я рассказал Незнакомке самого себя, свои беды и неудачи, свое красивое одиночество... я прочёл ей стихи... — она взглянула на меня благосклонно.

— А кем вы работаете? — спросил я. Почти нестати, как это бывает в минуту внезапного опьянения беседой с совершенно незнакомым, но безумно располагающим к себе человеком.

— Я? ... Я работаю незнакомкой... — улыбнулась она.

В улыбке ее не хватало одного зуба. Цены девушки показались мне умеренными...

«У каждого свои понты, — сказал я владельцу джипа «Чероки», — у кого-то — ездить на джипе «Чероки», а у кого-то — говорить владельцу джипа «Чероки», что у каждого свои понты, а именно: у кого-то — ездить на джипе «Чероки», а у кого-то — говорить владельцу джипа «Чероки», что у каждого свои понты, а именно: у кого-то...»

В общем, уехал он. И стою я с разбитым лицом и ощущением собственной глубокой правоты.

Впрочем, «ощущение собственной правоты» есть не что иное, как понты. А понты у каждого свои: у кого-то — ездить на джипе «Чероки», а у кого-то — говорить владельцу джипа «Чероки», что у каждого свои понты...

Да что же это за лето-то такое!

«Простота, правда и естественность — вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства» (К. Глюк) — отчего-то транспарантом висело над доской, возле которой косматой расхаживал новенький учитель технологии у мальчиков-шестиклассников.

Дети? — Возможно, «дети» лишь решились ему.

Постепенно, в качестве примера, подчеркивающего какую-то особенно горнюю его мысль, учитель на глазах изумленных детей буквально из ничего — из тривиальной древесины — создал табурет.

Табурет был не то чтобы совершенен, но... была в нем какая-то простота, правда и — в деревенской школе — естественность.

Перед входом в дендрарий висело объявление: «Выгул собак запрещен», — и другое: «Вход на лыжах запрещен». Вот блин! А я как раз был на лыжах и с собакой!

Да что же это за лето-то такое!

Российские йогины не полагают суеверие грехом. Для них суеверие — глупость. Например, считается, что если переступить через лежащего человека, то он непременно «перестанет расти». — Предрассудки собачьи! Расти он не перестанет! Ну... разве что духовно.

Новую породу собак, специально заточенную под Педигри? — Работаем, господа! работаем!!!

Новая порода людей, специально заточенная по Нокия, уже выведена.

И вообще, американцы любят USA, а мы — Родину. Есть разница, наверное...

Нина Арбенина, чайка, — погибла. Сокол, «безумству храбрых» котрый, — разбился.

А ведь еще гораздо раньше Икар, жертва технологической недоработки и собственного пафоса, — утонул.

Так и не дожили до эпохи птичьего гриппа.

На чешуе жестяной рыбы
Прочел я зовы новых губ,
А вы: «ноктюрн-ноктюрн...»
ТЬфу на вас!

Да, скифы мы. Да, азиаты мы. Да. Ну и что? у?

Что делать?
Кто виноват?
и
Кто сказал «мяу»???
(разве последнее не важно? м?)

По сути дела, эпитафии пришли в литературу из девичьих альбомов...
Лазайте по ЖЖ — полезно, авторы.

— Дура ты!
— Зато красивая.
— Кто тебе это сказал?
— Ты...
— И ты поверила?
— Конечно.
— Ну и дура!
— Зато красивая!

— Профессор, моего мужа видели вместе с моей подругой... Но — оба утверждают, что это был не он, а его клон. Возможно ли такое??

— Клон? Клон... Да какой там, к чертям, клон! Разве ж это «клон»?! — Так, пиратская копия.

— Признавайся! У вас с ним что-то было!!!
— (пауза)... Да... (пауза). Мы встречались... (пауза). Два раза... (пауза). В центральном офисе... (пауза). Здоровались...

Звонок в дверь. Последовавшее дверьИ открытие.
— Ты??... Заруби себе на носу, милочка: моего мужа для тебя здесь больше нет и быть не может!
— Да ладно, я со своим пришла..

— Двадцать пять зажигалок в кармане моем. Покурим, друзья? Вдвадцатипятером?
Друзья:
— Хы. Покурим :)

Чайка

Сен-Жармен:
 – Черт с вами, Овечкин, давайте свой тест.
 Овечкин:
 – Вообще-то мадемуазель Лахтерманн не абы как, она, видишь ли, психолог! Не пренебрегай, Серж, наукой о душе!
 Сен-Жармен:
 – Да хрен бы с ними обеими, Овечкин: и с мадемуазелей вашей, и с наукой ее о душе всякой. Вопрос давайте, пока я не напился пьян окончательно.
 Овечкин (загадочно и даже втянув живот):
 – Что для тебя... – «чайки»?!
 Сен-Жармен (поперхнувшись):
 – Э... ну... хм... ну, как бы да... Как бы, восторгаюсь... Издалека. Сугубо из уважения к сложившемуся у народа (матросов и театралов) романтического символа-архетипа. Но! помню (сам видел), как чайки, грязные, шарятся в помойках.
 Овечкин:
 – Разве?
 Сен-Жармен:
 – Да вовсе. Они ведь просто-напросто водные вороны...
 Овечкин:
 – М-да... Серж, а ты, выходит, сволочь еще та... Вообще-то вопрос подразумевал: как вы относитесь к женщинам?
 Занавес.

Парадокс

Сен-Жармен:
 – Овечкин, а почему вы не бросите писать стихов? Вы же бездарь и поддонок.
 Овечкин:
 – Парадоксами выражаться изволишь, скот?
 Занавес.

Активная политическая позиция

Овечкин:
 – Так дальше жить нельзя! Понимаешь? Нельзя жить без активной политической деятельности! Понимаешь? Даже «ЕР» демонстрации протеста проводит! Прямо как оппозиция настоящая!
 Сен-Жармен:
 – У-у... И против чего же вы, милейший, предлагаете нам провести «демонстрацию протеста»?
 Овечкин:
 – Да хоть против чего, понимаешь! Да хоть против онанизма!
 Сен-Жармен:
 – Против онанизма?... хм... Вот вечно вас в оппозицию тянет...
 Занавес.

Беседа памяти певца, незабвенного

Сен-Жармен:
 – Овечкин, а ведь, блин, знаете, был это бездарнейший поэт: лживый и прямой. «Поэты не рождаются случайно, Они летят на землю с высоты». Слыхали?! Прямо парашютисты, эти поэты наши «простые». Знаете, за такие песни убивать надо. Прямо на сцене. Но – за кулисами. Чтобы зритель не видел. А то ведь он до сих пор думает, что какой-нибудь Ленский был талантливый поэт: образ такой, романтический. Но Ленский, по крайней мере, хоть глупо, но любил, а этот... Да-с... о мертвых aut bene aut nihil. (Прошу прощения за мой латинский...) Но ведь, по сути, бездарнейший поэт, бездарнейший...
 Овечкин:
 – Ты! Молчать! Не смей говорить о Нем в уничижительном тоне! Игорь был – Поэт!
 Поэтище!
 Бездарнейший!
 Сен-Жармен:
 – И то верно... Не дыши только на меня... Пойдем лучше водку трескать.
 Занавес.

Мало кто знает, что на самом деле пресловутой Варваре на базаре оторвали не только нос. До базара Варвару вообще звали Виктором.

И вообще, если уж быть совсем точными, то не «на базаре», а «во время базара». Как-то так, ага.

– Ожидание конца лучше, чем сам конец... (Опыт женщины)

Сказка – ложь, да за нее и удавиться не жалко.

А добро побеждает зло.
Как? — зло...

Великий Горин: «Мы не знаем имени зодчего храма Артемиды, но мы помним Герострата».

Наивный Горин, мы не помним Герострата (или вроде на слуху. Но так, далеким отголоском), а уж храм какой именно богини он сжег... Или что он там с ним сделал? а?

Не-е... деньги не дерьмо... Деньги это — мухи, что летят на дерьмо. Равно как и на мед, и на сахарный мухомор. Не суть, на что именно.

Не суть ли?

И вообще, на дас лично много денег? :)

Когда отпала острая необходимость следить за чистотой речи, стал чаще обращать внимание на чистоту полости рта.

Его голова была подобна урне в университетской курилке, заполненная окурками чужих мыслей.

Она была еще в том нежном возрасте, когда мечтают о джедаях, а влюбляются в ди-джеев.

Его упрекнули в эгоизме. Мордой об стол. И он пристыдился.

Рефлектируя, он запретил себе употреблять в речи местоимение «я» — и с удивлением заметил, что ему не о чем стало говорить с людьми.

Параноя прогрессировала успешно. Постепенно в разговоре с собой он перешёл на «Вы».

Ушел откуда? — оттуда.

Куда он ушел? — в никуда.

И где он теперь работает? — Работает в нигде. В нигде хорошо: там павлины...

А она уже настолько походила на ангелочка, что совершенно не могла спать на спине и заниматься любовью в позе бутерброда — со своим молодым человеком, единственным, разумеется.

Крылышки мешали.

У него было настолько пламенное сердце, что, когда он говорил, изо рта его пахло шашлыком.

И ВООБЩЕ

И вообще, не дай мне Бог дойти до такого состояния, когда мне не останется ничего, кроме того, как быть правым.

А ВЕДЬ БЫЛО МНЕ 7 ЛЕТ

Философия

А ведь было мне 7 лет, было! И много уже знал. Что такое математика, знал. Что такое физика-химия-литература, знал — мама объяснила. И даже что такое ботаника, знал. А вот что такое философия — загадка тайная такая, непостижимая, до щемления под сердцем...

— Вот! — сказала мама (она в г. Болотное выросла). — Я в детстве тоже у своего учителя истории спросила, что такое философия? — «А! — он рукой махнул. — Плюнь на нее. Сплошное через пень колода!» Вот и ты, сынок, не бери в голову ерунду всякую.

Хм... Эта «черезпеньколода» была раза в три загадочней и таинственней просто «философии». До щемления под сердцем.

Самая главная буква

Было мне 7 лет, и читать только-только начал. Сюжет рассказа в «Барвинке» был таков:

Подготовка к октябратскому утреннику, репетиция октябратского агит-шоу. И у каждого октябренка на груди табличка с буквой — слова на сцене составлять значимые: «Родина», «Партия», «Ленин» и т.п. И гордыми ходят носители букв Р, П, Л и т.п. И так печалится мальчик, главный герой, ибо досталась ему буква

самая что ни на есть невестребованная, с которой ни одно значительное слово не начинается!

А буква досталась мальчику — «Х».

А рассказ назывался «Самая главная буква».

Разумеется-разумеется, слово для героя нашлось, и было это слово «Хлеб».

Да. Но: ну, не верю теперь я, что у автора этого рассказа мысли чистыми были — сам грешен. :)

Свастика

Скажу больше: было мне не 7 лет, а целых 5!

И знал, что в мире есть Две Главных Силы: сила Добра (наши) и сила Зла (немцы). И у сил — Знаки! Красная звезда и фашистский крест!

И наши — победили!

Но — наши победили...

Ой... но не может же быть сила Добра без силы Зла? Ведь правда?? Не по-честному это! ... К чему стремиться-то теперь? М?

А наши в 1945-м взяли и победили...

Но! Есть теперь Америка!!! Вот он, Враг!

Ой... а Знака-то у нее и нет вроде...

Сознание ребенка не терпит неполноты и нелогичности — и ищущему да возрадуются: на б-й, однажды, странице газеты «Правда» кукурынический политрисунук — художочный, козлинобородый, в шутовском звездно-полосатом колпаке-цилиндре дядя Сэм! С мешком! И на мешке — новая свастика! — \$, угу!

Знаете, идите к черту с вашей идеологией, да и крест православный из другой системы ценностей. \$ — знак Зла. Да. Вот. Мозгами младенца, как говорилось бы... Звезду-то, красную, пятиконечную, он победил.

«А я всегда за тех, кто побеждает», — спел Труфальдино из Бергама, угу.

НЕУДАЧНИК

Словно встроен в человека регулятор, который не дает ему подняться в жизни выше определенного уровня <...> Удачи нет.
М. Веллер. «Умопомрачение»

В общем, его целью было нарушить хотя бы один из законов бытия. Ничего не выходило.

* Например: всякий раз, когда он (с целью полетать) выбрасывался из окна четвертого этажа, он непременно разбивался.

Или.

Будучи неудачником, он, хоть тресни, спотыкался, разбивал себе лоб и обдираал одежду и кожу до крови, когда проходил сквозь стены.

* Например: в периоды, когда он верил в Бога и Богу, ему ничего не стоило бы сдвинуть какую-нибудь гору усилием воли, одной только этой безусловной верой.

Но — работа, вечная напряженка с деньгами, недоумение и заплаканные глаза жены, мысль о неизбежных обвалах, селях и нарушениях экологического баланса...

* Например: читая мысли людей (по настоятельной просьбе сотрудников ФСБ и с санкции прокуратуры), ничего удобоваримого фактического прочесть он никак не мог, быстро утомляясь: мысли людей — не произнесенные — словами, синтаксическими конструкциями и цифрами стабильными этими формулами длительно не задерживаются. «Плохо» или «хорошо», «+» или «-» — единственное, что у них в головах свербит и свистит. А ему — неверие и неуважение...

* Например, еще: изначально у него было на одну его человеко-душу два тела — мужское и женское.

Душа, в конце концов, как ртуть, перетекла в тело мужское и застрадала. А бездушная женщина была счастлива.

Он — радовался, за себя.

* Например: одно время он дружил с калифом по прозвищу Аист. Развлечения ради, полюблял превращаться в кролика-самца. О! Ему нравилось заниматься с крольчихами этим очень-очень!

Но, как ни старался, не мог превратиться ни в банальную человеческую женщину, чтобы испытать женский оргазм, боль родов и радость материнства, ни в скакуна-иноходца. Куприн вот тоже того же хотел — в женщину и в коня. Тоже не смог.

* Например: он не любил йогинов, достигших просветления, буддистов, достигших нирваны, дон-хуанов, объевшихся грибов и тоже чего-то там постигших. О Серафиме Саровском думал, нос морща. Завидовал.

Бывало так: замкнется в себе — и жалостью к себе занимается. Сидя на Марсе, ножки свесив.

* Кстати, о Марсе: его неоднократно посылали то на... то в... И никак он не мог попасть туда, куда послан, — и каждый раз все на Марс да на Марс. Фатум какой-то, Ches. слово.

* Например:

— Я не хочу отвоевывать себе место под солнцем, — говаривал он. — Хочу к миру, созданному Всевышним, пристроить свое местечко. Сам. Свое. Сам. Честнее ведь так? М?

— Гордыня, — справедливо заметили ему.

И одним спутником у Земли стало меньше.

* НЕ ВЫХОДИЛО НИЧЕГО: ни один из трюков Мюнхгаузена, ни схема perpetuum mobile, ни щука, из проруби, говорящая, — в ведро деревянное, ни чтобы не было войны, ни дважды два — пять, ни волки сыты и овцы целы, ни рыбку съесть и на елку не сесть, ни дорогу осилит идущий даже...

«Не будь упрям как осел, — говорили ему. — Живи реальностью». Но он был упрям как осел — и все известные ему реальности (около полутора тысяч, из которых около 95 создал он сам) оттого так и продолжали жить по своим абсолютным бытийным законам, придуманным для счастливых.

И оставалось ему только Бога гневить. — Получалось.

Но. Справедливости ради.

Однажды один из законов бытия нарушить ему почти удалось: целых 48 секунд он был счастлив.

(Обратите внимание: стоит двоеточие, а не тире.)

Ага.